

Социология



**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

5
2019

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и инфор-
мации Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный
университет
им. М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
119992, Москва, Ленинские го-
ры, МГУ им. М.В. Ломоносова,
социологический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.: (495) 939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
<http://soziologi.ru>

*Гарнитура MysIC.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,0.
Тираж 300 экз. Заказ №484.*

Подписано в печать 09.11.2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

В.И. Добреньков

Заместитель главного редактора:

А.И. Кравченко

Заведующая редакцией:

А.А. Ведерникова

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ю.П. Аверин, А.И. Антонов,
С.А. Барков, В.П. Васильев,
Ю.Г. Волков, В.И. Гараджа,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
А.Г. Дугин, Г.В. Дыльнов, Л.Я. Дят-
ченко, С.Г. Ивченков, Н.Р. Исправ-
никова, П.Ф. Кравчук, В.А. Кудряв-
цев, В.Н. Кузнецов, А.И. Куропят-
ник, А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
И.К. Масалков, Ф.И. Минюшев,
А.П. Михайлов, Л.Н. Панкова,
В.Н. Петров, Н.Я. Полякова,
М.В. Романенко, В.В. Серебрянни-
ков, Г.Г. Силласте, Н.Г. Скворцов,
Н.Л. Смакотина, И.Т. Тощенко,
Н.С. Федоркин, М.С. Халиков,
В.А. Шаповалов.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи - до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи необходимо указать полное название статьи, ФИО автора (авторов).

Необходимо указать источники всех приводимых в статье цитат, статистических данных, иной информации. Библиографический список оформляется в соответствии с государственным стандартом (ГОСТ 7.4-95. Издания. Выходные сведения). Все аббревиатуры должны быть пояснены.

Аннотация и ключевые слова к статье на русском и английском языках (до 5 аннотированных предложений и до 10 ключевых слов на каждом языке). Название статьи и ФИО автора также на английском языке.

Авторская справка (если авторов несколько, то авторская справка составляется для каждого из них), в которой указывается: ФИО - полностью; полное название основного места работы; ученая степень и ученое звание; адреса электронной почты.

Содержание

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Андреенкова А.В.* Сравнительные социальные исследования в системе научных знаний и методов: функции, задачи, перспективы4
- Гусарова З.В.* Индекс социального самочувствия молодежи Московской области 12
- Демидова Т.Е.* Социальные проблемы современной российской молодежи: причины и пути решения21
- Максимов В.В.* Социологическая диагностика ценностных аспектов цивилизационной идентичности современной российской студенческой молодежи 29

**СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ.
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ**

- Водолазова Ж.М.* Интеграция социально ориентированных некоммерческих организаций в процессы управления системой образования 35
- Ерохин Е.Г.* Результаты социологического исследования современного состояния управленческой культуры офицера в воинском подразделении Вооруженных Сил Российской Федерации 42
- Смирнов К.И.* Тенденции изменения информационных запросов в сфере культуры и образования в СМИ Санкт-Петербурга 48
- Тимчак К.Н.* Социальная реклама в интернете как проявление конвергентной журналистики 52

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.
ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ
КУЛЬТУРЫ**

- Балакирева С.Ю.* Гражданское общество в России: социально-философский анализ 58
- Лагутин Ю.В.* Историко-философский анализ сциентизации социальных практик в современном мегаполисе 63

- Мавлянова Т.Б.* Понятие эстетической ценности в литературоведении и философии73
- Нурисламов Р.Р.* Ценности рок-культуры запада77
- Тертешикова Н.Д.* Влияние региональной культуры на личность в философских концепциях и литературных описаниях85
- Чернышев В.П., Чернышева Л.Г., Бородин П.В., Клименко В.А.* Современный спорт в ракурсе философской антропологии96
- Шелест Д.А.* Мир ртути: будущее середины XXI века в преломлении постмарксистских концептов102

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Васецкий Н.А.* Социология международных отношений: Анти-Киссинджер. (По поводу книги Генри Киссинджера «Мировой порядок»)112
- Стоянов А.С.* Теоретико-методологические основы социологической концепции “Общество ожиданий”136

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Грудина Т.Н.* Многодетный образ жизни в современных социально-экономических условиях155
- Маленков В.В.* Гражданско-политическая субъектность: концептуальный и эмпирический анализ168
- Полюшкевич О.А.* Женские НКО в условиях реформ государственного управления некоммерческим сектором179
- Фарахутдинов Ш.Ф. Панова А.В.* Айтирекинг в маркетинговых и социологических исследованиях..189

ЮБИЛЕЙНАЯ РУБРИКА

- Кравченко А.И.* В авангарде университетской социологии199
- Данилов А.Н.* Социологическая наука и образование в Беларуси: история и повестка дня на завтра..209



Сравнительные социальные исследования в системе научных знаний и методов – функции, задачи, перспективы

Андреенкова А.В.

Сравнительные межстрановые и межкультурные исследования начали широко использоваться в социальных науках в последние три десятилетия. Основными тенденциями последних лет являлось географическое и предметно-тематическое расширение таких исследований, глобализация опросов, а также усложнение организационно-управленческих форм и методов сбора и анализа эмпирических данных. Результаты библиографического анализа, баз данных и документации крупнейших сравнительных проектов показали, что такие исследования находят применение в трех основных областях – научно-познавательной, управленческо-практической и общественно-информационной. Мультифункциональное использование влияет на формулировку целей и задач сравнительного исследования, его построение, требования и стандарты к качеству данных. Для удовлетворения социального запроса на сравнительные данные высокого качества как на внутрискановом (валидность, надежность, достоверность), так и на межскановом уровне (эквивалентность), стоит вопрос о развитии методологии сравнительных исследований по нескольким направлениям. Среди них работа над такими нерешенными пока проблемами как методы перевода инструментов для опроса в разных странах и культурах, создание баз данных вопросов с верифицированными характеристиками, работа со «смешанными методами» опроса, обработка и представление межскановых данных с учетом международных и национальных этических стандартов и требований по защите частной информации.

Ключевые слова: сравнительные социальные исследования, межскановые и межкультурные сравнения, методология эмпирического исследования, научные методы, опросы населения, измерение субъективных показателей.

Сравнительное межскановое социальное исследование представляет собой особый вид научного исследования, целью которого является многоуровневое сравнение макрообъектов на основе эмпирической информации, полученной количественными или качественными методами от людей, наблюдения за людьми или тестированием людей. Практика проведения таких исследований существенно опережает теоретико-методологическое осмысление и анализ. Области применения сравнительных социальных исследований также пока остаются не очерченными. Актуальным остается вопрос о перспективах и дальнейших направлениях развития этого вида исследований, что особенно важно для российской науки, которая имеет возможность внести свой вклад в международную систему методологических и практических знаний в этой области, так как имеет научные традиции, практический опыт и общественный запрос на проведение таких исследований.

Для выявления сфер использования и направлений развития сравнительных межскановых и межкультурных исследований проведен анализ тематики и вопросов, которые поднимаются в научных публикациях по методологии сравнительных межскановых исследований на русском и английском языке с 1990-2019 гг.. Информаци-



онной и эмпирической базой исследования являются также методическая документация крупнейших трендовых сравнительных межстрановых проектов (в том числе Всемирного исследования ценностей WVS, Европейского исследования ценностей EVS, Исследования Здоровья, Старения и Пенсионного возраста в Европе SHARE, Евробарометра, Международной программы по социальным исследованиям ISSP, Европейского социального исследования ESS), материалы, базы данных, каталоги и обзоры сравнительных исследований крупнейших архивов социальных данных – архив GESIS (Германия), архив Межуниверситетского консорциума политических и социальных исследований ICPSR (США), Норвежский архив социальных данных NSD, регулирующие документы. Целью работы является выявление основных областей и целей использования результатов сравнительных исследований в социальных науках, определение направлений развития этого вида социального исследования в России и в мире.

Функции и задачи сравнительных социальных исследований на современном этапе развития науки.

Сравнительные исследования выполняют сразу несколько важных функций – научных, управленческо-практических и общественно-информационных. Научное применение сравнительные социальные исследования находят в области эмпирической проверки социологических, политологических, социально-психологических, демографических теорий, гипотез и объяснительных моделей в разных соци-

окультурных условиях, служат экспериментальной и доказательной базой для проверки теорий на универсальность. Сравнительные межстрановые данные применяются для оценки эффективности государственных и международных общественных программ, являются источником знаний об общественном мнении населения разных стран по глобальным проблемам современности, вопросам внешней политики и международных отношений, являясь таким образом частью международного процесса общественного управления. Такой вид исследований используется коммерческими компаниями и транснациональными организациями для изучения влияния информационных кампаний на общественное сознание в разных странах, решения маркетинговых и стратегических задач. Сравнительные исследования имеют широкое общественное значение: служат способом саморефлексии обществ, помогают выявить самобытные черты, особенности культуры, образа жизни, ценностно-мировоззренческие особенности разных обществ и культур, но также определить общие характеристики социальной жизни, явлений и процессов в разных странах, оценить скорость и направление, с которой проходят изменения в одних странах по сравнению с другими.

Выполнение этих функций возможно только в том случае, если эмпирическая основа для сравнений отвечает стандартам эквивалентности и обеспечивает общую сравнимость изучаемых явлений и процессов во всех единицах сравнения [1, С. 176-191]. Вопросам методологии сравнительных меж-



страновых и межкультурных исследований в последние годы уделяется все больше внимания. Количество публикаций по этой теме в мире каждый год увеличивается почти в два раза, как и количество исследователей, работающих в этой области. Если в 1960-х-1980-х гг., на первых стадиях развития методологии сравнительных исследований в социальных науках, большинство публикаций в научных изданиях по этой теме были американскими или западноевропейскими, то за последние тридцать лет национальный состав исследователей, включенных в изучение и разработку методологии сравнительных опросов, стал более многообразным, а европейские ученые стали занимать лидирующие места.

Анализ показал, что основное внимание в публикациях по методологии сравнительных исследований с 2000 по 2019 гг. уделяется следующим проблемам: оценке сравнимости и эквивалентности результатов сравнительных исследований по отдельным вопросам [например, 2], построению индикаторов, метрическим характеристикам шкал для межстрановых и межкультурных сравнений [3,4], выявлению и анализу культурных, национальных и межстрановых различий в «стилях ответов» на вопросы формализованных анкет [5,6], оценке влияния контекстуальных характеристик проведения интервью на качество сравнительных данных [7], применения «смешанных методов опроса» в разных странах, гармонизации социально-демографических переменных.

Несмотря на то, что тематика работ довольно обширна, целый

ряд важных вопросов методологии сравнительных исследований пока не получил должного освещения в научной литературе. К таким вопросам относится построение выборок для сравнительных межстрановых исследований. Лишь в последние годы стали появляться публикации по методам перевода и верификации инструментов для опросов в сравнительном контексте, документации и распространению сравнительных межстрановых данных, проблемам достижения концептуальной эквивалентности показателей и всего теоретико-методологического этапа построения сравнительного исследования. За пределами широкого научного обсуждения остаются проблемы общего методологического подхода к построению сравнительного исследования, анализ ограничений этого научного метода, специфики организации и построения сравнительного исследования по сравнению с монографическим монообъектным социальным исследованием.

Основные тенденции развития методологии сравнительных исследований в последние годы

На основе всей проанализированной информации были выделены несколько основных тенденций в развитии сравнительных социальных исследований, которые наиболее вероятно будут предметом обсуждения и научного поиска в ближайшие годы.

Основной тенденцией является увеличение количества сравнительных межстрановых социальных исследований, их масштаба и охвата - от сравнений нескольких стран-объектов к региональным и всемирным исследованиям, а так-



же рост предметно-тематического разнообразия. Увеличивается структурная сложность таких исследований. От исследований пространственно-сравнительных происходит переход к организации пространственно-временных сравнений, сочетания методологии сравнительных и лонгитюдных исследований – трендовых (как, например, Европейское социальное исследование ESS) или панельных (как исследование социальных аспектов старения SHARE). Сравнительное исследование постепенно приобретает все более четкие методические характеристики и черты. Если во многих исследованиях предыдущих лет сравнительные процедуры использовались лишь на этапе анализа данных, то в последние годы цель сравнения стоит почти на всех этапах проведения проекта – при разработке индикаторов, сборе, обработке и представлении эмпирических данных.

К тенденциям последних лет можно отнести внедрение более демократических методов организации и управления сравнительным межстрановым исследованием, децентрализованной системы финансирования. Если в предыдущие десятилетия такие исследования финансировались централизованно международными организациями, такими как ВОЗ, ЮНЕСКО, Всемирный банк, правительствами отдельных государств, научными фондами, транснациональными коммерческими компаниями, в последние годы все больше проектов финансируется одновременно из разных внутривосточных источников. В результате стало возможным выстраивать новые, партнерские

отношения в международном научном коллективе на принципах равенства и разделенной ответственности, совместного использования полученных результатов.

Новые задачи возникают перед сравнительными исследованиями в результате развития технологий, средств коммуникации и компьютерных инноваций. Настоящим вызовом для этого научного направления является обострение проблемы доступности респондентов для опросов – уровень кооперации в опросах со стороны респондентов постоянно падает на протяжении последних двух десятилетий и в некоторых странах этот уровень уже достиг критического [8]. Законы о конфиденциальности частной информации, которые принимаются в последние годы все большим количеством стран, закрытие контактной информации частных лиц и другие ограничения и барьеры, связанные с защитой прав людей, приводят к тому, что перед исследовательским сообществом встает задача радикального пересмотра методов сбора информации и построения выборок [9]. Начата работа по изучению различных стратегий «смешанных» методов опроса: сочетания телефонного и личного интервью, личного и он-лайн опроса и другие формы. В процессе решения находится задача оценки эквивалентности выборок для разных методов опроса – территориальной и телефонной, телефонной и он-лайн выборок – для достижения эквивалентности данных в рамках одного сравнительного исследования и совмещения выборок, построенных на разных источниках, для одной страны. В методологической литературе вопрос о



том, следует ли стараться придерживаться идеи единого метода опроса для всех стран даже при угрозе постоянного снижения уровня кооперации и уровня покрытия генеральной совокупности или пойти на то, чтобы компенсировать выборочные ошибки путем усложнения системы сбора данных, включив различные схемы «смешанных методов», является пока дискуссионным [10]. Пока не достигнут консенсус по вопросу о том, какие именно виды «смешанных данных» ведут к увеличению, а какие – к уменьшению эквивалентности данных. Основные направления методической работы по увеличению эквивалентности метода опроса и его влияния на качество данных проходят в двух направлениях. Первое из них - дальнейшее совершенствование отдельных методов и минимизация «ошибок, связанных с методом»: общее повышение качества данных, собираемых в каждой стране, повышение квалификации полевых групп, интервьюеров, совершенствование методов проверки качества данных и выявления ошибок и нарушений исследовательских процедур на ранних стадиях сбора информации. Второе направление состоит в проведении методической работы по поиску оптимальных «смешанных» методов опроса, которые могли бы успешно применяться в разных общесоциальных контекстах и условиях [11].

В последние годы эмпирические данные и материалы сравнительных академических исследований стали более доступны для исследователей и широкой общественности. Открытость такой информации позволяет проводить более

широкий и всесторонний анализ полученных данных, более эффективно использовать потраченные ресурсы, но и привлекать более широкий круг ученых из разных стран к работе над выявлением проблем, ошибок в сравнительных опросах и вырабатывать новые подходы к совершенствованию методов сравнительного опроса [12].

На сегодняшний день можно говорить лишь о первых шагах в решении таких фундаментальных для этого вида исследований задач, как поиск эффективных организационно-управленческих моделей организации междисциплинарного сотрудничества, форм организации совместной работы специалистов по «тематическим», содержательным вопросам и методологов. Переход от дихотомической модели теоретического и эмпирического исследования к модели комплексного исследования, сочетание теоретического и эмпирического этапа как взаимодополняющие уровни единого исследовательского процесса, также является будущим шагом в развитии этого направления.

Несмотря на рост количества сравнительных межстрановых эмпирических исследований в области социальных наук на протяжении последних десятилетий, есть все основания полагать, что пик интереса к таким исследованиям еще далеко не достигнут. Институционализация сравнительных исследований последние два десятилетия начала происходить быстрее – масштаб проектов и сложная организационная структура трендовых проектов способствуют превращению таких исследований в инфраструктурные. В последние



годы выросло количество пользователей эмпирических данных межстрановых сравнительных исследований, растет число научных публикаций с использованием данных таких исследований и в социальных науках как в мире, так и в России. Например, по данным Европейского социального исследования [13, с. 21] количество пользователей данных только этого исследования в 2000-е годы увеличивалось примерно на 5000 каждый год, а в последние 10 лет – в среднем на 9,5 тысяч в год, достигнув к 2016 г. более чем 90000 зарегистрированных пользователей.

Научно-исследовательский потенциал России в этом виде исследований пока не реализован. В отличие от многих других стран в России есть все необходимые предпосылки для развития подобных исследований. В отечественной науке накоплен большой теоретико-методологический опыт, существуют возможности для построения собственной научной школы [14, Р. 128-130]. Географическо-структурные и политические потребности в проведении подобных исследований, проистекающие из общего исторического прошлого и тесных экономических, политических и социальных связей стран на постсоветском пространстве, инфраструктурные исследовательские возможности для проведения подобных исследований как в России, так и в других странах бывшего СССР. Немаловажную роль играет и наличие общего языка международного научного общения помимо английского – русский язык. Пока воспользоваться этими возможностями удастся лишь в небольшой степени. Россия является

участником практически всех крупных сравнительных проектов последних двух десятилетий, научные коллективы в России являются инициаторами и организаторами нескольких известных проектов, но их количество и инфраструктурный потенциал пока очень невелики и в этом направлении еще многое предстоит сделать.

Литература

1. Андрееenkova A.B. Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика. - М.: Новый хронограф, 2014. – 517 с.
2. Ciecuch, J., Davidov E., Schmidt P., Algesheimer R. The assessment of cross-cultural comparability. / *The Sage Handbook in Survey Methodology*. Eds. C. Wolf, D. Joye, T. W. Smith, Y.-C. Fu. - New York: Sage. - 2016. - P. 630-648.
3. Smith T.W., Mohler P.P., Harkness J., Onodera. N. Methods for assessing and calibrating response scales across countries and languages. // *Comparative sociology*. - 2005. – Vol. 4(3-4). - P. 365-415.
4. Andreenkova A.V., Menold N. Methodological approach for the development of equivalent rating scales for comparative cross-national surveys – Paper presented in Second International Conference on Survey Methods in Multinational, Multiregional and Multicultural Contexts (3MC). – Chicago.– July 26-29, 2016.
5. Yang Y., Harkness J.A., Chin T.-Y., Villar A. Response styles and culture / *Survey methods in multinational, multiregional, and multicultural contexts*, ed. J. A. Harkness, M. Braun, B. Edwards, et. Al, Hoboken, NJ: Wiley.–2010.–P. 203-223.



6. Andreenkova A.V., Javeline D. Sensitive questions in comparative surveys / *Advances in Comparative Survey Methodology*, First Edition., ed. by T.P. Johnson, B-E. Pennell, I. Stoop, and B. Dorer. - John Wiley & Sons, Inc., 2019. - P. 139-160.

7. Buellens K., Looseveldt G. Interviewer effects in the European social survey // *Survey research methods*, 10 (2), 2016.– P. 103-118.

8. Stoop I.A.L. The hunt for the last respondent: Nonresponse in sample surveys. - The Hague: Social and Cultural Planning office, 2005.

9. de Jong J. Ethical considerations in the total survey error context. / *Advances in Comparative Survey Methodology*, First Edition., ed. by T.P. Johnson, B-E. Pennell, I. Stoop, and B. Dorer. - John Wiley & Sons, Inc., 2019. —P. 665-682.

10. de Leeuw E. To Mix or Not to Mix Data Collection Modes in Surveys // *Journal of Official Statistics*. – 2005. - Vol. 21, №. 2. - P. 233–255.

11. Martin P. A Good Mix? Mixed Mode Data Collection and Cross-national Surveys // *Research and Methods* - 2011. - Vol. 20(1). - P. 5-26.

12. Malnar B., Muller K. Surveys and reflexivity a second-order analysis of the European Social survey.– Wien: edition echoraum.– 2015.– 269 p.

13. Comparative impact study of the European Social Survey (ESS). / ERIC, 2017. – URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/docs/findings/ESS-Impact-study-Final-report.pdf>

14. Андрееenkova A.B. Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках: методология, этапы развития, современ-

ное состояние. // *Мир России*. - 2011. - № 3. - С. 125-154.

Comparative social surveys as scientific research method – functions, challenges and perspectives

Andreenkova A.V.

Institute for comparative social research (CESSI)

Comparative cross-national and cross-cultural surveys grew in number and in scope in the recent three decades taking important place among other research methods of studying populations and subjective indicators. The major trends in recent two decades is geographical expansion of comparative surveys, globalization of surveys, broadening of topics and research areas as well as the increase of variations in project structures and survey methods. The results of bibliographical study and the analysis of databases and documentation of largest trend comparative cross-national surveys revealed three main areas where comparative surveys are used - scientific research, governing practice and public information. Multifunctional application has impact on the formulation of goals, general design and quality standards of comparative survey. The advances in the methodology and methods of comparative surveys become the priority in satisfying the demand for high quality comparative data. The most perspective research areas which can lead to substantial improvement of data quality is the issue of translation and verification of survey instrument into different and shared languages, organization international databanks of survey questions validated in different countries and cultures, the introduction of mixed-mode and mixed-method design into comparative surveys, improvement of data processing, presentation and dissemination based on new international ethical standards and information privacy requirements.

Key words: comparative social surveys, cross-national and cross-cultural comparisons, methodology of empirical survey, scientific research methods, general population surveys, measurement of subjective indicators.

References

1. Andreenkova A.V. Comparative cross-country studies in the social sciences: theory, methodology, practice. - M.: New Chronograph, 2014. -- 517 p.



2. Ciecuch, J., Davidov E., Schmidt P., Algesheimer R. The assessment of cross-cultural comparability. / *The Sage Handbook in Survey Methodology*. Eds. C. Wolf, D. Joye, T. W. Smith, Y.-C. Fu. - New York: Sage. - 2016. -- P. 630-648.
3. Smith T.W., Mohler P.P., Harkness J., Onodera. N. Methods for assessing and calibrating response scales across countries and languages. // *Comparative sociology*. - 2005. - Vol. 4 (3-4). - P. 365-415.
4. Andreenkova A.V., Menold N. Methodological approach for the development of equivalent rating scales for comparative cross-national surveys - Paper presented in Second International Conference on Survey Methods in Multinational, Multiregional and Multicultural Contexts (3MC). - Chicago.– July 26-29, 2016.
5. Yang Y., Harkness J.A., Chin T.-Y., Villar A. Response styles and culture / *Survey methods in multinational, multiregional, and multicultural contexts*, ed. J. A. Harkness, M. Braun, B. Edwards, et. Al, Hoboken, NJ: Wiley. – 2010. – P. 203-223.
6. Andreenkova A.V., Javeline D. Sensitive questions in comparative surveys / *Advances in Comparative Survey Methodology*, First Edition., Ed. by T.P. Johnson, B-E. Pennell, I. Stoop, and B. Dorer. - John Wiley & Sons, Inc., 2019. -- P. 139-160.
7. Buellens K., Looseveldt G. Interviewer effects in the European social survey // *Survey research methods*, 10 (2), 2016.– P. 103-118.
8. Stoop I.A.L. The hunt for the last respondent: Nonresponse in sample surveys. - The Hague: Social and Cultural Planning office, 2005.
9. de Jong J. Ethical considerations in the total survey error context. / *Advances in Comparative Survey Methodology*, First Edition., Ed. by T.P. Johnson, B-E. Pennell, I. Stoop, and B. Dorer. - John Wiley & Sons, Inc., 2019. —P. 665-682.
10. de Leeuw E. To Mix or Not to Mix Data Collection Modes in Surveys // *Journal of Official Statistics*. - 2005. - Vol. 21, no. 2. - P. 233–255.
11. Martin P. A Good Mix? Mixed Mode Data Collection and Cross-national Surveys // *Research and Methods* - 2011. -- Vol. 20 (1). - P. 5-26.
12. Malnar B., Muller K. Surveys and reflexivity a second-order analysis of the European Social survey.– Wien: edition echoraum.– 2015.– 269 p.
13. Comparative impact study of the European Social Survey (ESS). / ERIC, 2017. - URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/docs/findings/ESS-Impact-study-Final-report.pdf>
14. Andreenkova A.V. Cross-country comparative studies in the social sciences: methodology, stages of development, current status. // *World of Russia*. - 2011. - No. 3. - S. 125-154.



Индекс социального самочувствия молодежи Московской области

Гусарова З.В.

Статья посвящена социальному самочувствию населения. Рассмотрены основные этапы становления концепции «социального самочувствия» в трудах отечественных социологов.

Проанализированы наиболее крупные системы формирования индексов социального самочувствия населения (ИСС). В работе предпринята попытка исследования социального самочувствия молодежи Московской области в контексте новых социально-экономических условий.

Составлен индекс социального самочувствия молодежи, определены его основные компоненты: удовлетворенность собственной жизнью, удовлетворенность положением дел в муниципальном образовании, эмоциональный комфорт (отсутствие стремления к смене места жительства), социальная реализованность (участие в общественной и политической жизни муниципального образования). Эмпирическое исследование подкреплено использованием метода опроса.

Ключевые слова: Социальное самочувствие, индекс социального самочувствия, мониторинг, молодежь, социальная стабильность, Московская область, показатели социального самочувствия, интегральный индекс.

Мониторинг социального самочувствия населения как одной из составляющих качества жизни населения приобретает особое значение в условиях социальных изменений и трансформаций. Кризисное состояние российского общества оказало существенное влияние на качество жизни населения, его социальное самочувствие и на все сферы его жизнедеятельности: экономическую, политическую, социальную. На данном этапе мирового развития ключевой задачей государственного управления становится сохранение социальной стабильности в обществе, мониторинг социальной напряженности и недопущение социальной паники.

Социальное самочувствие населения представляет собой, по мнению автора, наиболее эффективный инструмент социальной экспертизы степени удовлетворенности жизнью. Включая в себя две составляющие – психологическую и социальную – социальное самочувствие предоставляет возможность качественного мониторинга происходящих изменений данного показателя качества жизни населения [1].

Социальное самочувствие в трудах отечественных социологов

Термин «социальное самочувствие» появляется в российской социологической мысли в 80-х го-



дах XX века и активно развивается в трудах отечественных социологов, таких как А.Г. Здравомыслов [2] и В.А. Ядов [3] в контексте теории образа жизни. Именно на данном этапе развития концепции социального самочувствия происходит разграничение данного понятия с рядом других социологических категорий, таких как социальное настроение, образ жизни и т.д. Выделяются психологические аспекты социального самочувствия населения – эмоции, чувства, настроения, психологические паттерны, которые являются неотъемлемой частью его структуры.

В 90-е гг. XX века теоретическая концепция социального самочувствия приобретает практическое применение: впервые данный показатель находит отражение в социологических исследованиях и замерах. Особый интерес с точки зрения практического анализа данной категории представляет работа О.Л. Барской [4], в которой ключевое место в формировании социального самочувствия отведено уверенности в завтрашнем дне. Также стоит отметить эмпирические исследования А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [5], в основании которых легло выделение двух аспектов социального самочувствия – предметной направленности и тональной характеристики, определяющей положительный или отрицательный эмоциональный фон жизни населения. В качестве интегральной категории «социальное самочувствие» населения подробно рассматривается в трудах А.А. Русалиновой [6], определяющей его как интегральную характеристику оценочно-эмоциональной сферы психики человека, являю-

щейся производной от целого комплекса условий его жизни и воздействующей на остальные стороны личности.

Проведение эмпирических исследований «социального самочувствия» российского населения позволило уточнить сущность и содержание данной категории, определив его как субъективное восприятие объективных процессов в обществе. Рядом ученых был введен индекс социального самочувствия (ИСС), включающий в себя различные явные и латентные показатели (Ю. А. Левада [7], Т. И. Заславская [8], Н. И. Лапин [9], Е.И. Головаха и Н.В. Панина [10], Л.А. Беляева [11] и др.)

Так, Ю. А. Левада [7] выделял следующие частные индексы социального самочувствия (на основе индекса социальных настроений): индекс положения семьи, индекс положения России, индекс настроений, сводный индекс социальных настроений. ВЦИОМ ежемесячно измеряет индекс социального самочувствия (ИСС), анализируя удовлетворенность жизнью; социальный оптимизм; материальное положение; экономическое состояние страны; политическую обстановку; общий вектор развития государства [12]. Н.И. Лапин и Л.А. Беляева [11] в своей методике исследования ИСС измеряли следующие параметры: защищенность от опасностей, удовлетворенность жизнью, уровень социального оптимизма. В рейтинге социального самочувствия регионов России, составленном Фондом развития гражданского общества (ФОРГО) на основе данных опроса «Георейтинг» Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) учитывается восприя-



тие населением социально-политической ситуации в регионе и его протестный потенциал, также включен анализ оценки личного материального положения и наличия конфликтогенных проблем. Е.И. Головаха и Н.В. Панина [10] в измерительном индексе социального самочувствия (ИИСС-44) отражают все сферы жизнедеятельности населения: материальное положение, межличностные отношения, уровень образования, восприятие здоровья, личная безопасность, политические условия, обеспеченность жизненно необходимыми и престижными товарами, уверенность в завтрашнем дне.

Индекс социального самочувствия молодежи Московской области

Ключевую роль в контексте оптимизации реализуемой региональной политики, а также взаимодействия органов власти и населения муниципальных образований Московской области, особое значение приобретает не только оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления, но и регулярный мониторинг и анализ сложившейся ситуации по ключевым критериям, доступным контролю и корректирующему воздействию.

Московская область как объект социологического и политологического исследования представляет собой сложную совокупность различных по своей природе, внешним и внутренним характеристикам муниципальных образований. На сегодняшний день Подмосковье 64 городских округа, значительно различающиеся по размеру, численности населения, удаленности от

федерального центра, экономическим и социальным характеристикам.

Настоящее исследование сфокусировано на социальном самочувствии наиболее значимой возрастной категории жителей – представителях молодежи 16-30 лет, проживающих в муниципальных образованиях Московской области (исследование было проведено на базе независимого исследовательского агентства полного цикла MAGRAM Market Research в июле 2019 г.).

Проведя ревизию диагностических критериев социального самочувствия населения, в контексте данной работы в ИСС войдут следующие параметры:

Таблица 1
Параметры социального самочувствия

№	Компоненты социального самочувствия	Весовой коэффициент
1	Удовлетворенность собственной жизнью	0,5
2	Удовлетворенность положением дел в муниципальном образовании	0,4
3	Эмоциональный комфорт (отсутствие стремления к смене места жительства)	0,05
4	Социальная реализованность (участие в общественной и политической жизни муниципального образования)	0,05

Измерение каждого показателя основано на разнице долей положительных и отрицательных оценок. Общий индекс социального самочувствия молодежи Московской области, а также по отдельным ее муниципальным образованиям представляет собой среднее арифметическое всех показателей с учетом весовых коэффициентов. Диапазон значений в разрезе отдельных муниципальных образований позволит сгруппировать му-



ниципальные образования по уровню социального самочувствия молодежи.

1. Удовлетворенность собственной жизнью. Оценка данного параметра среди молодежи Московской области находится на достаточно высоком уровне – 85% опрошенных дают положительные оценки, негативные оценки были даны 13% участников опроса (**баланс +72**). Значение общеобластного показателя удовлетворенности собственной жизнью с учетом весового коэффициента составило 36,1.

Наиболее высокие значения данного показателя присутствуют в таких городских округах как Котельники (46,3), Ивантеевка (45,4), Серебряные Пруды (44,6), Бронницы (42,0), Лобня и Пушкинский (41,8), Краснознаменск (41,5), Орехово-Зуево и Ступино (40,7) и Дубна (40,0).

Наиболее низкие значения характерны для таких городских округов как Электрогорск (28,8), Клин (28,7), Луховицы (28,6), Рузский (27,8), Зарайск (27,0), Истра (26,4), Волоколамский (24,4), Можайский (24,3), Лотошино (24,0) и Электросталь (21,1).

В остальных муниципальных образованиях Московской области данный показатель находится в пределах средних значений.

2. Удовлетворенность положением дел в муниципальном образовании. Оценка сложившейся ситуации в населенных пунктах Московской области носит положительный характер – 70% респондентов в той или иной степени довольны положением дел в своем муниципальном образовании, 27% дают отрицательную характеристи-

ку (**баланс +44**). Значение общеобластного показателя удовлетворенности положением дел в муниципальном образовании с учетом весового коэффициента составило 17,6.

Наиболее высокие значения данного показателя присутствуют в таких городских округах как Молодежный (35,2), Котельники (34,0), Ивантеевка (32,8), Дубна (31,2), Серебряные Пруды (30,8), Черноголовка (28,3), Краснознаменск (27,2), Ступино (26,2), Восход (25,6), Бронницы (25,3).

Наиболее низкие значения характерны для таких городских округов как Дмитровский (9,6), Истра (8,1), Дзержинский и Кашира (7,7), Можайский (7,3), Луховицы (6,7), Шатура (3,6), Рузский (3,5), Клин (3,4), Зарайск (1,9).

Отметим, что по данному параметру присутствуют и отрицательные показатели: Протвино (-0,4), Лотошино и Электросталь (-3,6), Волоколамский (-4,6), Пущино (-7,7).

В остальных муниципальных образованиях Московской области данный показатель находится в пределах средних значений.

3. Эмоциональный комфорт (отсутствие стремления к смене места жительства). Привлекательность Подмосковья как места проживания находится на достаточно высоком уровне – 57% от всех опрошенных не хотели бы переезжать из Московской области. 53% респондентов предпочли бы остаться в своем городе; 4% - в другом городе 25% опрошенной молодежи выразили желание переехать в Москву, а 15% предпочли бы переехать в другой город, регион или даже государство (**баланс**



+9). Значение общеобластного показателя эмоционального комфорта проживания в своем муниципальном образовании с учетом весового коэффициента составило 0,5.

Наиболее высокие значения данного показателя присутствуют в таких городских округах как Котельники (3,3), Воскресенск (2,7), Ивантеевка (2,4), Восход (2,1), Молодежный (1,9), Химки и Ступино (1,8), Дубна и Краснознаменск (1,5).

Наиболее низкие значения (около половины опрошенных отметили стремление к проживанию в других регионах/государствах) характерны для таких городских округов как Озеры (0,4), Богородский, Талдомский и Лыткарино (0,2), Пущино и Егорьевск (0,1), Сергиево-Посадский и Наро-Фоминский (0,0), Орехово-Зуево и Люберцы (0,0).

Отметим, что по данному параметру присутствуют и отрицательные показатели, демонстрирующие желание большинства опрошенных из данного муниципального образования к смене места жительства: Рошаль (-0,1), Дзержинский, Истра, Луховицы (-0,2), Лобня (-0,3), Балашиха и Кашира (-0,4), Протвино, Электрогорск, Клин (-0,5), Зарайск и Лотошино (-0,6), Щелковский (-0,7), Волоколамский и Шатура (-0,9), Электросталь (-1,9).

В остальных муниципальных образованиях Московской области данный показатель находится в пределах средних значений.

4. Социальная реализованность (участие в общественной и политической жизни муниципального образования). Уровень участия молодежи Московской области в общественной и политической жизни региона является невы-

соким – участие в выборах декларируют 44% представителей молодежи Московской области, в добровольческой (волонтерской) деятельности – 8%, в общественных мероприятиях – 4%, в благотворительной деятельности – 4%, об участии в деятельности общественных организаций, творческой самодеятельности и сборах гуманитарной помощи заявили по 2% опрошенных, в деятельности политических партий участвует 1% молодежи.

Доля респондентов, не имеющих такого опыта участия ни в каком виде составила 43% (**баланс +14**). Значение общеобластного показателя социальной реализованности с учетом весового коэффициента составило 1,2.

Наиболее высокий процент участия в выборах декларируют жители г.о. Котельники (79%), г.о. Ивантеевка (78%), г.о. Луховицы (77%), г.о. Рошаль (71%), г.о. Зарайск (70%), г.о. Черноголовка (68%), г.о. Власиха (65%), г.о. Протвино (64%), г.о. Бронницы и г.о. Шатура (по 63%).

В добровольческой (волонтерской) деятельности больше других участвовали жители г.о. Долгопрудный (20%), г.о. Рошаль (15%), г.о. Власиха (14%), г.о. Жуковский и г.о. Пушкинский (по 13%).

В общественных мероприятиях участвует 62% опрошенной молодежи г.о. Шатура, 38% молодежи г.о. Рошаль, 14% молодежи г.о. Раменский, по 12% опрошенной молодежи г.о. Протвино и г.о. Кашира.

О своем участии в благотворительной деятельности чаще других упоминает молодежь из г.о. Протвино и г.о. Долгопрудный (по 12%) и г.о. Кашира (11%). В твор-



ческой самодеятельности и КВН чаще других принимают участие жители г.о. Шатура (19%). В сборах гуманитарной помощи задействованы 10% г.о. Рошаль.

Наиболее высокие значения данного показателя присутствуют в таких городских округах как Шатура (8,2), Рошаль (7,0), Протвино (4,4), Луховицы (3,8), Власиха (3,6), Раменский (3,3), Зарайск и Котельники (3,2), Кашира (3,1).

Наиболее низкие значения характерны для таких городских округов как Ступино и Клин (0,8), Химки (0,7), Щелковский (0,6), Серебряные Пруды, Шаховская и Сергиево-Посадский (0,5), Электросталь (0,4), Рузский и Чехов (0,3).

По данному параметру присутствуют и отрицательные показатели, демонстрирующие превалирование доли молодежи, не имеющей опыта участия в общественной жизни своего муниципального образования: Домодедово (-0,1), Лосино-Петровский, Серпухов, Лыткарино, Балашиха (-0,2), Красноармейск (-1,1), Реутов (-1,2), Егорьевск (-1,5), Воскресенск (-3,9).

В остальных муниципальных образованиях Московской области данный показатель находится в пределах средних значений.

Общий индекс социального самочувствия молодежи Московской области. Интегральный показатель рассчитывался как среднее арифметическое суммы взвешенных показателей социального самочувствия.

Диапазон значений в разрезе отдельных муниципальных образований позволит сгруппировать муниципальные образования по уровню социального самочувствия молодежи.

Таблица 2

Общий индекс социального самочувствия молодежи Московской области в разрезе муниципальных образований

Московская область - 13,8					
1	Городской округ Котельники	21,7	33	Городской округ Подольск	14,0
2	Городской округ Ивантеевка	20,9	34	Городской округ Жуковский	13,9
3	Городской округ Молодёжный	19,8	35	Городской округ Реутов	13,4
4	Городской округ Серебряные Пруды	19,3	36	Городской округ Егорьевск	13,3
5	Городской округ Дубна	18,6	37	Городской округ Воскресенск	13,3
6	Городской округ Краснознаменск	18,1	38	Городской округ Балашиха	13,2
7	Городской округ Черноголовка	17,7	39	Городской округ Фрязино	13,1
8	Городской округ Бронницы	17,7	40	Городской округ Красноармейск	12,7
9	Городской округ Восход	17,4	41	Городской округ Звездный городок	12,5
10	Городской округ Ступино	17,4	42	Городской округ Лосино-Петровский	12,4
11	Городской округ Власиха	16,5	43	Городской округ Сергиево-Посадский	12,3
12	Городской округ Солнечногорск	16,3	44	Городской округ Богородский	12,3
13	Городской округ Пушкинский	16,3	45	Городской округ Щёлковский	12,2
14	Городской округ Чехов	16,3	46	Городской округ Лыткарино	11,7
15	Городской округ Мытищи	16,2	47	Ленинский городской округ	11,4
16	Городской округ Химки	16,1	48	Городской округ Дмитровский	11,4
17	Городской округ Рошаль	16,0	49	Городской округ Шатура	11,4
18	Городской округ Долгопрудный	16,0	50	Городской округ Наро-Фоминский	11,4
19	Городской округ Орехово-Зуево	15,6	51	Городской округ Электрогорск	11,1
20	Городской округ Коломенский	15,5	52	Городской округ Кашира	11,0
21	Городской округ Павловский Посад	15,5	53	Городской округ Дзержинский	10,2
22	Городской округ Лобня	15,2	54	Городской округ Луховицы	9,7
23	Городской округ Озёры	15,1	55	Городской округ Протвино	9,1
24	Городской округ Красногорск	15,1	56	Городской округ Истра	8,9
25	Городской округ Домодедово	15,1	57	Городской округ Можайский	8,4



26	Городской округ Раменский	15,0	58	Городской округ Рузский	8,1
27	Городской округ Талдомский	14,5	59	Городской округ Клин	8,1
28	Городской округ Серпухов	14,4	60	Городской округ Зарайск	7,9
29	Городской округ Люберцы	14,4	61	Городской округ Пущино	7,4
30	Городской округ Одинцовский	14,4	62	Городской округ Лотошино	5,4
31	Городской округ Королёв	14,2	63	Городской округ Волоколамский	5,1
32	Городской округ Шаховская	14,0	64	Городской округ Электросталь	4,0

Таблица 3
Распределение общего индекса социального самочувствия молодежи Московской области в разрезе муниципальных образований

Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
г.о. Электротгорск	г.о. Красноармейск	г.о. Талдомский	г.о. Орехово-Зуево	г.о. Котельники
г.о. Кашира	г.о. Звездный городок	г.о. Серпухов	г.о. Коломенский	г.о. Ивантеевка
г.о. Дзержинский	г.о. Лосино-Петровский	г.о. Люберцы	г.о. Павловский Посад	г.о. Молодёжный
г.о. Луховицы	г.о. Сергиево-Посадский	г.о. Одинцовский	г.о. Лобня	г.о. Серебряные Пруды
г.о. Протвино	г.о. Богородский	г.о. Королёв	г.о. Озёры	г.о. Дубна
г.о. Истра	г.о. Щёлковский	г.о. Шаховская	г.о. Красногорск	г.о. Краснознаменск
г.о. Можайский	г.о. Лыткарино	г.о. Подольск	г.о. Домодедово	г.о. Черноголовка
г.о. Рузский	Ленинский г.о.	г.о. Жуковский	г.о. Раменский	г.о. Бронницы
г.о. Клин	г.о. Дмитровский	г.о. Реутов		г.о. Восход
г.о. Зарайск	г.о. Шатура	г.о. Егорьевск		г.о. Ступино
г.о. Пущино	г.о. Наро-Фоминский	г.о. Воскресенск		г.о. Власиха
г.о. Лотошино		г.о. Балашиха		г.о. Солнечногорск
г.о. Волоколамский		г.о. Фрязино		г.о. Пушкинский
г.о. Электросталь				г.о. Чехов
				г.о. Мытищи
				г.о. Химки
				г.о. Рошаль
				г.о. Долгопрудный

Заключение

На основании анализа социального самочувствия молодежи Московской области, включающего в себя четыре параметра: удовлетворенность собственной жизнью, удовлетворенность положением дел в муниципальном образовании, эмоциональный комфорт (отсутствие стремления к смене места жительства) и социальная реализованность (участие в общественной и политической жизни муниципального образования) представляется возможным сделать вывод о существенных различиях данного показателя на территории муниципальных образований одного региона. Наиболее благополучно обстоят дела в городском округе Котельники (21,7). Самая депрессивная ситуация сложилась в городском округе Электросталь (4,0), здесь отмечен критический максимум. Однако, отметим, что несмотря на низкий индекс социального самочувствия в ряде муниципальных образований, в рейтинге отсутствуют городские округа с отрицательными значениями.

В целом можно заключить, что анализ социального самочувствия посредством опросов позволяет не только оценить сложившуюся ситуацию в регионе и составить прогнозы ее дальнейшего развития, но и определить наиболее острые потребности населения, которые следует учитывать при реализации социальной политики как на территории Московской области в целом, так и в отдельном муниципальном образовании.

Литература

1. Клиценко М.В. Социальное самочувствие населения города Ха-



баровска, Автореф. Дис. ... канд.социолог.наук, Хабаровск, 2017.

2. Здравомыслов, А. Г. К вопросу о типологии образа жизни в социалистическом обществе / А. Г. Здравомыслов // Социол. исслед. 1974. - № 2. - С. 88-89.

3. Ядов В.А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. М.: Academia, 2002.

4. Барская О.Л. Социальное самочувствие: методологические и методические проблемы исследования: Автореф. Дис. ... канд.филос.наук. М., 1989.

5. Петровский А.В., Ярошевский М.Г., Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998, с 231с.

6. Русалинова А.А. Уровневый подход в изучении социального самочувствия человека // Социальное самочувствие населения в современной России. Ростов-на-Дону, 2010. С.177

7. Левада Юрий Индексы социальных настроений в "норме" и в кризисе // Мониторинг. 1998. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indeksy-sotsialnyh-nastroeniy-v-norme-i-v-krizise> (дата обращения: 22.10.2019).

8. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностьноструктурная концепция. М., 2002. 560 с.

9. Левада Ю. А. Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2003. № 1.

10. Головаха Е. И., Панина Н. В. Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС): конструиро-

вание и применение социологического теста в массовых опросах. - Киев: Изд-во Ин-та социологии НАН Украины, 1997. - 214 с.

11. Лапин Н. И., Беляева Л. А. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009. 490 с.

12. Официальный сайт ВЦИОМ <https://wciom.ru/index.php?id=176> (дата обращения: 22.10.2019).

13. Рейтинг социального самочувствия регионов России: Фонд развития гражданского общества. URL: <http://civilfund.ru/mat/44> (дата обращения: 22.10.2019).

Index of social well-being of the youth of the Moscow region

Gusarova Z.V.

Lomonosov Moscow state University

The article is devoted to the social well-being of the population. The main stages of formation of the concept of «social well-being» in the works of Russian sociologists are considered.

The largest systems of formation of indices of social well-being of the population (ISS) are analyzed. The paper attempts to study the social well-being of young people in the Moscow region in the context of new socio-economic conditions.

The index of social well-being of youth is composed, its main components are defined: satisfaction with own life, satisfaction with a situation in the municipal formation, emotional comfort (absence of aspiration to change of a residence), social realization (participation in public and political life of municipal formation). Empirical research is underpinned by the employment of the questionnaire poll.

Key words: Social well-being, social well-being index, monitoring, youth, social stability, Moscow region, indicators of social well-being, integral index

References

1. Klitsenko M. V. Social well-being of the population of Khabarovsk, autoref. Dis. ... Cand.sociologist.of Sciences, Khabarovsk, 2017.
2. Zdravomyslov, A. G. On the typology of lifestyle in socialist society / A. G. Zdravomyslov // Sociol. research. 1974. - No. 2. Pp. 88-89.



3. Yadov V. A. Some sociological grounds for foreseeing the future of Russian society // Russia reformed. Moscow: Academia, 2002.
4. Barskaya O. L. Social well-being: methodological and methodical problems of research: abstract. Dis. ... Cand.philos.sciences' M., 1989.
5. Petrovskii A.V., Yaroshevskii M. G. Foundations of theoretical psychology. Moscow: INFRA-M, 1998, with 231s.
6. Rusalnova A. A. Level approach in the study of social well-being of a person // Social well-being of the population in modern Russia. Rostov-on-don, 2010. Pp. 177
7. Levada Yuri Indices of social moods in "normal" and in crisis // Monitoring. 1998. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/indeksy-sotsialnyh-nastroeniy-v-norme-i-v-krizise> (accessed 22.10.2019).
8. Zaslavskaya T. I. Societal transformation of Russian society: activity-structural concept. Moscow, 2002. 560 PP.
9. Levada Yu. a. Framework and options of historical choice: several considerations about the course of Russian transformations. Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2003. No. 1.
10. Golovakha E. I., Panina N. V. Integral index of social well-being(IISS): construction and application of sociological test in mass surveys. - Kyiv: Publishing house of the Institute of sociology of NAS of Ukraine, 1997. - 214 p.
11. Lapin N. I., Belyaeva L. A. Regions in Russia: socio-cultural portraits of regions in the all-Russian context. Moscow, 2009. 490 PP.
12. Official website of VTSIOM <https://wciom.ru/index.php?id=176> accessed 22.10.2019).
13. Rating of social well-being of Russian regions: civil society development Fund. URL: <http://civilfund.ru/mat/44> (date accessed: 22.10.2019).



Социальные проблемы современной российской молодежи: причины и пути решения

Демидова Т.Е.

В статье рассматриваются проблемы, стоящие перед современной российской молодежью, выделяются источники и причины их появления, намечаются возможные пути их решения. Автор приходит к выводу, что только участие всех ветвей власти государства, всего общества в жизни молодого поколения даст возможность эффективно решить проблемы социальной адаптации молодежи в современном обществе.

Ключевые слова: молодежь, социальная группа, социальные ценности, социальные проблемы, роль государства, нормативно-правовая база, социальная защищенность.

Современные социальные проблемы молодежи в определенной мере являются следствием развала СССР и последовавшим распадом, создававшейся в Советском Союзе в течение 70 лет системы социального обеспечения населения и социальных гарантий. Как следствие мы получили в качестве характерной особенности современного этапа развития российского общества пугающее распространение в стране, алкоголизма, наркомании, преступности, падения морали. Затронули такие изменения и молодое поколение нашей страны. Прекратила свое существование государственная программа «Молодежь», и эта группа населения (молодежь) оказалась предоставлена сама себе. В результате исследователями констатируется динамика в худшую сторону в состоянии здоровья молодых людей, а это в свою очередь приводит к нарушению генофонда страны. Не будет преувеличением сказать, что подобные явления выливаются в угрозу национальной безопасности России.

Современное российское общество вошло в длительный период глубоких достаточно болезненных реформ, по сути дела, во всех областях жизни, предполагающих создание основ рыночной экономики, формирование гражданского общества, складывание правового госу-



дарства, формирование новой системы ценностей. Процессы модернизации затронули все общество, и далеко не всегда такие процессы имели однозначно позитивный вектор: увеличилось число безработных, лиц, работающих не по специальности, «социальных сирот», инвалидов, бездомных, безнадзорных, появились ранее неизвестные категории лиц — беженцев и вынужденных переселенцев. Заметно упал уровень медицинского обслуживания. Выросло число заболеваний, сопутствующих крайней бедности. Российское государство в течение достаточно продолжительного времени не могло сформулировать основные направления своей социальной политики, а отечественные предприятия, перешедшие в частные руки, освободились от т. н. «социального бремени», выразившегося в гарантиях, предоставляемых работодателями работникам. Такое положение дел, несмотря на наметившиеся тенденции к определенной социально-экономической стабилизации в России, во многом сохраняется до сих пор.

Наиболее рельефно ситуация с социальным положением в стране прослеживается при предметном рассмотрении ситуации с отдельными социальными группами населения России. В качестве одной такой группы рассматривается молодежь, без сомнения являющаяся наиболее динамичной, но и наименее защищенной социальной группой населения.

Социальное положение молодежи в России на современном этапе отражает общее состояние отечественного общества. Это положение определяется рядом объ-

ективных и субъективных факторов: уровнем материальной обеспеченности, возможностью реализовать себя в профессиональной сфере, возможностью получить образование, сделать карьеру, обеспечить свои гражданские права и социальные гарантии, создать полноценную семью.

Давая характеристику молодежи, как социальной группы, следует выделить понимание этой группы в широком и узком смыслах. *В широком смысле* речь идет о весьма обширной общности, формирующейся на базе возрастных признаков и связанных с этими признаками основных видов деятельности. *В узком, т. е. в социологическом смысле* молодежь рассматривается как социально-демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастом характерных особенностей социального экономического положения членов этой общности, их места и функций в социальной структуре общества, специфических ценностей и интересов.

Говоря о социальном портрете современной молодежи, следует, как представляется выделить некоторые особенности и характерные черты. В первую очередь, если в советский период было допустимо говорить о молодежи вообще, то в настоящее время совершенно необходимо отмечать социальное *расслоение молодежи по сословно-имущественному признаку*. Кроме того, хотелось бы отметить, что *интеллектуально-образовательные ценности* современной молодежи следует рассматривать в ракурсе ее умственного творческого потенциала, который в последние годы значительно



снижился. Молодые люди оценивают свои творческие способности достаточно низко. Характерно неверие молодежи в свои силы, а это отражается на притоке молодых кадров в сферу умственного труда. В глазах молодежи ценность умственного труда, образования и знаний падает. Ответственность за такое положение дел следует возложить на СМИ (прежде всего, телевидение), открыто пропагандирующие роскошный образ жизни, достигаемый без особых усилий, на школу, прививающую молодому человеку ощущение неудачника, которое в последствие далеко не каждый может преодолеть в себе, а также на государство, не дающее умственному труду адекватную материальную оценку. Все это дало вполне обоснованные основания констатировать сужение социальных источников воспроизводства интеллектуального потенциала общества.

Более того, новая социальная реальность, связанная с формированием в России рыночной экономики, оказала на молодежь наиболее негативное воздействие. Среди социальных ценностей в глазах молодых людей труд оказался на одном из последних мест. Появилось широко распространенное мнение, согласно которому труд не является источником жизненного успеха.

В качестве серьезной угрозы перспективам развития общества стала выступать «утечка умов» за пределы России. Под влиянием СМИ, социальных сетей, зарубежного кино и российского телевидения «заграница» стала для молодежи более привлекательной, чем своя страна. Именно этим можно

объяснить желание молодых людей получать образование в зарубежных вузах, открывающих возможность устроиться на работу за пределами России. Да и в самой России зарубежное образование совершенно необоснованно стало залогом достижения заветной цели — профессионального успеха.

Важно на этом фоне отметить: современная российская молодежь — это во многом *люди с западным мышлением*, в котором мышление индивидуализма конкурирует с традиционным для России духом коллективизма. Надо с горечью признать, что современная молодежь — это *люди, которых ничего не объединяет*.

Конкретные социальные проблемы, стоящие перед современной молодежью можно классифицировать по ряду признаков. Во-первых, по *территориальному признаку* можно выделить:

- проблемы, характерные для молодежи развитых индустриальных стран;
- проблемы свойственные отдельным географическим регионам;
- проблемы, присущие одной отдельно взятой стране.

По *временному признаку* — т. н. «вечные проблемы» либо проблемы преходящие.

По *системному признаку* — к ним можно отнести общие проблемы молодежи, характерные для всего данного общества, и касающиеся разных групп этого конкретного общества, а также чисто молодежные проблемы, характерные только для этой социальной группы.

Проведенные социологические исследования, опросы самих мо-



лодых людей позволяют выделить несколько основных проблем, волнующих молодежь на сегодняшний день: преступность, деньги, безработица, образование, досуг, здоровье, наркотики, проституция, гражданские права, демографическая ситуация, жилье.

Рассмотрим некоторые из них:

- *преступность* — выделяется молодыми людьми в качестве важнейшей для современной России. В самой этой проблеме отмечаются два аспекта: а) угроза личной безопасности — подавляющее большинство современных молодых людей (до 70 %) не чувствуют себя в безопасности на улицах [7]; б) рост преступности среди самой молодежи, втягивание молодых людей в преступные группы. По оценкам, каждое четвертое уголовное преступление в России совершается сейчас молодежью и подростками [7];

- *деньги* — вторая по важности из проблем, отмечаемых молодежью. Причем, здесь стоит подчеркнуть, что деньги рассматриваются большинством людей, включая представителей молодежи, как символ жизненного успеха, как цель, к которой необходимо стремиться каждому. И в этом вопросе проявляется одна характерная черта значительной части современного молодого поколения: молодые люди хотят иметь хороший доход, но при этом не имеют ни профессии, ни стремления получить серьезную профессию, ни желания работать;

- *безработица* — проблема трудоустройства молодежи неизменно сохраняет огромное значение. Из-за перенасыщенности рынка труда молодежь является доста-

точно выраженной группой риска. Дискриминация молодых соискателей трудоустройства на рынке труда является характерной особенностью современной экономики нашей страны. И это не удивительно — молодые граждане характеризуются неустойчивостью жизненных установок, отсутствием производственного стажа и, в следствие этого, относительно низким профессиональным статусом. Молодые работники первыми попадают под сокращения при возникновении кризиса. Государство не гарантирует и не предоставляет молодежи достойную работу и достойную оплату труда. Отсутствие государственных гарантий на первое рабочее место — есть едва ли не самая острая социальная проблема современной молодежи;

- *образование* — возможности получения молодыми людьми образования на бюджетной основе крайне ограничены. Платное образование доступно далеко не всем. Молодежное творчество интересуется ограниченный круг лиц. Государственные дотации для талантливых и одаренных молодых людей столь скромны, что по сути дела их ни на что не хватает;

- *досуг* — проблема проведения свободного времени ставится молодыми людьми на первое место среди «личных» проблем. Большая часть подростков и молодых людей младшей возрастной группы проводят свое свободное время «на улице» в обществе сверстников и товарищей, поскольку имеет место заметное сокращение возможностей молодежи в сфере досуга (вследствие значительного удорожания культурного времяпровождения), переориентация широких



слоев молодежи на более дешевые способы проведения свободного времени. При этом отмечается заметная вульгаризация и криминализация взаимоотношений в рамках молодежных групп;

- *наркотики* — потребление наркотических средств становится все более распространенным в молодежной среде. И это распространение идет в молодежной среде с катастрофической скоростью. Для приобщения к наркотикам характерен средний возраст — 15 — 17 лет. Потребление веществ, содержащих наркотики все чаще становится частью общения в молодежной среде, одним из средств проведения свободного времени. Социальные последствия наркомании весьма тяжелы. Наркоманы вследствие физической и социальной деградации личности выпадают из жизни общества — трудовой, общественно-политической, семейной;

- *алкоголизм* — важнейшей причиной появления такого негативного явления выступает социальное неравенство и социальная неустроенность. Исследования, проведенные Институтом молодежи показывают, что к 17 годам до 46 % российских юношей и до 54 % девушек потребляют спиртные напитки чаще, чем один раз в месяц. Огромный размах приобрел среди молодежи пивной алкоголизм. Так, согласно опросу, проведенному в Санкт-Петербурге, половина опрошенных молодых людей пьет пиво почти каждый день[6]. Наиболее тревожным является то, что свыше половины лиц, зависимых от алкоголя составляют молодые люди в возрасте до 29 лет. Они не в состоянии дать нормальное здоровое

потомство, участвовать в трудовой деятельности, в полноценной жизни общества;

- *проституция* — эта проблема не выделяется молодыми людьми, как «своя». Более того, она фактически не расценивается в качестве важной проблемы. В молодежной среде проституция не подвергается осуждению, поскольку многие даже полагают, что это — один из способов зарабатывать деньги. В то же время, в среде экспертов отмечается, что проблему молодежной проституции следует отнести к числу самых важных[7].

- *жилье* — проблема жилья для молодежи, без сомнения, остается важнейшей. Несмотря на начавшиеся процессы реновации жилого фонда, несмотря на идущее реформирование сферы ЖКХ, продолжающееся старение имеющегося жилья, неразвитость форм найма квартир вызывает рост цен на жилье и увеличение арендной платы. Процентные ставки по ипотеке остаются высокими, что делает этот вид приобретения жилья недоступным для молодых людей.

Решающая роль государства в процессе решения социальных проблем молодежи неоспорима. Для этого необходима разработка и проведение опирающейся на серьезную нормативно-правовую базу государственной молодежной политики, под которой понимается деятельность государства по созданию правовых, экономических и социальных гарантий, необходимых для самореализации каждого молодого человека.

В России приняты определенные законодательные акты, определяющие молодежную политику государства. К ним следует отне-



сти: Указ Президента Российской Федерации «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи»[1], Федеральный закон от 26 июня 1995 года № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений»[2], Постановление Правительства Российской Федерации «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации»[3], а также Постановление Правительства Российской Федерации «О Федеральном агентстве по делам молодежи»[4]. В этих документах отмечается, что государственная молодежная политика в Российской Федерации основывается на следующих принципах:

- сочетание государственных, общественных интересов и прав личности в формировании и реализации государственной молодежной политики;

- привлечение молодых граждан к непосредственному участию в формировании и реализации политики, программ, касающихся молодежи и общества в целом;

- обеспечение правовой и социальной защищенности молодых людей;

- предоставление молодому гражданину гарантированного государством минимума социальных услуг по обучению, воспитанию, духовному и физическому развитию, охране здоровья, профессиональной подготовке и трудоустройству.

Затрагиваются в приведенных документах также и другие проблемы, важные для молодежи, к примеру, такие как содействие предпринимательской деятельности молодых людей.

Однако необходимо констатировать, что нормативно-правовая база государственной молодежной политики в современной России пока находится на этапе формирования. Следует проводить целенаправленную работу по выработке и принятию федеральных (общегосударственных), региональных и местных целевых программ по решению стоящих задач.

Молодежная тематика включает в себя широкий спектр проблем. В этом свете основным и определяющим является влияние государства и проводимой им политики, направленной на формирование системы ценностей современной молодежи. Государство в первую очередь должно создать условия для морально-нравственного воспитания молодых граждан, гарантировать ограждение их среды от попадания наркотических средств, распространения алкоголя и курения. Кроме того, в обязанности государства входят задачи, связанные не только со строительством спорткомплексов, но и с привлечением и приобщением молодежи к спортивно-оздоровительным мероприятиям. Одним из важнейших факторов, способствующих становлению молодой личности, является система образования. В школах и в вузах должен существовать здоровый культ знаний, почитание всесторонне развитой личности. С учетом, что многие молодые люди сами уже стали родителями, в задачу государства входит нравственное воспитание и развитие молодого поколения.

И, безусловно, абсолютно необходимы государственные гарантии трудоустройства людей, вступающих на свой трудовой путь. Воз-



можно целесообразно возродить установленное на уровне закона правило, запрещающее увольнение молодого специалиста в течение первых трех лет его работы на данном предприятии.

Проведение адресной и эффективной молодежной политики не должно приводить к появлению у молодых граждан настроений иждивенчества. Хотелось бы в связи с этим согласиться с мнением Д.Ю.Быковой и В.В.Зотова, считающих, что в рамках молодежной политики следует «рассматривать молодого человека как конструктора собственного социального окружения, наиболее полно соответствующего его реальным потребностям и заботам»[5].

Политики и государственные деятели разных мастей с высоких трибун громогласно заявляют, что молодежь — это будущее нашей страны, будущее всего человечества. Но на деле молодежные организации, пользующиеся государственной поддержкой, создаются в преддверие очередных выборов в органы власти разного уровня, после проведения которых избранные депутаты благополучно забывают о существовании социальных проблем молодежи, оставляя молодых людей наедине с этими проблемами. На деле же общества и государство просто обязаны оказывать всемерную поддержку молодежным общественным объединениям, направляющим активность молодых людей в сторону реализации общественных интересов.

Важную роль в нравственном воспитании молодежи должны играть СМИ. Важно учитывать, что молодые люди нашего времени не мыслят своего существования без

Интернета и социальных сетей. Эти источники, а также телевидение, должны быть настроены на приобщение молодежи к достижениям отечественной культуры, науки, а также к лучшим произведениям мировой классики. В СМИ абсолютно необходимо прекратить пропаганду образа грубой силы, культ насилия. В работе со СМИ и самих СМИ с молодежью необходим творческий подход, не допускающий бессмысленной вестернизации.

* * *

Проблемы молодежи стояли остро во все времена. Но в прежние времена их каким-то образом решали и неплохо решали. А какие решения подобных проблем мы можем наблюдать в наше время? Красивые речи с трибун, лозунги о том, что молодежь — это наше будущее. На сегодняшний день общество и государство не до конца преодолели потребительское отношение к молодежи. А это в свою очередь формирует иждивенческую позицию молодого поколения.

Несмотря на повсеместное признание того очевидного факта, что молодежь — это будущее нашей страны, решение социальных проблем этой группы населения остается пока в нашей стране лишь делом самой молодежи. Реально и эффективно решать их, похоже, никто не собирается. Однако, перечисляя проблемы и возникающие трудности, не следует считать, что вся без исключения современная молодежь не думает о будущем, что она поголовно развращена отсутствием морали, нравственности, испорчена и вульгарна. На самом деле большое число молодых людей хотят быть по-



лезными своей стране, хотят заниматься любимым делом, получать достойную оплату труда, жениться и выходить замуж, заводить детей, не опасаясь, что могут быть уволены в период очередного финансово-экономического кризиса. Но молодежи трудно справиться со всеми имеющимися проблемами самостоятельно. Только целенаправленное системное участие всех ветвей власти государства, всего общества в жизни молодого поколения даст возможность эффективно решить проблемы социальной адаптации молодежи в современном обществе.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 6 апреля 2006 г. N 325 «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи» // <http://www.base.garant.ru>.

2. Федеральный закон от 26 июня 1995 года № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений».

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 3 июня 1993 г. N 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» // <http://www.zaki.ru/>.

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 мая 2008 г. N 409 «О Федеральном агентстве по делам молодежи» (с изменениями и дополнениями) // <http://base.garant.ru>.

5. Быкова Д.Ю., Зотов В.В. Социокультурный подход к формированию молодежной политики инновационного общества // «Вопросы культурологии». 2011. № 4 (апрель

6. Крицкая О.А. Социальные проблемы современной российской молодежи и способы их решения. // www.km.ru/referats/335337-socialnye-problemy-sovremennoi-rossiiskoi-molodezhi-i-sposoby-ikh-resheniya

7. Социальные проблемы молодежи. // <http://5fan.ru/wievjob.php?id=90158>.

Social problems of modern Russian youth: causes and solutions

Demidova T.E.

Russian State Social University

The article deals with the problems facing modern Russian youth, sources and reasons for emerging of these problems, traces ways for possible solution of the problems. The author concludes that only the participation of all branches of government, the whole society in the life of the young generation will make it possible to solve effectively the problems of social adaptation of youth in modern society.

Key-words: youth, social group, social values, social problems, role of the State, legal basis, social security.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of April 6, 2006 N 325 "On measures of state support of talented youth" // <http://www.base.garant.ru>.
2. Federal Law of June 26, 1995 No. 98-ФЗ "On State Support of Youth and Children's Public Associations".
3. Decree of the Government of the Russian Federation of June 3, 1993 N 5090-1 "On the main directions of state youth policy in the Russian Federation" // <http://www.zaki.ru/>.
4. Decree of the Government of the Russian Federation of May 29, 2008 N 409 "On the Federal Agency for Youth Affairs" (with amendments and additions) // <http://base.garant.ru>.
5. Bykova D.Yu., Zotov V.V. Sociocultural approach to the formation of the youth policy of an innovative society // "Questions of Cultural Studies." 2011. No 4 (April)
6. Kritskaya O.A. Social problems of modern Russian youth and ways to solve them. // www.km.ru/referats/335337-socialnye-problemy-sovremennoi-rossiiskoi-molodezhi-i-sposoby-ikh-resheniya
7. Social problems of youth. // <http://5fan.ru/wievjob.php?id=90158>.



Социологическая диагностика ценностных аспектов цивилизационной идентичности современной российской студенческой молодежи

Максимов В.В.

В статье обосновывается авторская позиция о методологических и методических аспектах социологической диагностики процессов цивилизационной идентичности молодежи на основе ценностного подхода. С этих позиций производится обзор современных концепций цивилизации, процессов цивилизационной идентификации и идентичности, выделяются ценностные аспекты этих социальных феноменов. По результатам авторского социологического исследования характеризуются качественные и количественные показатели ценностной цивилизационной идентичности современной российской студенческой молодежи.

Ключевые слова: социологическая диагностика, ценности, цивилизация, идентичность, молодежь, студенты.

Социальная диагностика в условиях активной трансформации глобальных социальных коммуникаций, изменением ценностно-нормативных основ функционирования национальных государственных образований, появление феноменов «общества риска», «нормальности катастроф» возрастание угроз терроризма, дегуманизации человеческих отношений, закономерно обращается к базовым социальным концепциям цивилизационного развития социума, отдельных обществ, народов и локальных региональных трансграничных социальных групп, наций, культур.

Попытки использования концепции цивилизационного развития для объяснения существенных проблем бытия и перспектив развития человечества предпринимались классиками социально-гуманитарного знания в нашей стране [3; 4; 5; 9], за рубежом [7; 8]. Не ослабевает внимание к этой проблеме и у современных ученых [1; 2; 10].

На основе некоторых научно-практических подходов в 2019 году на базе Департамента социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве реализован исследовательских проект «Цивилизационная иден-



тичность – 21 век». В ходе сбора первичных данных использованы методы анкетирования, адаптированная тестовая методика ранжирования Рокича, тест «Коммуникативные и организаторские склонности», методика парных сранений. Всего было опрошено 346 респондентов из числа студентов московских вузов из 36 регионов России. Представительность данных обеспечена на уровне ошибки 5% и уровне значимости 0,05.

Основное понятие исследования – «российская цивилизация» определялась в качестве локальной цивилизации, как относительно автономного в пространственно-временном континууме социума, представляющего целостной системы экономической, политической, социальной и духовной сфер, которая развивается по законам витальных циклов - зарождение, развитие, расцвет и угасание.

Изучение нормативно-правовых источников, монографической и научно-популярной литературы, результатов социологических, культурологических исследований позволило сформировать индикативный перечень ценностно-нормативных характеристик различных цивилизаций.

Так, интерпретация и операционализация присущих российской цивилизации духовно-нравственных ценностей проведена на основе предварительного системного анализа нормативно закреплённого в документах стратегического планирования их перечня [6]. К ним отнесены: достойное отношение к истории нашей страны, свобода и независимость России, ценность гуманизма, признание ценности межнационально-

го мира и согласие, принятие ценностей единства культур многонационального народа Российской Федерации, ценность и уважение семейных традиций, уважение конфессиональных традиций, ценность патриотизма.

Базовые ценности европейской цивилизации были определены в целях социальной диагностики в ходе анализа Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. К терминальным ценностям этой цивилизации отнесены: демократия, как это понимается в соответствии с европейскими традициями; плюрализм, терпимость, понимаемая в европейском смысле; свобода, понимаемая в европейской цивилизационной традиции; справедливость, понимаемая в европейской традиции, а к инструментальным: равенство, недискриминация, равенство между женщинами и мужчинами; верховенство закона и уважения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам; солидарность, понимаемая в европейской традиции; уважение человеческого достоинства.

Аналогичным образом были определены индикативные характеристики для других цивилизаций. С помощью методики парных сравнений выявлены уровни привлекательности для российской молодежи следующих цивилизаций: «российская», «китайская», «европейская», «североамериканская», «исламская».

Использование корреляционного анализа позволило выявить большую отрицательную связь нашей цивилизации с североамериканской ($C = - 0,464$ при уровне значимости $\alpha = 0,01$), европейской



($C = -0,328$ при уровне значимости $\alpha = 0,01$), китайской ($C = -0,142$ при уровне значимости $\alpha = 0,05$). Одновременно какой-либо корреляции результатов альтернативного выбора с исламской цивилизацией не выявлено.

Основное внимание в исследовании уделено получению углубленных характеристик российской цивилизационной идентичности российской студенческой молодежи. Весьма информативными в этой связи стали вопросы о принятии (не принятии) респондентами норм, ценностей и установлений, составляющих содержание ее ценностной модели.

Наибольшую поддержку у респондентов получили следующие утверждения, характеризующие его отношение к различным аспектам российской цивилизации: «жителю России важно знать русский язык, кириллическую письменность, как содержательных компонентов русской цивилизации» (средняя оценка по пятибалльной шкале равно 4,6384); «заслуживает одобрения норма важности поддержания «международного мира» в русской цивилизации, как ее коммуникативный цивилизационный компонент» (4,4169); «заслуживает одобрения признание важности «справедливости» представителями русской цивилизации, как ее ценностного цивилизационного компонента» (4,3453); «заслуживает одобрения признание важности «ненасилственности» представителями русской цивилизации, как ее ценностного цивилизационного компонента» (4,2443); «заслуживает одобрения признание важности «совести» представителями русской цивилизации, как ее ценност-

ного цивилизационного компонента» (4,2248); «жителю России важно, чтобы соблюдалась «суверенность, самостоятельность, самодостаточность», как организационный компонент русской цивилизации» (4,1824).

Отдельного осмысления заслуживают относительно низкая оценка респондентами такой характеристики российской цивилизации, как утверждение «Заслуживает одобрения признание важности «святости» представителей русской цивилизации, как ее ценностного цивилизационного компонента» (3,4150). Это может свидетельствовать в частности, об ослаблении религиозных оснований ее функционирования и развития.

Для получения отдельных характеристик соотнесения респондентами себя с российской цивилизацией были получены их оценки привлекательности, ощущения принадлежности, а также связанности своего будущего с нею.

Результаты показывают, что большинство респондентов положительно оценивают свою идентификацию с российской цивилизацией по каждому из этих оснований.

73,4% молодых людей считают для себя ее привлекательной (при этом 38,5% однозначно), а лишь 7,3% не привлекательной (0,7% определенно не привлекательной).

Ощущение принадлежности к российской цивилизации испытывают 78,4% респондентов (51,2% определенно), в противовес группе студентов в 6,6% от общей выборки, указавших на отсутствия чувства принадлежности (2,3% его не испытывают однозначно).



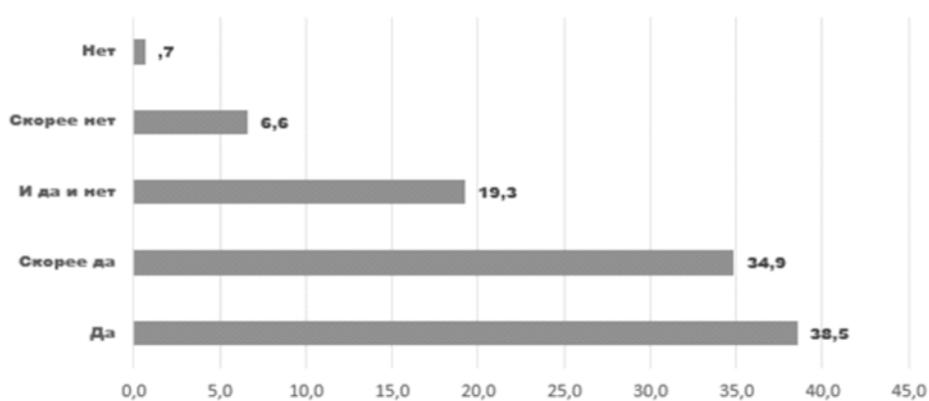


Рисунок 1 – Оценка привлекательности российской цивилизации

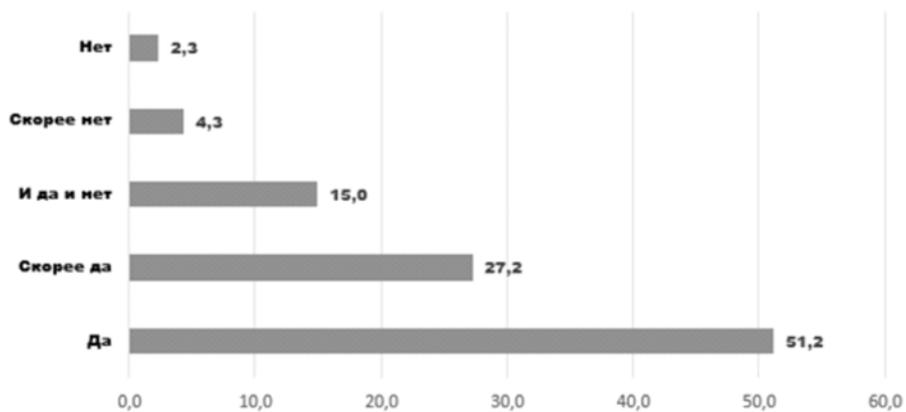


Рисунок 2 – Оценка ощущения принадлежности к российской цивилизации

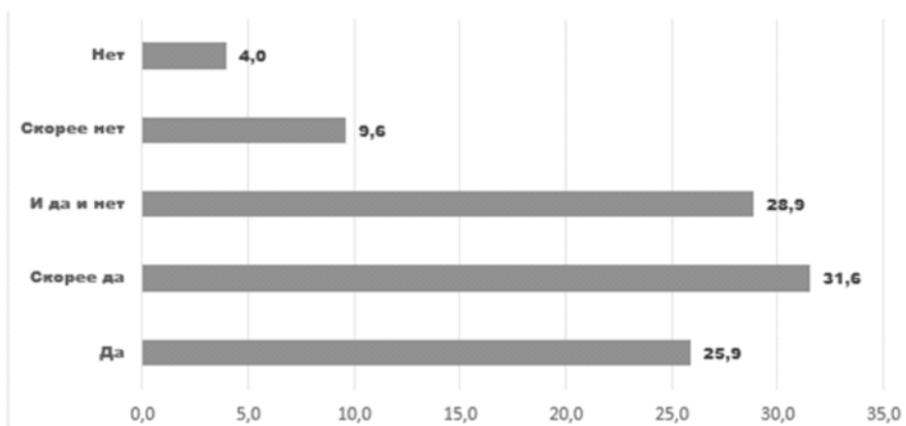


Рисунок 3 – Оценка связи своих жизненных планов с российской цивилизацией



Свои дальнейшие жизненные планы с российской цивилизацией соотносят 57,5% молодых людей (25,9% указали на это определенно), а не связывают 13,6% респондентов (4,0% высказались однозначно отрицательно).

Особую группу составляют «неопределившиеся», - те, кто предпочли ответ «и да и нет». Количественные характеристики этих групп свидетельствует о том, что среди молодых людей есть заметная доля тех, для кого процесс социального самоопределения не завершён. Так, 19,3% опрошенных не могут определить свою оценку по привлекательности российской цивилизации, 15,0% - своего ощущения принадлежности к ней, а почти каждый третий (28,9%) по определению совпадения своих жизненных планов с ее развитием.

В последующем анализ полученных первичных социологических данных предполагает выявление детерминаций цивилизационной идентичности, построение прогнозов, определения рисков этого процесса среди молодежи на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Таким образом, процессы цивилизационной идентичности населения специфичны для молодежи, которая проходит процесс самоопределения и нуждается в жизненных ориентирах. В связи с этим социальное управление трансформациями российской идентичности, определение перспектив развития российской цивилизационной модели должно включать в себя мониторинговые исследовательские технологии, позволяющие насытить органы власти научно обоснованной информацией о вовлеченности

молодежи в процессы развития нашего социума.

Литература

1. Алаев, Л.Б. Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2.
2. Алибегиллов, Ш.А. Концептуальные понятия политической идентичности в контексте формирования цивилизационной идентичности России // Власть. 2016. Т.24. №11. С.100-105.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. Изд. 2-е - М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. - 816 с.
4. Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России / Сост., вступит. ст., указ. имен и коммент. А. В. Белова / Отв. ред. О. А. Платонов. - М.: Институт русской цивилизации, 2010. - 1232 с.
5. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений / Питирим Сорокин; Пер. с англ. В. В. Сапова. - Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ, 2000. - 1054 с.
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. №683).
7. Сэмюэль Хантингтон: столкновение цивилизаций? / Гуманитарные технологии. Аналитический портал. ISSN 2310-1792. 20 января 2007 г. Электронный ресурс: [<https://gtmarket.ru/laboratory/expertiz>]



e/2007/2498]: Дата обращения: 1 октября 2019 г.

8. Тойнби А. Дж. Постигание истории. Сборник. / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова, М., Рольф, 2001.- 640 с.

9. Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин; [Общ. ред., сост. и предисл., с. 5-24, А.Ю.Согомонова]. - М.: Политиздат, 1992. - 542 с.

10. Яковенко, И.Г. Цивилизационный анализ, проблема метода. // Проблемы исторического познания. - М.: Наука, 1999. С.84-92.

Sociological diagnostics of value aspects of civilizational identity of modern russian student youth

Maximov V.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article substantiates the author's position on the methodological and methodological aspects of the sociological diagnosis of the processes of civilizational identity of youth on the basis of the value approach. From these positions, the review of modern concepts of civilization, processes of civilizational identification and identity is made, the value aspects of these social phenomena are highlighted. According to the results of the author's sociological research, qualitative and quantitative indicators of the value civilizational identity of modern Russian students are characterized.

Key words: sociological diagnostics, values, civilization, identity, youth, students.

References

1. Alaev, LB Vague theory and controversial practice: on the latest civilizational approaches to the East and to Russia // Historical Psychology and Sociology of History. 2008. No. 2.

2. Alibegilov, Sh.A. Conceptual concepts of political identity in the context of the formation of civilizational identity of Russia // Power. 2016.V.24. No. 11. S.100-105.

3. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe / Compilation and comments by Yu. A. Belov / Otv. ed. O. Platonov. Ed. 2nd - M.: Institute of Russian Civilization, Blessing, 2011. - 816 p.

4. Leontyev K. N. Slavophilism and future destinies of Russia / Comp., Will enter. Art., decree. names and comments. A.V. Belova / Resp. ed. O.A. Platonov. - M.: Institute of Russian Civilization, 2010. -- 1232 p.

5. Social and cultural dynamics: A study of changes in large systems of art, truth, ethics, law and societies. relationship / Pitirim Sorokin; Per. from English V.V. Sapova. - St. Petersburg: Publishing House of the Russian State Art Institute for Contemporary Art, 2000. -- 1054 p.

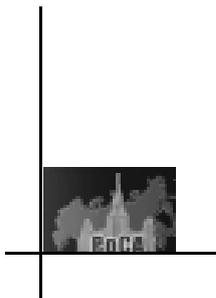
6. The National Security Strategy of the Russian Federation (Approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683).

7. Samuel Huntington: The Clash of Civilizations? / Humanitarian technology. Analytical portal. ISSN 2310-1792. January 20, 2007 Electronic resource: [https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498]: Date of access: October 1, 2019

8. Тойнби А. Дж. Understanding History. Collection. / Per. from English E. D. Zharkova, M., Rolf, 2001. -- 640 p.

9. The man. Civilization. Society / Pitirim Sorokin; [Common Ed., comp. and foreword, p. 5-24, A.Yu. Sogomonova]. - M.: Politizdat, 1992. -- 542 p.

10. Yakovenko, I.G. Civilization analysis, the problem of the method. // Problems of historical knowledge. - M.: Nauka, 1999. P.84-92.



Интеграция социально ориентированных некоммерческих организаций в процессы управления системой образования

Водолазова Ж.М.

Статья посвящена изучению тематики, актуальной для современной социологической теории и социальной практики – развитию социально ориентированных некоммерческих организаций. Целью исследования явилось выявление специфики процесса интеграции социально ориентированных некоммерческих организаций в управление системой образования. Для сбора первичных данных применялись методы: анкетный опрос, анализ сайтов, наблюдение, полуструктурированное интервью. В результате исследования выявлена тенденция интеграции социально ориентированных некоммерческих организаций в процессы управления системой образования.

Ключевые слова: социальная интеграция, социально ориентированные некоммерческие организации, социальное управление, система образования.

Современное общество характеризуется развитием гражданских инициатив. С одной стороны, оно нуждается в пропаганде и закреплении сложившейся системы ценностей и в экспансии вовне, а с другой – ему требуется реализация мер, ограждающих социум от деструктивного и разрушающего влияния внешних ценностных компонентов, которые могут привести к потере самобытности. Одним из социальных институтов, обеспечивающих оптимальное соотношение развития и преемственности, является образование [7]. Именно оно реализует процессы сохранения и преумножения знаний, накопленных конкретным обществом.

По оценкам исследователей, самоорганизация российских граждан является одной из основных тенденций, четко наблюдаемых в развитии гражданского общества в стране и направленных на решение имеющихся значимых социальных проблем [6]. Современные гражданские инициативы все чаще обращаются к теме образования, причем практически ко всем уровням и формам реализации образовательных программ. Граждане объединяются, создавая юридиче-



ские лица, и таким образом участвуют в процедурах общественного контроля, экспертизы, даже реализации образовательных услуг. Наиболее перспективны в данном отношении некоммерческие организации, создаваемые в различных формах. Согласно законодательству, некоммерческими организациями считаются те, которые не имеют в качестве основной цели деятельности извлечение прибыли и ее распределение между участниками. Поскольку образование в современном понимании является социальным институтом и является сферой оказания услуг, в первую очередь, речь идет о социально ориентированных некоммерческих организациях. Речь идет непосредственно о тех НКО, которые осуществляют деятельность, имеющую основную направленность решение социальных проблем, а также развитие гражданского общества (СОНКО) [5]. Образовательные услуги в современном понимании должны в перспективе служить как разрешению трудностей, возникающих на пути общественного развития, так и реализации индивидуальных и групповых инициатив граждан.

Но только создания юридических лиц, зарегистрированных как некоммерческие организации, оказалось недостаточно. Встал вопрос о статусном и квалификационном уровне данных общественных структур [1]. В результате проведения эмпирических исследований ученые выявили недостатки, препятствующие интеграции социально ориентированных некоммерческих организаций в сложные процессы управления современной системой образования. Среди

трудностей были сформулированы следующие:

- не в достаточной степени сформированна единая система поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций как со стороны государства, так и со стороны органов региональной власти и местного самоуправления;

- несовершенство и неотработанность механизмов такой поддержки;

- несформированность системы социального заказа;

- отсутствие единой и согласованной системы ведения реестров социально ориентированных некоммерческих организаций, которые признаны в качестве получателей поддержки, предоставляемой на разных уровнях и в различных видах;

- низкая информированность населения о сферах деятельности существующих социально ориентированных некоммерческих организаций;

- невысокая гражданская активность и юридическая грамотность населения страны;

- неналаженная система эффективного взаимодействия представителей исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления с социально ориентированными некоммерческими организациями, функционирующих на подведомственных территориях [4].

На сегодняшний день данные недостатки постепенно устраняются [2]. Но вместе с этим обнаруживаются новые сложности, связанные с развитием деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в конкрет-



ных регионах и сферах проявления их активности.

Обратимся к характеристике материалов и методов, использованных в исследовании. В статье представлены результаты двух полевых исследований, в реализации которых принимала участие автор статьи. Оба исследования носили пилотный характер. Исследования реализованы совместно сотрудниками Лаборатории социальных проектов Белгородского государственного университета и Белгородской региональной общественной организации «Центр социальных инициатив "Вера"».

Проект «Потенциал интеграции социально ориентированных некоммерческих организаций в систему управления решением социальных проблем региона» реализован в 2018 г. в Белгородской области.

Сбор первичных данных осуществлялся при помощи метода анкетного опроса (n = 16). В качестве респондентов выступили учредители, руководители, сотрудники, участники и волонтеры социально ориентированных некоммерческих организаций.

Исследовательский пилотный проект «Роль социально ориентированных некоммерческих организаций в привлечении детей к решению вопросов, затрагивающих их интересы» реализован в 2019 г. на выборке Белгородской области. Методы сбора первичных данных:

- анализ сайтов социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность на территории области (n = 16);

- наблюдение за деятельностью сотрудников и участников социаль-

но ориентированных некоммерческих организаций (n = 16);

- полуструктурированное интервью с сотрудниками и участниками социально ориентированных некоммерческих организаций (n = 36);

- полуструктурированное интервью с детьми, получающими социальные услуги в социально ориентированных некоммерческих организациях (n = 38).

В обоих вышеназванных исследованиях использована целевая выборка. Метод обработки и анализа данных: компьютерный анализ первичных материалов при помощи использования пакета программ SPSS.

Кроме того, использован метод вторичного анализа данных, при помощи которого были рассмотрены результаты исследований, осуществленных ранее другими учеными и осуществлен компаративный анализ («Развитие региональных ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций: проблемы и перспективы, 2013 г., автор А.В. Исаев; Особенности функционирования ресурсных центров некоммерческих организаций в России, 2015 г., автор А.В. Соколов).

Обратимся к результатам исследования и их обсуждению. Исследование, проведенное нами в Белгородской области, позволило выявить ограничения при интеграции социально ориентированных некоммерческих организаций в региональные социальные процессы. Рассматривая взаимодействие СОНКО с внешней средой, можно отметить, что большинство (61 %) организаций контактирует с пред-



ставителями своей целевой группы (то есть, людей, относящихся к той категории, которая по уставу является приоритетной при получении помощи от организации) практически каждую неделю. Однако 39 % делают это гораздо реже, вплоть до нескольких раз в год. О трудностях интеграции СОНКО в систему управления решением социальных проблем региона говорят результаты исследования, показывающие, что организации взаимодействуют с частотой от 1-го до 2-х раз в месяц с разными социальными субъектами (таблица 1).

*Таблица 1
Взаимодействие социально ориентированных некоммерческих организаций с разными социальными субъектами (с частотой контактов – от 1-го до 2-х раз в месяц)*

№ п/п	Социальные субъекты, с которым осуществляется взаимодействие	Процентный показатель
1	представители местного сообщества, то есть, население, проживающее на территории региона	38 %
2	другие социально ориентированные некоммерческие организации	35 %
3	сотрудники администраций местного самоуправления	30 %
4	разработчики и модераторы различных интернет ресурсов	23 %
5	сотрудники газет, освещающих события, происходящие в регионе	22 %

Помимо того, социально ориентированные некоммерческие организации от 3-х до 4-х раз в год взаимодействуют со следующими людьми:

– работниками местного телевидения (32 %);

– представителями региональной администрации (27 %);
– местными политиками (27%).

Интересным является тот факт, что участниками СОНКО не было отмечено, что их взаимодействие со спонсорами вообще осуществляется с какой-либо периодичностью, то есть, можно заключить, что оно вовсе отсутствует.

Респонденты из числа участников социально ориентированных некоммерческих организаций называют, на их взгляд, наиболее эффективные меры по повышению эффективности их работы (табл.2).

*Таблица 2
Наиболее эффективные меры возможного повышения эффективности деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (мнения участников СОНКО)*

№ п/п	Меры возможного повышения эффективности деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций	Процентный показатель
1	увеличение внешнего целевого финансирования их организации	63 %
2	разработка дополнительных специальных программ организационной и финансовой поддержки СОНКО	44 %
3	разносторонняя поддержка администрации региональных органов власти и представителей местного самоуправления	44 %
4	знакомство с «историями успеха» других СОНКО в регионе, стране	24 %
5	своевременное получение информации, касающейся деятельности организации и возможностей участия в конкурсах и грантах	24%

Как видно из ответов респондентов, представленных в таблице 2, у них до сих пор преобладают



патерналистские установки во взгляде на развитие социально ориентированных некоммерческих организаций в стране. Полученные результаты согласуются с итогами, полученными другими исследователями: инициатива развития СОНКО рассматривается как прерогатива органов власти [3].

Респондентам был задан вопрос о том, каковы основные условия, позволяющие социально ориентированным некоммерческим организациям эффективнее решать стоящие перед ними задачи. Результаты ответов представлены в таблице 3.

*Таблица 3
Основные условия, позволяющие социально ориентированным некоммерческим организациям эффективнее решать стоящие перед ними задачи (мнения участников СОНКО)*

№ п/п	Условия, которые позволяют организации лучше решать стоящие перед ней задачи	Процентный показатель
1	руководитель является авторитетным лидером в СОНКО	70 %
2	наличие многолетнего опыта руководящей работы или деятельности в сфере, являющейся приоритетной для конкретной СОНКО	68 %
3	сложившаяся положительная репутация СОНКО, ее учредителей, руководителя, работников, участников и волонтеров	62 %
4	наличие специалистов в штате	59 %
5	налаженные контакты с местной администрацией	54 %
6	тесное взаимодействие с региональными органами власти	45 %
7	сложившиеся хорошие отношения с журналистами и редакторами из СМИ	36 %

Итак, из данных, приведенных в таблице 3, становится понятным,

что для развития социально ориентированных некоммерческих организаций очень важно иметь развитую сеть внешних контактов и авторитетных людей в собственной организации.

Если мы обратимся непосредственно к тем социально ориентированным некоммерческим организациям, деятельность которых связана с оказанием социально-образовательной помощи, то мы увидим яркую специфику. К примеру, приведем некоторые данные нашего исследования «Роль социально ориентированных некоммерческих организаций в привлечении детей к решению вопросов, затрагивающих их интересы» (табл. 4).

*Таблица 4
Результаты полуструктурированного интервью с сотрудниками и участниками социально ориентированных некоммерческих организаций*

№ п/п	Тематика, поднятая интервьюируемыми сотрудниками и участниками СОНКО	Процентный показатель
1	роль СОНКО в решении проблем детей растет благодаря государственной поддержке	75 %
2	услуги, оказываемые детям в СОНКО, более качественные, чем в других структурах	85 %
3	причиной внимательного отношения и учета мнения детей в СОНКО является интернальная мотивация	87 %

То есть, развитие гражданского общества идет не только в соответствии с тенденцией активизации взрослых граждан страны, но и несовершеннолетних ее представителей. Это совершенно новый вектор общественного развития.



Таблица 5
 Результаты полуструктурированного интервью с детьми, получающими помощь в социально ориентированных некоммерческих организациях

№ п/п	Тематика, поднятая интервьюируемыми детьми	Процентный показатель
1	в СОНКО отношение к детям более внимательное, «душевное», чем в государственных и коммерческих структурах	55 %
2	услуги, оказываемые детям в СОНКО, основаны на индивидуальном подходе	75 %
3	сотрудники и участники в СОНКО спрашивают мнение детей об их желаниях и о проводимых мероприятиях	82 %

Таким образом, непредвзятое мнение детей показывает специфику деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций и качество их работы с несовершеннолетними. Но здесь следует учитывать, что, во-первых, в СОНКО обращаются семьи зачастую с невысоким уровнем достатка, не имеющие возможность получить дорогостоящие услуги в развитых коммерческих центрах, а, во-вторых, речь идет об услугах, которые являются специфическими, зачастую нацеленными на узкую категорию несовершеннолетних и поэтому предоставляются только в специализированных СОНКО. Но в любом случае данные услуги связаны со сферой образования и анализ как процесса их оказания, так и результатов представляет интерес для разработки стратегических направлений интеграции социально ориентированных некоммерческих организаций в процессы управления системой образования.

Литература

1. Волкова, О.А. Некоммерческие организации как ресурс развития социальной сферы региона / О.А. Волкова, Ю.А. Гребеникова // Управление городом. 2017. № 2 (25). С. 52–56.

2. Волкова, О.А. Развитие социально ориентированных некоммерческих организаций в современной системе социальной защиты населения / О.А. Волкова // Новые тенденции в деятельности социозащитных институтов: материалы Всеросс. конф., 12-13 сентября 2019 г. Иркутск: Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2019. – С. 79–83.

3. Волкова, О.А. Современная общественная миссия российских некоммерческих организаций в регионах / О.А. Волкова // Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики: материалы VIII Международ. науч.-практ. конф., 30 ноября – 1 декабря 2016 г. / под ред. О.А. Волковой, Е.И. Мозговой, Д.А. Кулабухова. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – С. 29–43.

4. Исаев, А.В. Развитие региональных ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций: проблемы и перспективы // Вестник НГУЭУ. 2013. № 4. С. 352-363.

5. О некоммерческих организациях: федеральный закон. От 12.01.1996; в ред. от 01.01.2019 // КонсультантПлюс. <http://www.consultant.ru>.

6. Соколов, А.В. Особенности функционирования ресурсных центров некоммерческих организаций в России // Власть. 2015. № 6. С. 52-57.



7. Шереги, Ф.Э. Образование как социальный институт: функции и дисфункции // Россия реформирующаяся. 2015. № 13. С. 12-36.

Integration of socially oriented non-profit organizations in the processes of management of the education system

Vodolazova Zh.M.

Sports and leisure center "Schukinets"

The article is devoted to the study of topics relevant to modern sociological theory and social practice - the development of socially oriented non-profit organizations. The aim of the study was to identify the specifics of the process of integration of socially oriented non-profit organizations in the management of the education system. Methods were used to collect primary data: questionnaire survey, site analysis, observation, semi-structured interview. As a result of the study, the tendency of integration of socially oriented non-profit organizations into the educational system management processes was revealed.

Keywords: social integration, socially oriented non-profit organizations, social management, education system, questionnaire survey, semi-structured interview.

References

1. Volkova, O.A. Non-profit organizations as a resource for the development of the social sphere of the region / O.A. Volkova, Yu.A. Grebenikova // Management of the city. 2017. No. 2 (25). S. 52-56.
2. Volkova, O.A. The development of socially oriented non-profit organizations in the modern system of social protection of the population / O.A. Volkova // New trends in the activities of social protection institutions: materials of the All-Russian Conf., September 12-13, 2019 Irkutsk: Baikal Publishing House. state University, 2019. -- S. 79-83.
3. Volkova, O.A. The modern public mission of Russian non-profit organizations in the regions / O.A. Volkova // Social work in the modern world: the interaction of science, education and practice: materials of the VIII International. scientific-practical Conf., November 30 - December 1, 2016 / ed. O.A. Volkova, E.I. Brain, D.A. Kulabukhova. - Belgorod: Publishing House "Belgorod" NRU "BelSU", 2016. - S. 29-43.
4. Isaev, A.V. Development of regional resource centers for support of socially oriented non-profit organizations: problems and prospects // Bulletin of NSUU. 2013. No. 4. P. 352-363.
5. On non-profit organizations: federal law. From 12/01/1996; as amended from 01.01.2019 // ConsultantPlus. <http://www.consultant.ru>.
6. Sokolov, A.V. Features of the functioning of resource centers of non-profit organizations in Russia // Power. 2015. No. 6. S. 52-57.
7. Sheregi, F.E. Education as a social institution: functions and dysfunctions // Russia is reforming. 2015. No. 13. P. 12-36.



Результаты социологического исследования современного состояния управленческой культуры офицера в воинском подразделении Вооруженных Сил Российской Федерации

Ерохин Е.Г.

В статье раскрывается актуальность изучения управленческой культуры офицера. Уточнен и разграничен смысл понятий культура управления и управленческая культура. В качестве основного теоретико-методологического основания исследования обосновывается использование структурно-функционального подхода. Содержательно раскрыты основные этапы социологического исследования. Также представлены некоторые результаты социологического исследования современного состояния управленческой культуры офицера в воинском подразделении Вооруженных Сил Российской Федерации.

Ключевые слова: функции управления, воинское подразделение, культура управления, управленческая культура, компоненты управленческой культуры.

На недавнем селекторном совещании с руководством Вооруженных Сил Министр обороны России С.К. Шойгу обратил внимание присутствующих, на серьезнейший вопрос соблюдения регламента служебного времени. Он предупредил, что будет: «рассматривать систематические нарушения регламента, как *неспособность командиров планировать и организовывать работу своих подчиненных*. И учитывать это при аттестации командного состава» [1]. Министр обороны потребовал от командиров и начальников грамотно ставить служебные задачи, проявлять заботу о подчиненных, а так же отметил, что невыполнение этих требований приведет к снижению эффективности управления, и отразится на качестве выполнения задач. Контроль за соблюдением распорядка дня, он возложил на Национальный центр управления обороной и Главное военно-политическое управление.

Планирование и организация служебной деятельности представляет собой неотъемлемые функции управления присущие аб-



солютно всем командирам (начальникам) в структуре Вооруженных Сил Российской Федерации. Выполнение перечисленных выше функций в совокупности с согласованием управленческих действий, мотивацией подчиненных и контролем выполнения поставленных задач, является непосредственным содержанием процесса управления в Вооруженных Силах Российской Федерации. Функции управления так же характеризуют одноименные этапы управленческого процесса и более того являются видами управленческой деятельности (планирование, организация, координация, мотивация, контроль). Эффективность управления (как процесса) и качество выполнения поставленных задач напрямую зависит от типа управленческой культуры офицера в том или ином воинском подразделении Вооруженных Сил Российской Федерации.

Почему автором в качестве наиболее релевантного уровня репрезентации выбрано воинское подразделение? Потому что, воинское подразделение представляет собой воинское формирование, имеющее постоянную организацию и однородный состав. Подразделения входят в более крупные подразделения или воинские части, «к подразделениям относятся: батальон, дивизион, эскадрилья, рота, батарея, звено, боевая часть корабля, взвод, отделение, расчёт, экипаж и др.» [2]. Таким образом, воинское подразделение представляет собой основную, относительно самостоятельную, организационную единицу в структуре Вооруженных Сил. Результативность управления Вооруженными

Силами Российской Федерации непосредственно складывается из результативности процессов управления в различных структурных элементах Вооруженных Сил – воинских подразделениях.

В рамках научной статьи, автор считает необходимым уточнить и разграничить смысл понятий культура управления и управленческая культура. Тщательное теоретическое изучение объекта исследования, позволило нам прийти к выводу, что *культура управления* – это обобщенное наименование совокупности теоретических знаний об управлении, накопленных в процессе эволюции этого социального феномена и сосредоточенных на различных физических носителях информации. А *управленческая культура* – это непосредственное, практическое выражение культуры управления, преломляемое через индивидуальность личности руководителя, в процессе осуществления им управленческой деятельности. В дополнение следует отметить, что управленческая культура не тождественна стилю управления. Автор выражает согласие с мнением И.П. Литвинова о том, что «стиль управления – это совокупность приемов, средств деятельности, свойственных их носителю (личности руководителя), используемых для решения управленческих задач» [3, с. 414]. Управленческая культура же, тот внутренний потенциал и источник ресурсов, который способствует реализации стиля управления, придавая ему определенную индивидуальность.

В целях исследования современного состояния управленческой культуры офицера в воинском подразделении Вооруженных Сил Рос-



сийской Федерации в марте-апреле 2019 года автором статьи при поддержке Научно-исследовательского центра (социологического) Вооруженных Сил Российской Федерации проведено конкретное военно-социологическое исследование [4]. Проведению исследования предшествовал теоретический анализ управленческой культуры, как сложного социокультурного феномена, разработка методики его изучения, а также написание программы исследования. Исследование проведено по всеармейской случайной квотной выборке, рассчитанной экспертами Научно-исследовательского центра (социологического) Вооруженных Сил Российской Федерации.

Изучение управленческой культуры офицера в воинском подразделении выполнялось в рамках двух классических этапов социологического исследования. Первый, теоретико-методологический, имел целью теоретического обоснования проведения исследования, а также подбор и конкретизацию научных методов исследования. Содержательно он включает в себя следующие подэтапы: аргументация проблемы исследования, установление объектно-предметной области научного поиска, постановка цели и формулирование задач, комплексный системный анализ объекта исследования, теоретическая интерпретация основных понятий, эмпирическая интерпретация и последующая операционализация основных понятий исследования, выдвижение предварительных гипотез.

Второй, организационно-процедурный подразумевал описание стратегии сбора, а также обработки эмпирических данных, полу-

ченных в ходе опроса, устанавливал структуру и объем выборочной совокупности, характеризовал логику количественного анализа результатов исследования и их типологизацию. Содержательно он включает в себя следующие подэтапы: описание методов сбора данных, формирование генеральной и выборочной совокупности, описание математико-статистических методов обработки, анализа первичных социологических данных, их последующую интерпретацию, планирование стратегических (принципиальных) этапов проведения исследования.

Из числа теоретико-методологических оснований исследования следует отметить структурно-функциональный подход, который позволил выделить в структуре управленческой культуры офицера три компонента: когнитивный, ценностно-нормативный и компетентностный (поведенческий), а так же оценить функциональную нагрузку каждого компонента в управленческой культуре офицера. В последующем при применении комплекса математико-статистических методов обработки и анализа данных производилось сравнение индивидуальных индексов функциональности компонентов управленческой культуры офицера со средними групповыми индексами функциональности компонентов управленческой культуры офицеров. Результаты сравнения позволили выделить восемь типов офицеров в воинском подразделении Вооруженных Сил Российской Федерации с точки зрения их управленческой культуры.

В процессе анализа и интерпретации данных, полученных при изучении управленческой культуры офицера в воинском подразделе-



нии Вооруженных Сил Российской Федерации было установлено, что каждый социальный тип офицеров на прямую характеризуется определенными преимущественными видами управленческой деятельности. Всякий тип управленческой культуры, регулируя поведение офицера в воинском подразделении, и его управленческую деятельность, обуславливает прева-лирование того или иного этапа управления в общем процессе управления воинским подразделением (отдельными военнослужащими), а так же социальными процессами и явлениями, протекающими в подразделении. Это обстоятельство было положено автором в принцип разработки наименований социальных типов офицеров – командиров воинских подразделений (см. таблицу 1).

Практическое значение имеет тот факт, что «Уравновешенный» тип командиров – полностью дисфункциональный по востребованности компонентов управленческой культуры офицера, не имеет явно выраженных преимущественных видов управленческой деятельности. В рамках проведенного исследования, неким идеальным соотношением видов управленческой деятельности видится тип офицеров «Организатор-Планер», этот тип функционален по всем компонентам, разработанной автором социологической модели управленческой культуры. Рассмотренный тип офицеров затрачивает на организацию служебной деятельности около 30% служебного времени, на планирование своей работы – 20%, на согласование управленческих действий, для достижения цели (координацию) –

18%, на мотивацию подчиненных – 17%, и на контроль выполнения поставленных задач – 15% служебного времени. Убедительное подтверждение сказанному выше мы находим при анализе открытых вопросов анкеты для офицеров – командиров воинских подразделений.

Таблица 1
Типология офицеров в воинском подразделении Вооруженных Сил Российской Федерации с точки зрения их управленческой культуры

Социальный тип	Компоненты управленческой культуры			Количество офицеров	
	Когнитивный компонент	Ценностно-нормативный компонент	Компетентностный компонент	N	%
Организатор-Планер	+	+	+	184	27
Контролер-Организатор	+	+	-	44	6
Организатор-Контролер	+	-	+	56	8
Координатор-Планер	+	-	-	68	10
Организатор-Мотиватор	-	+	+	100	15
Координатор-Организатор	-	+	-	72	11
Организатор-Координатор	-	-	+	76	11
Уравновешенный	-	-	-	80	12
ИТОГО:				680	100

«+» Функциональный (востребованный) компонент управленческой культуры офицера, «-» Дисфункциональный (не востребованный) компонент управленческой культуры офицера.



Так офицер, относящийся к типу «Организатор-Планер», отмечает, что: «Распределение собственных задач по направлениям деятельности значительно увеличит эффективность выполняемой работы и снизит напряженность в работе офицеров» (орфография и пунктуация автора сохранены. – Прим. Авт.). Следовательно, мы приходим к выводу о том, что качество управленческой деятельности и управленческого воздействия на объект управления непосредственно связано с процентом времени затрачиваемого субъектом на тот или иной вид (этап) управленческой деятельности. Наиболее релевантным данное соотношение будет при увеличении времени на планирование и организацию своей служебной деятельности при уменьшении времени затрачиваемого на контроль выполнения поставленных задач.

Результаты социологического исследования показали, что на период проведения военно-социологического исследования в Вооруженных Силах Российской Федерации доминировал тип офицеров, имеющих полностью функционально востребованную структуру управленческой культуры, однако к числу этих офицеров относится лишь 27%, опрошенных командиров воинских подразделений. Данные офицеры должны составить основу кадрового резерва для их выдвижения на высшие воинские должности и направления на учебу. С ними необходимо осуществлять работу по формированию инновационной управленческой культуры.

Тревожным фактом можно считать наличие офицеров – команди-

ров воинских подразделений, имеющих в той или иной степени дисфункциональный тип управленческой культуры. К частично дисфункциональным типам офицеров (дисфункциональны два компонента из трех) относятся типы: «Координатор-Планер» – 10% опрошенных офицеров, «Координатор-Организатор» – 11%, «Организатор-Координатор» – 11%, к полностью дисфункциональному типу «Уравновешенный» относится 12% опрошенных офицеров, доля этих типов составляет практически половину опрошенных командиров воинских подразделений (44%).

Однако необходимо отметить, что каждая социальная система ценна своим разнообразием. Военно-социологическое исследование проводилось в мирное время, без отрыва воинских подразделений от пунктов их постоянной дислокации. Изменение внешних условий (например: учения, нештатная ситуация, боевые действия и др.) может породить социальные ситуации, в которых дисфункциональные типы офицеров с точки зрения их управленческой культуры продемонстрируют наиболее результативную управленческую деятельность и эффективное управленческое воздействие на объект управления.

Управленческая культура офицера в воинском подразделении Вооруженных Сил Российской Федерации остается мало изученным социокультурным феноменом. На сегодняшний день отсутствует однозначное понимание этого феномена среди социологов, в том числе и среди теоретиков и практиков военной социологии. Социологическое исследование, проведенное



автором, отражает лишь его понимание структуры и функций управленческой культуры офицера в воинском подразделении Вооруженных Сил Российской Федерации и открывает дальнейшие перспективы ее обсуждения и социологического изучения.

Литература

1. Баранец В. Шойгу устроил разнос «прозаседавшимися»: Самодурства и чванства не потерплю! / Комсомольская правда [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kp.ru/daily/27039/4104091/> (дата обращения 15.10.2019).

2. Подразделение / Военный энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=9043@morfDictionary> (Дата обращения 21.10.2019).

3. Литвинов И.П. Стиль исполнения управленческой должности / И.П. Литвинов, И.И. Литвинов, А.В. Меньчуков. – СПб. ; М. : ЛИНЭЛ-Н, 2003. – 520 с.

4. Научно-исследовательский центр (социологический) Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://ens.mil.ru/science/sociological_center/more.htm?id=10370968@cmsArticle (дата обращения 17.06.2019).

Results of sociological researches of the modern state of officer's management culture in the military unit of the Armed Forces of the Russian Federation

Erokhin E.G.

Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

The article reveals the relevance of studying the officer's management culture. The meaning of the concepts of culture of management and management culture has been clarified and distinguished. As the main theoretical and methodological basis of the researches, the use of a structural and functional approach is justified. The main stages of sociological research are thoroughly disclosed. Some results of sociological research of the modern state of officer's management culture in the military unit of the Armed Forces of the Russian Federation are also presented.

Keywords: functions of management, military unit, culture of management, management culture, components of management culture.

References

1. Baranets V. Shoigu smashed the "arrogant": tyranny and swagger I will not tolerate! / Komsomolskaya Pravda [Electronic resource] // URL: <https://www.kp.ru/daily/27039/4104091/> (accessed October 15, 2019).
2. Department / Military Encyclopedic Dictionary [Electronic resource] // URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=9043@morfDictionary> (Accessed 10.21.2019).
3. Litvinov I.P. The style of execution of a managerial position / I.P. Litvinov, I.I. Litvinov, A.V. Menchukov. - SPb. ; M.: LINEL-N, 2003. -- 520 p.
4. Research Center (Sociological) of the Armed Forces of the Russian Federation [Electronic resource] // URL: https://ens.mil.ru/science/sociological_center/more.htm?id=10370968@cmsArticle (accessed June 17, 2019).



Тенденции изменения информационных запросов в сфере культуры и образования в СМИ Санкт-Петербурга

Смирнов К.И.

Вмешательство средств массовой коммуникации в традиционную картину мира происходило в течение всего XX века и острее всего ощущалось в сфере культуры и образования. Рост процессов, связанных с урбанизацией, привел к тому, что перестали существовать действующие прежде границы между будничной и праздничной жизнью. Городская индустриальная культура стала одновременно формироваться в зависимости от элитарной культуры образованного сословия и народной культуры сельского населения, активно мигрирующего в крупные города. Возникшие практически одновременно с ней более современные средства массовой информации идеально подходили для информирования о новой индустриальной культуре.

Современное общество уже не может обходиться без медиа, а все действующие в XXI веке медиа-платформы без труда участвуют в формировании глобальной коммуникации. Культура и образование – наиболее коммуникативные сферы, и из-за этого большинство реформ, происходящих в этих сферах, наиболее значимо отражаются на жизни общества.

Сегодня во всем мире, и в России, в частности, СМИ вправе считаться институтом, вовлеченным в разнообразные события в сфере культуры и образования. В связи с этим крайне важно отслеживать, насколько общество заинтересовано в медиа-освещении соответствующих тем.

Ключевые слова: Медиа, СМИ, культура, образование, информационные запросы, Санкт-Петербург

Интеграция средств массовой информации в традиционную картину мира происходило в течение всего XX века и острее всего ощущалось в сфере культуры и образования. Ведь именно культура и образование – справедливо называются наиболее коммуникативными сферами, а большинство реформ, происходящих в них, максимально ярко отражаются на жизни всего общества.

Не вызывает сомнений, что современное общество уже не может обходиться без медиа, а все действующие в XXI веке медиа-платформы без труда участвуют в формировании глобальной коммуникации. Более того, городская индустриальная культура стала одновременно формироваться в зависимости от элитарной культуры образованного сословия и народной культуры сельского населения, активно мигрирующего в крупные города. А возникшие практически одновременно с ней более современные СМИ идеально подходили для информирования о новой индустриальной культуре.

Сегодня во всем мире, и в России, в частности, СМИ вправе считаться институтом, вовлеченным в разнообразные события в сфере культуры и образования. В связи с этим крайне важно отслеживать, насколько общество заинтересовано в медиа-освещении соответствующих тем.



Кроме того, по мнению профессора А.С. Запесоцкого, современное научное знание рассматривает средства массовой информации как многофункциональные социальные институты, обладающие развлекательной, просветительской, воспитательной, социализирующей, управляющей и другими функциями. При этом, согласно его точке зрения, влияние СМИ на умы людей и общее состояние культуры нации по сравнению с другими социальными институтами неуклонно растет и достигло к настоящему времени беспрецедентных масштабов [1, с. 250-259]. «В ряде отношений это влияние уже перевешивает воздействие всех прочих факторов, вместе взятых. В первую очередь это относится к федеральным каналам центрального телевидения, превратившимся с 1990-х годов в ключевой, системообразующий элемент не просто информационного поля, но и всего духовно-нравственного пространства страны», - отмечает Запесоцкий.

Действительно, в последние годы средства массовой информации быстро развиваются: особенно Интернет как способ трансляции медиа-материалов сильно изменяет повседневную жизнь. Вместе с тем, благодаря распространению средств массовой информации, появляется и новая образовательная среда. В свою очередь, образование не только тесно связано с государством и обществом, но и с каждым человеком, ведь коммуникация индивидуума с образовательным процессом никогда не прерывается. И в этой связи человек уделяет большое внимание публикациям и информационным сюжетам в СМИ, рассказывающим

о сфере образования по различным позициям: виды обучения, деятельность учебных заведений, воспитание молодых специалистов, изменение политики государства в данном вопросе, научно-исследовательская работа и новые открытия. Очевидно, что материалы, посвященные темам образования, имеют свои специфические черты, характерные для массовой прессы: далеко не всегда это заложенная воспитательная или политическая функции. Значительно чаще – это сезонность темы и новостей, а также реакция общественного мнения на те или иные реформы. Исключая возможность чрезвычайных событий в учебных заведениях, журналистика в сфере образования весьма предсказуема: она ежегодно с разными подтекстами описывает начало учебного года, вступительные экзамены в средние школы и в высшие учебные заведения, особенности единого государственного экзамена и т.д.

При этом нельзя преуменьшать роль и значение темы культуры в отечественных медиа. [2]. Одна из особенностей журналистских материалов о культуре включает в себя преобразование текстов художественных явлений в его вербальное описание – зачастую это происходит в результате интерпретаций, а тот факт, что журналистика сегодня является основным рычагом формирования культурной информированности общества, возлагает на нее определенную ответственность [3, с. 166].

Для определения наиболее популярных информационных запросов жителей Санкт-Петербурга (как телезрителей, так и радиослушателей, читателей газет, пользова-



телей интернета), а также для изучения влияния восприятия горожанами новостей в сфере культуры и образования на формирование общественного мнения, автором были проанализированы результаты социологических исследований, которые проводились в Санкт-Петербурге с 2014 по 2017 годы.

С самого начала этой работы было очевидным, что в Санкт-Петербурге, считающимся по широкому признанию экспертов, и культурной, и научной столицей России, будет крайне высок процент информационных запросов по теме культуры и образования. Действительно, если говорить о пожеланиях респондентов касательно того, что необходимо освещать городским СМИ, то, по мнению петербуржцев, в первую очередь, это должна быть информация о культурной жизни города. Именно этот ответ становился наиболее популярным в течение нескольких лет: с конца 2014 года по начало 2017 года. При этом культурная повестка опережает такие проблемные сферы жизни Санкт-Петербурга как социальная политика, развитие экономики города, работа жилищно-коммунального хозяйства, доступная и качественная медицина. Так, доля респондентов, фиксирующих культурную повестку на первом месте в мае 2015 года составляла 30,4%, в августе 2015 года – 31,1%, в декабре 2015 года – 27,8%. Незначительное сокращение интересующихся информацией о культурном потенциале города был отмечен в марте и мае 2016 года, когда показатели снизились до 23-24%. Но, несмотря на снижение цифр, сфера культура продолжала оставаться на лидирующих позициях. Во-многом, этому способствова-

ли и профильные тематики, характерные для Санкт-Петербурга: в частности, ситуация вокруг Исаакиевского собора, инициирование и дальнейшее проведение Международного Культурного форума и т.д. Уже в августе 2016 года число респондентов, выделяющих культурную сферу как приоритетную, вновь превысило 30%. Такими же показатели остались и в начале 2017 года.

Из года в год также в топ-10 основных вопросов жизнедеятельности города, вызывающих наибольший интерес у петербуржцев, попадала и сфера доступного и качественного образования. При этом, если в конце 2014 года эта проблема занимала 10,5% респондентов, то в мае 2016 года доля интересующихся этой темой сократилась до 4,3%. Однако уже к началу 2017 года – сфера вновь стала интересной для 9,2% опрошенных, опередив такие вопросы как благоустройство, спорт, перспективы развития города, работу общественного транспорта, сохранение исторического центра и другие.

В то же время, еще одним показателем, раскрывающим сложившийся уровень удовлетворенности петербуржцев объемом и объективностью новостей о различных событиях в разных сферах (в том числе, в сфере образования и культуры), является степень достаточности информации, которая публикуется в СМИ. Так, примерно четверть опрошенных – около 25% считали, что им определено достаточно той информации, которая транслируется городскими медиа, чтобы сформировать свое мнение; еще 38,4% опрошенных скорее достаточно такой информации. Важно, что на недостаток информации о событиях в



Санкт-Петербурге (в том числе, в сфере культуры и образования) для формирования собственной точки зрения чаще других указывали мужчины в возрасте от 30 до 59 лет с незаконченным высшим образованием. При этом только половина всех опрошенных оказалась в целом удовлетворена объективностью и правдивостью информации о жизни города. В то же время, именно при освещении культурной жизни Санкт-Петербурга из года в год наблюдается наиболее высокий уровень удовлетворенности горожан объемом и объективностью таких новостей. Объективность освещения темы образования получила средние показатели, а меньше всего респонденты оказались удовлетворены объемом и объективностью новостей в сфере городского управления и политики.

Интересно также, что среди основных источников информации о событиях в общественной жизни Санкт-Петербурга (включая тематику культуры и образования) горожане называли телевидение (от 64,7% в мае 2015 года до 65,8% в ноябре 2016 года) и интернет (от 63% в конце 2014 года до 60% в ноябре 2016 года). Характерно, что исследование показало, что телевидением в качестве источника информации о событиях в жизни Санкт-Петербурга в большей степени пользуются женщины и респонденты старшего возраста, а интернет чаще всего привлекает мужчин и респондентов не старше 49 лет. В свою очередь, еще одной приметой времени можно считать тот факт, что больше половины жителей Санкт-Петербурга не узнают новости в сфере культуры или образования через печатную прессу, так как вовсе не читают каких-либо газет, в том числе и общедоступных.

Литература

1. Запесоцкий А.С. Образование и средства массовой информации как фактор социализации современной молодёжи. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУП, 2009. 464 с.
2. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры // Вестник новгородского государственного университета // 2000.
3. Журналистика сферы досуга : учеб. пособие / сост. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова, Санкт-Петербург, 2012. 304 с.

Trends in information requests of cultural & educational questions in local Saint Petersburg media

Smirnov K.I.

North-West institute of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The media intervention in the traditional world took place during the XX century and was mostly significant in culture and education spheres. The growth of urbanization processes led to the fact that the existing borders between everyday life and festive life ceased existing. The urban industrial culture relied on the elite culture and the folk culture of the rural population, who began to migrate to cities.

Modern society can't live without the media, and all media platforms operating in the 21st century are easily involved in shaping global communication. Culture and education are the most communicative spheres, and because of that, reforms in these spheres are most effective in social life.

Today all over the world and also in Russia the media has the right to be an institution involved in various events in the field of culture and education. In this regard, it is very important to monitor how far society is interested in highlighting the topics by the media.

Keywords: Media, culture, education, information requests, Saint Petersburg

References

1. Zapesotsky A.S. Education and the media as a factor in the socialization of modern youth. St. Petersburg: Publishing House SPbGUP, 2009. 446 p.
2. Vyzhletsov G.P. The axiology of culture // Bulletin of Novgorod State University // 2000.
3. Journalism in the field of leisure: textbook. allowance / comp. L.R. Duskayeva, N.S. Tsvetova, St. Petersburg, 2012. 304 p.



Социальная реклама в интернете как проявление конвергентной журналистики

Тимчак К.Н.

Современная социальная интернет - реклама набирает популярность в качестве канала трансляции общественных проблем, опережая наружную и телевизионную рекламу, постепенно завоевывая доверие пользователей благодаря доступности, быстрому распространению и широким спектром возможностей для создания яркого социального сообщения. Однако, социальная реклама, размещаемая в интернете, нуждается в кардинальном изменении подхода к созданию и распространению информации, поскольку не до конца отвечает запросам общественности. Положительные изменения в работе данного канала коммуникации можно достичь путем заимствования принципов работы конвергентной журналистики и внедрения их в процесс, связанный, непосредственно, с конструированием сообщений. Необходимо также расширить диапазон охвата социальной рекламы и способы представления социального контента, поскольку особенностью этого вида рекламы является широкий круг вопросов и тем, отображающих реальное состояние действительности.

Ключевые слова: социальная реклама, конвергентная журналистика, Интернет, онлайн-аудитория, социальный контент, новости, социальное сообщение.

Введение

Деятельность социальной рекламы в традиционных СМИ переживает период кризиса. Высокотехнологичное развитие социума, перемещение аудитории из реального в виртуальное пространство сигнализируют о необходимости перехода социальной рекламы в новое информационное пространство и максимально быстрой адаптации в нем. Привычные методы воздействия социальных сообщений, распространяемых наружной рекламой, телевидением и другими каналами коммуникации, не приносят должного результата. Процесс интеграции информационных и коммуникативных технологий в глобальный ресурс, именуемый конвергентной журналистикой, позволит ускорить освоение социальной рекламой виртуального пространства, посредством заимствования принципов работы данного вида журналистики. Распространение социальных сообщений в Интернете позволит воздействовать на целевую аудиторию более эффективно и побуждать пользователей к активным общественным действиям. Конвергентная журналистика стирает границы реальности и времени и является плодородной почвой для процесса глобализации, в основе которого ле-



жит изменение социального порядка, менталитета, привычек и поведенческих паттернов, образа жизни людей. Интернет является интерактивной средой, для которой характерен свой стиль, свой язык и специфический контент. Для социальной рекламы, призванной оказывать воздействие на эмоциональную природу человека, такая среда представляется наиболее привлекательной из-за возможности многостороннего влияния на потребительское сознание.

Основная часть

Важным условием «внедрения» социальной рекламы в качестве элемента системы конвергентной журналистики является непосредственное участие интернета в создании, продвижении и анализе социальной рекламной коммуникации. Социальное сообщение произведет гораздо больший эффект, если задействует аудиовизуальные каналы трансляции информации одновременно. Интернет дает возможность «загрузить» целый ролик или «разместить» текстовый пост, сопровождающийся анимацией, музыкой или графическим спецэффектами. Современной аудитории важно, чтобы контент был «цепляющим», и, далее побуждал к действию, или, как минимум, к обсуждению. Чем проще и доходчивее донесена социальная проблема, тем больше откликов будет [5]. Если ролик станет «вирусным», то Интернет-сфера гарантирует ему популярность и широкий охват. Поэтому необходимо активно продвигать социальную рекламу в онлайн-пространстве. Следует обратиться к понятию «конвергентная журналистика» и использовать его прин-

ципы как вспомогательный инструмент для продвижения социальных сообщений. На сегодняшний день имеет место тенденция «конвергенции» - объединения, слияния в одно целое коммуникационных технологий, рынков и самих технических средств информации. Конвергенция – это «схождение», «сближение», обеспечивающее различным типам СМИ новое концептуальное взаимодействие с учетом их организационно-структурного соединения, включая конструирование новых управленческих методик для оперативного создания уникального информационного продукта с целью его размещения в разнообразных медиасредах и привлечения внимания целевой аудитории [2. С.356].

Конвергентная журналистика как объединение различных каналов коммуникации в условиях совершенствования мультимедийных технологий [4. С. 83] дает возможность расширить диапазон влияния и воздействия социальной рекламы, предоставляя ей Интернет как активную платформу для деятельности.

В кроссмедийной отрасли можно условно выделить три направления: медиа, гипермедиа и трансмедиа. Для внедрения социальной рекламы в новую коммуникационную парадигму уместно рассмотреть третий вид: трансмедиа. Центральным объектом трансмедийного жанра являются социальные сети, которые частично обладают чертами и функциями средств массовой информации. Поскольку информационный контент создается и распространяется не профессиональными журналистами, а обычными пользователями сети, любии-



телями, то качество публикуемых данных остается под большим вопросом. И, также, данное медиaprостранство, функционально выходящее за пределы одного журналистского направления, эксперты просят не принимать как нечто инновационное. В основном, трансмедийный канал предлагает аудитории не столько глубоко философские, осмысленные труды, сколько развлекательную информацию и рекламу. Именно это является для социальной рекламы отличным подспорьем[7]. Социальные сети обладают хорошим инструментарием и возможностями для размещения социального сообщения и дальнейшего мониторинга его «активности». Благодаря «лайкам», «репостам» и комментариям можно отследить реакцию пользователей на размещенный файл и увидеть плюсы/минусы контента.

Онлайн пространство обеспечивает мгновенное получение человеком актуального контента, задействуя при этом аудио - и визуальные каналы. Вопрос остается только с качеством получаемой информации. Я. Н. Засурский отметил, что «развитие индустриальной стороны производства и доступа к контенту, приводит к существенным изменениям в психологии человека, включенного в массовую коммуникацию, в поведении целевой аудитории и принципах журнализм» [3. С. 85]. Изменение поведенческой модели пользователей лежит в основе функционирования социальной рекламы, поэтому контент, оказывающий необходимое влияние, должен не только «существовать в Интернете», следуя тенденциям развития высоких тех-

нологий, но и отвечать требованиями и правилам конструирования полезного социального сообщения, поскольку речь идет о формировании определенного образа насущной общественной проблемы в сознании аудитории.

Интернет – сфера информационная, которой присуще интерактивное направление. Различные СМИ могут подключаться к этому каналу и делиться своей информацией, перенося ее из своего доминирующего источника. Такое взаимодействие как раз и проявляется в мультимедийности современного развития коммуникационных каналов.

С.Л. Уразова обозначает ряд черт, благодаря которым происходит изменение рынка медиа. Эти черты являются индикаторами причинной связи зарождения процесса конвергенции:

1. Замена мономедийной среды на мультимедийную.
2. Трансформация из СМИ в СМК.
3. Возникновение новой формы коммуникации - интерактивности.
4. Процессы глобализации наряду с использованием современных цифровых технологий меняет вектор распространения информационного продукта [6. С. 129].

Г.П. Бакулев отметил, что «происходит передача функций одних масс медиа другим, «перемена ролей» у различных коммуникационных каналов, возникает возможность получать идентичную информацию, но по разным каналам. Таким образом, кардинально изменяются более ранние представления об информационно-коммуникационных направлениях.



Сближение разных медиа, появление общего для многочисленных каналов содержательного контента ведет к появлению новых интегрированных жанров [1].

Феномен новых СМИ увеличивает возможность установления коммуникации, предлагая большой спектр интерактивного взаимодействия тандема «пользователь-производитель». В свете этого наметилась тенденция персональной модернизации, характеризующихся резким ростом инфопотоков, появлением новых независимых СМИ, различных организаций и непосредственных участников информационного взаимодействия. Говоря о самой целевой аудитории, стоит отметить, что пассивный характер ее взаимодействия с сектором производителя претерпел революционными изменения. Теперь пользователи, будто очнувшись от глубоко сна, начали принимать активное участие на просторах Интернета. Они получили в распоряжение широкий набор инструментов для выражения собственного мнения, для выбора конкретного формата информативного контента и площадки его распространения. Ориентированность современных медиа ресурсов обусловлена экраном. Это дает возможность лучше воспринимать информацию в цвете и звуке, а главное – скорости получения. Не последним фактором улучшенного действия новых медиа в Интернете, а также для социальной рекламы, является возможность знакомства с общественным мнением по освещенному вопросу. Получая некоторый базис, человек с большей охотой отреагирует на ролик или сообщение и оставит свое

мнение для других людей, показав тем самым, что тема его «зацепила». Можно сказать, что медиапространство, в какой-то мере, задает вектор движения сознания. Но для достижения такого эффекта – эффекта воздействия на потребительский разум, необходимо грамотно подходить ко всему процессу: от создания до сбора данных об опубликованном материале.

Для конструирования качественного контента требуется, как от журналистов, так и от любителей, владение разноплановым перечнем функций. Например, уметь производить видеозапись материала, заниматься монтажом роликов, иметь базовые навыки работы в блогосфере, обладать мультимедийным типом мышления и креативностью, ориентироваться в новинках социальных сообщений и специфике работы в социальных сетях, уметь осуществлять качественную фотосъемку, владеть умением работы в различных мультимедийных программах, организовывать площадки для трансляции готового материала и многое другое.

В конечном итоге, при наличии перечисленных выше навыков и умений, а также творческого подхода и желания, область социальной рекламы займет в Интернете свое место и обретет соответствующую нишу. Из бесполезного и скучного информационного канала социальная реклама превратится в активный пользовательский ресурс для обмена опытом и социально-полезной информацией с другими пользователями. Не менее важно, что социальная реклама сможет, наконец, стать «образовательным» источником, формирующим пове-



денческую модель в зависимости от актуальности транслируемой общественной проблемы, тем самым выполнив одну из своих главных функций – побуждение к социальному действию.

Нынешнее состояние реализации социально значимых рекламных кампаний в России не отвечает запросам общества и целям социальной политики, что позволяет сделать вывод об отсутствии у разработчиков рекламы четкого понимания механизмов ее работы, прогнозирования результатов и их влияния на потребителя. Поэтому социальной рекламе необходимо полноценно закрепиться в онлайн-пространстве.

Социальная реклама пока не может считаться активным каналом - участником эффективной коммуникации, поскольку до сих пор не является значимым объектом управления в глазах государственной власти и общества.

Литература

1. Бакулев Г.П. Конвергенция медиа и журналистика. - М.: ИПК, 2002. -108 с.

2. Вартанова Е.Л. Основы медиабизнеса: учебное пособие для студентов вузов / под ред. Е.Л. Вартановой. - М.: Аспект Пресс, 2009. – 360 с.

3. Засурский Я. Н. Все начинается с контента // Человек как субъект и объект медиапсихологии / отв. ред. проф. Е. Л. Вартанова, Ю. П. Зинченко, В. В. Миронов. М.: Ин-т человека; Изд-во Моск. ун-та, 2011. С.76- 88.

4. Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации. Англо- русский толковый словарь концепций и терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.-416 с.

5. Николайшвили Г.Г. Социальная реклама. Москва. Аспект-Пресс. 2008.-191 с.

6. Уразова С. Л. Конвергентная журналистика в цифровой медиасреде: методическое пособие. - М.: ИПК, 2010. – 129 С.

7. Якубенко Е.Н. Конвергенция как фактор формирования современного медиа-рынка // Вестник БГУ. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konvergentsiya-kak-faktor-formirovaniya-sovremennogo-media-rynka> (дата обращения: 09.09.2019).

Social advertising on the internet as a display of convergent journalism **Timchak K.N.**

Lomonosov Moscow State University

Modern social Internet advertising is gaining popularity as a channel for broadcasting public problems, ahead of outdoor and television advertising, gradually gaining the trust of users due to accessibility, rapid dissemination and a wide range of opportunities to create a vivid social message. However, social advertising posted on the Internet needs to radically change the approach to the creation and dissemination of information, because it does not fully meet the needs of the public. Positive changes in the work of this communication channel can be achieved by borrowing the principles of convergent journalism and introducing them into the process that is directly related to message design. It is also necessary to expand the range of coverage of social advertising and ways of presenting social content, since the peculiarity of this type of advertising is a wide range of issues and topics that reflect the real state of reality.

Keywords: social advertising, convergent journalism, the Internet, online audience, social content, news, social communication.

References

1. Bakulev G.P. Media convergence and journalism. - М.: ИПК, 2002. -108 p.

2. Vartanova E.L. Fundamentals of the media business: a textbook for university students / ed. E.L. Vartanova. - М.: Aspect Press, 2009. - 360 p.



3. Zasursky, Y. N. Everything starts with content // Man as a subject and object of mediapsychology / ed. ed. prof. E. L. Vartanova, IO. P. Zinchenko, V.V. Mironov. M.: Institute of man; Publishing House Mosk. University, 2011. P.76- 88.
4. Zemlyanova L. M. Communication and media. English-Russian explanatory dictionary of concepts and terms. M.: Moscow Publishing House. University, 2004.-- 416 p.
5. Nikolayshvili G.G. Social advertisement. Moscow. Aspect Press. 2008.-191 p.
6. Urazova S. L. Convergent journalism in the digital media: methodological manual. - M.: IPK, 2010.-- 129 S.
7. Yakubenko E.N. Convergence as a factor in the formation of the modern media market // Bulletin of BSU. 2015. No1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konvergentsiya-kak-faktor-formirovaniya-sovremennogo-media-rynka> (accessed 09.09.2019).



Гражданское общество в России: социально-философский анализ

Балакирева С.Ю.

В статье рассматривается проблема становления гражданского общества в России как сложного и противоречивого социального процесса. В работе показано, что российское гражданское общество, особенности его развития необходимо исследовать не с позиции общепринятых в развитых странах стандартов, а на основании системного и исторического анализа контекста его развития. Автор предлагает собственный анализ современного состояния гражданского общества в России, определяющего характером и динамикой его взаимоотношений с государством.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, взаимодействие, общественные организации, социальный проект.

Формирование гражданского общества представляет собой ключевым элементом процесса демократизации, отсюда актуальность изучения вопросов, связанных с особенностями формирования гражданского общества в России. Особую значимость эта тема приобретает по причине сложности и противоречивости протекания данного социального процесса в настоящий исторический период.

Термин "гражданское общество", сформулированный в современном понимании гораздо позднее, находит свои истоки еще в работах античных философов. В наиболее ранних исследованиях категория «гражданское общество» определялось как общество, систематизировано в рамках государства, которое противопоставлялось стихийному, где не было системы институтов посредством системы органы государственной власти [2]. Позднее Джон Локк разделил гражданское общество и государство, видя в основе первого собственность, а во втором – орудие защиты этой собственности [6]. Различие между категориями государства и гражданское общество, по мнению Г. Гегеля, крайне тонка и условна. В то же время гражданское общество, с данной точки зрения, всегда обладает государство в качестве базиса развития и в ситуации отделения от функций государства может быть определено



его структурной частью. Гражданское общество у Гегеля соотносится с государством как рассудок с разумом [3].

В российской науке категория «гражданское общество» продолжительный период использовалась в контексте критического анализа философских, политических учений Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Г. Гегеля, К. Маркса и т. д. Только около 40 лет назад гражданское общество выделилось как предмет самостоятельного изучения. Существенные социальные трансформации, поиск новых инструментов социального устройства являются причиной увеличивающегося интереса к вопросу гражданского общества и значительного количества работ, посвященных данной тематике.

Современные работы в данной области можно классифицировать работы, связанные с онтологическим осмыслением категории «гражданское общество», поиском его эпистемологических критериев. Исследование данных вопросов было реализовано в работах таких ученых как А. Н. Аринина, А. И. Бобылева, К. Гаджиева, М. В. Ильина, В. Л. Иноземцева, И. Кравченко, С. П. Перегудова, Д. Резника, М. Ю. Резника и др.

Ко второй группе работ необходимо отнести исследования, ориентированные на решение проблем российского гражданского общества в работах Г. И. Авциновой, Э.И. Забневой, А. Х. Курганова, А. Г. Володина, З. Т. Голенковой, Л. Карпова, В. В. Петухова, В. Т. Пуляева, В. Хороса. Работы данных авторов рассматривают исторические, политические, экономические, социальные и философские аспек-

ты формирования и развития гражданского общества в России.

Анализируя современное состояние развития гражданского общества в России, исследователи оценивают его по-разному: многие – в большей степени критически [5;7;8], другие считают, что российское гражданское общество имеет уникальный характер [9], ряд ученых подчеркивают, что гражданское общество в России существует настолько, насколько ему позволяют сложившиеся традиции [1]. Многомерность позиций в отношении современного состояния гражданского общества в нашей стране свидетельствует о сложности вопроса, а также о деструктивности подхода к его оценке. Чаще всего в научном дискурсе осуществляется попытка сравнительного анализа сложившегося в России и западного состояния гражданского общества.

На наш взгляд, российское гражданское общество невозможно оценивать по западным стандартам, поскольку формирование гражданского общества есть не только процесс, но и результат многовекового развития социума в его тесном диалектическом взаимодействии с государством [4].

Прежде всего, Россия имеет отличный от западных государств базис, затруднявший формирование предпосылок становления гражданского общества. Во-первых, многовековую идею сакрализации самодержавной власти, содержание которой заключалось в настоятельной необходимости централизованного государства, способного не только максимально результативно реализовать потребности своих граждан, но и про-



тивостоять внешним врагам. Укоренение патерналистской политики в управлении привело к неразвитости политической культуры, приводящей к отсутствию гражданских инициатив. Во-вторых, долгое время отсутствующий, а впоследствии достаточно малочисленный, средний класс, является основой для политических процессов в развивающихся странах. Существовавший правящий класс, имеющий неограниченный доступ ко всем ресурсам национальной экономики, осуществлял управление находящимся за чертой бедности населением. В-третьих, почти вековой период искоренения социальной и политической свободы монополией Коммунистической партии, жесткая идеологическая цензура реализовывала ограничения все возможных формирования институциональных условий развития полноценного гражданского общества.

Также следует отметить, что в российском обществе категория гражданского общества была расширена за счет принципиально нового наполнения, определяющееся характером и динамикой политической власти. Традиционный патернализм государства с его нормативной подчиненностью интересов индивида интересам политического целого определяет понимание гражданского общества, как социальной и политической сферы, нераздельно связанной с государством. Одновременно, применение данного подхода указывает на то, что совокупность политических процессов определяется совокупностью не относящихся к политическим объединениям и процессами. Следовательно, ключевым элементом анализа является ана-

лиз структуры всей совокупности взаимосвязей между индивидами принадлежащими к различным политическим группам, обеспечивающих закрепление их интересов или обеспечивающих защиту социально-политических интересов в современном российском обществе [1].

Выявление эпистемологических критериев взаимозависимости гражданского общества и государства, позволяет определять их как «нерасчлененная», целостная личность, позволяет в большей степени конструктивно анализировать современное состояние российского гражданского общества.

На наш взгляд, состояние российского гражданского общества определяется двумя разнонаправленными процессами. Так, последние две десятилетия осуществлялся процесс политической координации и формирования социальной инфраструктуры общества посредством нормативного закрепления, инструментов коммуникаций, ориентированных на западные демократические ценности. В то же время, осуществляется процесс самостоятельного развития независимых, национально ориентированных социально-политических процессов. В настоящее время формируются независимые общественные движения, не опирающиеся на заимствования, такие как «Бессмертный полк», «Лиза Алерт» и др.

В то же время, системных ограничений развития гражданского общества существенно больше.

Так, сложившиеся институты целенаправленного государственного управления политическими организациями посредством сово-



купности региональных и национальных общественных организаций, ведет к недостаточно активному развитию недоверия у населения к политическому диалогу. При этом, по мнению автора, нормативно закрепленные ограничения вмешательства государства в политические процессы не позволяют полноценному развитию гражданского общества.

Во-вторых, в современной России интересы и мнения населения, пропагандирующие в обществе, практически не учитываются при выработке и реализации тех или иных государственных решений, что приводит к блокировке легальных механизмов участия во власти гражданского общества.

В-третьих, большинство общественных структур и организаций, при помощи которых государство имеет возможность взаимодействовать с наиболее развитыми сегментами гражданского общества, формируется сверху, появление данных институтов в большей степени связано с проведением политики укрепления вертикали власти, нежели с реальными демократическими свободами.

И наконец, слабая институционализация организаций гражданского общества оказывает слабое влияние на текущие социально-политические процессы, что усиливает пассивность населения, неверие в собственные силы, роль и возможности.

Таким образом, можно утверждать, что государство по-прежнему является монополистом в реализации социальной политики, позволяющей только косвенно задействовать гражданское общество. Особенности осуществления

взаимодействия между гражданским обществом и государством реализуется таким образом, что институциональная инфраструктура его не определяется структурой и динамикой политических процессов, а определяется органами государственной власти, и, соответственно, носит управляемый характер.

Литература

1. Ананьева М. Современное состояние гражданского общества в России // *Власть*, 2008, №5, С. 15-18.
2. Аристотель. Афинская политика: монография. М.-Л.: Соцэкгиз, 1936. 198 с.
3. Гегель. Философия права: монография. М.: Мир книги, 2007. 464 с.
4. Забнева Э.И. Современная Россия и гражданское общество: философский аспект // *Евразийский юридический журнал*. – 2019. -№1. – с. 486-488.
5. Левашов В.К. Мера гражданственности в социометрии // *Социологические исследования*. 2007. -№ 5.- С. 62-66.
6. Локк Дж. Сочинения: монография: М.: Мысль, 1988. Т. 3. 668 с.
7. Митрошенков О.А. Смена идентичности как социокультурный проект: управленческие контексты (социально-философский анализ) // *Вопросы социальной теории*. – 2011. Том V. – С. 242-261.
8. Тощенко Ж. Т. Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии). – Полис. Политические исследования. 2017.- № 1.- С. 70-84.
9. Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России. // *Pro et contra*. 2006.- № 1. - С. 9-14.



Civil society in Russia: social and philosophical analysis

Balakireva S.Yu.

LLC "lingua Pro»

The article deals with the problem of formation of civil society in Russia as a complex and contradictory social process. It is proved that the Russian civil society cannot be evaluated by Western standards, since its formation is the result of centuries-old specific socio-cultural and historical context. The author offers his own analysis of the current state of civil society in Russia, determined by the nature and dynamics of its relations with the state.

Keywords: civil society, state, interaction, public organizations, social project.

References

1. Ananyeva M. The current state of civil society in Russia // Power, 2008, No. 5, P. 15-18.
2. Aristotle. Athenian polity: a monograph. M.-L. : Sotsekgiz, 1936.198 p.
3. Hegel. Philosophy of Law: Monograph. M. : World of books, 2007.446 s.
4. Zabneva E.I. Modern Russia and civil society: philosophical aspect // Eurasian Law Journal. - 2019.-№1. - from. 486-488.
5. Levashov V.K. A measure of citizenship in social measurement // Sociological studies. 2007.- No. 5.- S. 62-66.
6. Locke J. Compositions: monograph: M. : Thought, 1988. V. 3. 668 p.
7. Mitroshenkov O.A. Change of identity as a sociocultural project: managerial contexts (socio-philosophical analysis) // Issues of social theory. - 2011. Volume V. - C. 242-261.
8. Toshchenko Zh. T. Society trauma: between evolution and revolution (invitation to discussion).- The policy. Political research. 2017.- No. 1.- S. 70-84.
9. Schmidt D. What civil society exists in Russia. // Pro et contra. 2006.- No. 1. - S. 9-14.



Историко-философский анализ сциентизации социальных практик в современном мегаполисе

Лагутин Ю.В.

Развитие современной цивилизации, стремящейся к глобализму не только в экономике, но и других сферах, требует от субъекта, который ее представляет, критического отношения ко многим ее проявлениям, включая фундаментальные основания. Одним из таких оснований может считаться мегаполис – пространство, в которое помещено огромное количество людей.

Обобщенная характеристика современной жизни в мегаполисе – среде, где возникает и обрывается огромное количество экономических, политических, социальных и духовных связей, – позволяет предположить, что действительность мегаполиса определяется не хаотичностью, а системностью. Системность же, как атрибут, является одним из критериев научного знания. В этой связи изучение мегаполиса как онтологического, эпистемологического и аксиологического пространства, в котором современный человек живет и развивается как личность, невозможна без научного подхода. Сам научный подход, то есть «сциентизация» действительности, как таковой позволяет не только обосновать важнейшие законы развития общества мегаполиса, но и объяснить эти законы с точки зрения различных социальных практик, которые нашли отражение в истории философии за авторством различных классических и современных мыслителей. Вопросу уточнения роли сциентизации подобных социальных практик с точки зрения развития философского знания и будет посвящена эта работа.

Ключевые слова: сциентизация, мегаполис, глобализм, урбанизация, социальные практики, информация, общество

Мегаполис – комплексное понятие. В нем сочетается существенное количество категориальных понятий, выражающих современную жизнь субъекта. Среди них особое место занимают такие понятия, как технология, культура, духовные ценности, экономика и различные интеграции, которые как правило трактуются в рамках глобалистских тенденций, стремящихся создать единое, унифицированное пространство для того, чтобы облегчить жизнь и уровень комфорта людей.

Подобный тренд на унификацию во всевозможных смыслах абсолютно очевиден, ведь фактическая жизнь субъекта в мегаполисе отличается сложностью. Ни одно действие субъекта сегодня не воспринимается как некий единичный акт. Это всегда последовательность действий, которая прямым или косвенным образом влияет на жизнь окружающих людей. Это может выражаться в действиях субъекта в реальности или же, что происходит чаще, в цифровом пространстве.

Соответственно, возникает вопрос – каким образом следует характеризовать действия современного нам субъекта в мегаполисе, каким образом не только дать оценку его мотивациям, но и помочь ему осознать свое место в



мегаполисе для осознания себя в качестве сложившейся личности. Одним из возможных способов решения этой задачи является использование разнообразных социальных практик. Применимость же социальных практик для заявленной цели невозможно без рассмотрения их составляющих. Если же пытаться отличать социальные практики друг от друга, то формируется вынужденная необходимость создавать критерии эффективности применимости этих практик, что невозможно без систематизации и иных атрибутов научного знания. Собственно, приведение социальных практик к некоторому категориальному аппарату и способствует появлению мысли о том, что полноценная социальная практика – это научная социальная практика, то есть сциентизируемая. Однако недостаточно всего лишь сказать, что социальные практики должны быть сциентизированы. Во-первых, все они должны так или иначе касаться вопроса существования субъекта в мегаполисе, а, во-вторых, выстроены в некоторую ретроспективную последовательность. Иными словами, изучение темы сциентизации социальных практик в историко-философском аспекте является весьма актуальным для понимания того, какие именно из социальных практик могут быть качественным образом использованы для уточнения положения современного человека в мегаполисе и его личностных возможностей, связанных с этим положением.

Вопрос изучения феномена социальных практик возможен через призму социологии и иных гуманитарных дисциплин, которые пыта-

ются дать характеристику обществу как явлению.

В отношении социальных практик в европейской истории философии существует давняя традиция. Ее условной точкой отсчета можно назвать труд Платона «Государство», где социальные практики представлены через деление общества на три страты, каждая из которых выполняет утвержденные для нее функции. Следует обратить внимание, что в этом механизме уже есть строгая система, логика и закономерность, что в текущем понимании вполне соответствует научному знанию, а значит даже эта древняя концепция условно сциентизирована [22].

Серьезной попыткой продвинуться в изучении ключевых основ общества и сопутствующих ему социальных практик является концепция средневекового христианского философа Блаженного Августина. Социальные практики он напрямую связывает с термином «мегаполис». В средневековой интерпретации мегаполисы представлены как два града – земной и божественный. Божественный является идеалом для земного и задает образец социальных практик, следуя которым человек становится лучше, обретая не только личность, но и спасение [20].

В новое время социальные практики часто связывали с таким философским понятием как здравый смысл. Философы Нового времени и эпохи просвещения исходили из того, что полноценная социальная практика – это разумная практика, ставящая в основу такие ценности как гуманизм, долг и стремление человека быть полезным другому. Именно так развива-



ется протестантизм и складываются полноценные европейские государства, где основная жизнь также определяется развитием городов.

Начиная с XIX века, когда социология оформилась в полноценную науку, социальным практикам и их месту в реальности стали уделять еще больше внимания. В этом смысле уместно привести немецкого социолога М. Вебера, который одним из первых выявил закономерность социальных действий. По его мнению, действие становится «социальным» только в том случае, если по своей природе оно не эгоистично, а направлено на других людей [8]. Это не отрицает практической значимости подобного действия, однако именно нацеленность на других людей с возможностью получения обратной связи делает его социальным.

С точки зрения истории философии, существенный импульс развитию социальных практик как понятия дал К. Маркс. Социальные практики как феномен использовались им едва ли не для объяснения большинства событий вокруг, которые объединял тот факт, что все они имели экономическую детерминанту.

Подход К. Маркса вдохновил многих исследователей на дальнейшее изучение этих понятий. Так, Л. Витгенштейн рассматривал социальные практики в сопряжении с языком, речью, со всем тем, что сопутствует повседневности индивида. Ряд ученых (Ч. Пирс, Д. Джеймс) и вовсе видели в социальных практиках не более, чем прагматичный способ для человека адаптироваться к действительности [11].

Из современных философов и социологов теорию социальных

практик как форм воспроизводства социальной реальности активно разрабатывал П. Бурдьё [21]. Синтез различных философских подходов XX века – таких как структуриализм и конструктивизм – позволили ему показать специфику социальных изменений сегодняшнего дня. Таким образом концепт социальных практик получает постмодернистскую окраску и вписывается в философский дискурс сегодняшнего дня.

Выше была приведена лишь малая часть философских теорий и связанных с этими теориями имен философов, которые касались вопроса социальных практик. Невольно напрашивается вывод о том, что важно даже не столько количественное упоминание социальных практик в прямом или косвенном виде представителями философской мысли, сколько невозможность описать ни один общественный процесс, не касаясь попытки понять мотивацию действий человека. Именно поэтому даже у самых погруженных в метафизику философов в их наследии практически всегда присутствует то или иное описание социальных практик. Это хорошо видно на примере обращения к вопросу социальных практик огромной плеяды философов в каждой эпохе – с древности и по настоящее время. Платон, Аристотель, Блаженный Августин, Декарт, Гоббс, Лейбниц, а также М. Вебер, К. Поппер, М. Фуко из современных философов – все эти мыслители так или иначе пытались объяснить социальные практики, в том числе применительно и к городской среде [19].

Подобное внимание к данной концепции означает:



А) Вопрос социальных практик неотъемлемо связан с человеческой природой;

Б) Социальные практики сциентизируются с глубокой древности, сначала через такую дисциплину, как философия, а позже социология;

В) Сущность социальных практик наиболее эффективно может быть воспринята через историю философии и социологии, так как именно эти дисциплины дают возможность проследить преемственность знаний;

Г) Ряд мыслителей, таких как Платон, Августин, И. Фихте, К. Поппер – здесь приведены мыслители с древности по современность – так или иначе не просто касаются социальных практик, но связывают их с концепцией города, как места существования людей, где они наиболее эффективно взаимодействуют друг с другом.

На основании выявленных тезисов можно сделать вывод о том, что тема данной публикации имеет давнюю философскую и социологическую традицию.

Таким образом, социальные практики отражают некоторые фундаментальные особенности человеческого общества. Они являются своеобразным законодательным фундаментом, на котором строится это общество, а также способом человеческих действий. Именно это подчёркивает онтологический статус социальных практик в осознании человека своей социальной природы – в современных реалиях - в формате мегаполиса.

Яркий пример важности онтологического статуса социальных практик – учение Блаженного Авгу-

стина, который по сути именно через социальное действие побуждал людей – жителей земного града – становиться христианами. В контексте Средних Веков это означало социализацию. Его призыв к социализации подразумевал под собой разработку определенного категориального аппарата, то есть создание системы действий. Это - признаки научности, то есть сциентизации социальных практик [2].

Социология ученого XX века М. Вебера рассматривает социальную практику, совершаемую человеком, базисом его естества. Этот тезис уже носит онтологический характер. Далее он конкретизирует эту практику в своем труде «Протестантская этика», в котором говорит, что подлинная социальная практика – это труд, подкрепленный христианской моралью. Все это помогает экономике развиваться, строить капитализм, в том числе создавая для этого экономические центры в виде городов [4]. Даже краткое описание теории М. Вебера убеждает, что социальные практики – одна из основ человеческого поведения.

И Августина, и Вебера, и многих других философов объединяет тот факт, что они не просто описывают социальные практики, а дают им терминологическое обоснование, системность. Все это – атрибуты научного знания, а значит речь идет о фактической сциентизации предмета их исследований, что и требовалось доказать в этом параграфе.

Эпистемологическим основанием исследования является тот факт, что важно понять логику необходимости обращения корпуса гуманитарного знания к социаль-



ным практикам. Разбирая онтологические основания этого понятия, стало ясно, что оно является краеугольным для описания практически любого процесса, связанного с развитием общества. Прямое тому подтверждение, тот факт, что тема социальных практик появилась в философии в глубокой древности и сохраняет актуальность по сей день. Это означает, что социальные практики – мыслимые категории, которые с учетом меняющихся культурных и духовных ценностей сквозь века, постоянно требуют новых интерпретаций. К слову, заметим, что часть этих интерпретаций связана с социальными практиками, применительно к действиям людей при жизни в городе / мегаполисе. Таким образом, эпистемологическое основание, касающееся сути исследования, сохраняет повседневную актуальность. Что касается формы этой актуальности, то она, разумеется, научна, так как каждая новая интерпретация социальной практики дается посредством имеющегося научно-категориального аппарата. Отсюда можно сделать вывод о том, что эпистемологические основания социальных практик синтезированы, а формирование интерпретаций контента через историю философии лишь придает этой сциентизации еще большую научность [6].

Аксиологические основания исследования проявляются в том, что проблема социальных практик неотрывно связана с культурными, духовными и историческими особенностями, которые нельзя не принимать во внимание. Так как понятие социальных практик изучается в том или ином виде абсолютным большинством философов

и социологов, живущих в разные эпохи, отношение к этому понятию уникально в зависимости от того времени, когда жил тот или иной автор. Его интерпретация социальной практики всегда погружена в контекст той реальности, современником которой он является. Именно поэтому, к примеру, Платон ассоциировал подлинные социальные практики с полисом – как образцом города; Блаженный Августин – с небесным Иерусалимом, где все люди совершают добродетельные поступки, то есть праведные социальные практики; М. Вебер – с самоотверженным коллективным действием в духе протестантской парадигмы, которая позволяет создать эффективную общественную / городскую модель, где возможен капитализм как форма устройства. Приведенные мыслители, равно как и любые другие, чьи теории возможно обобщить через историко-философский анализ, всегда ценностно подходят к исследуемому предмету. Характер же этих ценностей диктует та эпоха, в которую они живут. Для обобщения систем ценностей и уточнения параллелей между ними опять-таки необходима компаративистика и иные научные инструменты. Все это говорит в пользу того, что даже в аксиологическом приближении тема социальных практик связана с наукой, то есть сциентизирована.

Теоретические основания исследования подразумевают обращение к теме социальных практик через призму историко-философского анализа. Рассматриваются концепции философов, для которых вопрос социальных практик представлял отдельную



значимость. Также предпринята попытка обращаться к наследию таких философов, которые связывали социальные практики с действиями людей, помещенными в городскую среду. На протяжении всей европейской традиции подобным требованиям отвечает достаточно большое число авторов. В качестве примера были приведены концепции Платона (античность), Блаженного Августина (Средние Века), М. Вебера (начало XX века). Подобная подборка позволяет продемонстрировать не только актуальность вопроса социальных практик, их взаимосвязи с существованием субъекта в городской среде, но и обратить внимание на то, что сам вопрос социальный практики существенным образом сциентизирован. Во-первых, потому, что ему посвящена целая научная философская традиция, которая берет свое начало с глубокой древности и тянется до наших дней. Во-вторых, потому, что совмещение социальной практики, человеческих отношений и среды этих действий в виде города / мегаполиса, требует таких качеств исследователя, как логичность, объективность, последовательность и практичность. Все это атрибуты научного знания – а значит поставленный вопрос сциентизирован сам по себе [9].

Методологическую основу исследования составляет деятельностный подход, подкрепленный и дополненный для решения частных задач методологическими положениями онтологического, эпистемологического, аксиологического и иных разделов философии как дисциплины. В значительной степени также используются методы

индукции, когда из частных предпосылок выводятся общие умозаключения, а также дедуктивный метод, когда некий обобщенный тезис дает возможность инициировать процедуру анализа. Бесспорно, также используется метод ретроспективного анализа, который посредством обращения к истории философии определяет социальные практики сквозь века в трудах определенных философов.

В настоящей работе был осуществлен историко-философский анализ сциентизации социальных практик в современном мегаполисе.

На примере обращения к истории европейской философии и социологии были выявлены следующие закономерности, раскрывающие тему исследования:

- понятие социальной практики неразрывно связано с природой человека. Это было замечено еще древними философами. Со времен античности, в трудах Платона, философия находит один из возможных способов описать человеческое бытие через действия, который он осуществляет. Так как человек социален, суть многих действий раскрывается именно в общественных отношениях. С этим и связано внимание практически любого философа с VI в до н.э. по наши дни с прямыми или косвенными интересами к социальным практикам.

- Социальные практики, независимо от того в каком виде они рассматриваются философами или социологами, подразумевают определенный категориальный аппарат при рассмотрении тем или иным автором. Если предпринимать попытку охарактеризовать этот категориаль-



ный аппарат, то как в трудах античных философов, так и в монографиях современных мыслителей при определении социальных практик пытаются найти объективные, проверяемые и практические основания этого понятия. Все это говорит о том, что по факту социальные практики, как феномен, немислимы без определения через категории научного знания. Это означает, что само понятие социальных практик в высшей степени сциентизировано. Каждый философ или социолог пытается разложить социальную практику на некоторое количество параметров и характеристик. Подобные действия красноречиво свидетельствуют о рационально-критическом подходе, что, опять-таки, свойственны научному знанию.

- Понятие социальной практики связано с местами объединения людей. Одним из таких пространств является современный мегаполис. Чтобы подчеркнуть важность этой мысли, в работе специально сделан акцент на концепциях социальных практик Платона в античности, Блаженного Августина в Средних Веках, М. Вебера в начале XX века. Всех этих мыслителей объединяет тот факт, что они рассматривают город – как сосредоточие большинства социальных практик, а значит именно эта среда наиболее благоприятна для научного анализа этого термина. Некоторые их подходы, к примеру, дискурсивный и аналитический метод, будут уместны для оценки современного значения социальных практик в нынешних мегаполисах, которые развиваются в условиях унификации большинства жизненных, смысловых и символических стандартов.

- Логика настоящего исследования раскрывает таким образом, что понимание закономерностей социальных практик в современном мегаполисе сегодня невозможна без обращения к философским концептам прошлого, которые составляют давнюю традицию изучения этой темы. Более того, это не просто традиция, а традиция, построенная по определенным канонам, включающим в себя большинство ценностей научного знания. Это означает, что проблема социальных практик была синтезирована с самого начала, а историко-философский анализ – идеальный способ доказать этот тезис.

Литература

1. Бабосова Е.С., Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Город как коммуникативное пространство: социокультурный анализ; Российско-Белорусский научный журнал Союзного государства "Белая Вежа" // № 4(19), 2015, с. 108-115
2. Бычков, В. В. Эстетика Аврелия Августина. М., 1984. С.23-29.
3. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
4. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
5. Вебер М. Понятие социологии и «смысла» социального действия //Общая социология. Хрестоматия / Сост. А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин; Пер. В.Г. Кузьминов; Под общ. ред. Н.И. Лапина -- М.: Высш. гик., 2006. -- 783 с.
6. Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность (Социологические этюды). М.: Наука, 1988.



логия Макса Вебера и веберовский ренессанс). М.: Политиздат, 1991.

7. Гайнутдинов, Р. Макс Вебер о роли политической партии в теории бюрократии / Р. Гайнутдинов, О. Маврин // Тонус N 9. Социализация личности и проблемы развития общественных отношений. - Казань, 2004. - С. 197-202.

8. Глушко И. В. Социальные практики как социально-философская проблема // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2018. – № 2 (февраль). – 0,3 п. л. – URL: <http://e-koncept.ru/2018/183006.htm>.

9. Давыдов Ю.Н. История теоретической социологии. В 4-х т. - М.: Канон, 1997.- т. 3.-448 с.

10. Зборовский Г.Е. История социологии: Учебник.- М.: Гардарики, 2004.- 608 с.

11. Кирющенко В. В. Язык и знак в прагматизме. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. — 199 с. — ISBN 978-5-94380-069-6.

12. Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Городское коммуникативное пространство (феноменология и тренды) // Международный Академический Вестник. 2014. №3. С. 30-38.

13. Лебедев С. А., Ильин В. В., Лазарев Ф. В., Лесков Л. В. Введение в историю и философию науки. — 2-е издание. М.: Академический проект, 2007.

14. Литвинова Л. В. Макс Вебер и современная бюрократия // Моск. гос. акад. приборостроения и информатики. 2001.

15. Макаренко В. П. Вера, власть и бюрократия : критика социологии М. Вебера. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1988.

16. Масловский М. В. Теория бюрократии Макса Вебера и со-

временная политическая социология : монография. Н.-Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 1997.

17. Осипов Г. В. История социологии в Западной Европе и США. М.: Издательство НОРМА, 2001.

18. Патрушев А. И. Расколдованный мир М. Вебера. М.: Изд-во Московского ун-та, 1992.

19. Рассел Б. История западной философии и её связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. В 3 кн. / Науч. ред. В. В. Целищев. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2001.

20. Столяров А. А. О граде Божьем // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Мысль, 2010. — 2816 с.

21. Цыганков Д. Б. Введение в социологию Пьера Бурдьё // Журн. социол. и социал. антропологии = J. of sociology a. social anthropology. — СПб., 1998. — Т. 1, № 3. — С. 148—155.

22. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981. С. 276.

23. Шкредов А. Теория М. Вебера и тенденции оформления современной бюрократии // Гос. служба. 2009. №4. - С. 96-98.

Historical and philosophical analysis of the scientization of social practices in the modern metropolis

Lagutin Yu.V.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The development of modern civilization, striving for globalism not only in the economy, but also in other areas, requires the subject who represents it to be critical of many of its manifestations, including the fundamental foundations. One of these grounds can be considered a metropolis - a space in which a huge number of people are placed.



It is necessary to understand the driving forces of this space and understand why precisely the big cities today are the present and future of the post-industrial society, at the stage of which our reality is.

The generalized characteristic of today's life in a megalopolis - the environment where a huge number of economic, political, social and spiritual ties arise and breaks out - suggests that the reality of a megalopolis is determined not by randomness, but by systematic nature. Systemicity, as an attribute, is one of the criteria of scientific knowledge. In this regard, the study of the metropolis as an ontological, epistemological and axiological space in which modern man lives and develops as a person is impossible without a scientific approach. The scientific approach itself, that is, the "scientization" of reality, as such allows not only to substantiate the most important laws of the development of a megalopolis society, but also to explain these laws from the point of view of various social practices, which are reflected in the history of philosophy by the authorship of various classical and modern thinkers. This work will be devoted to clarifying the role of scientization of such social practices in terms of the development of philosophical knowledge.

A metropolis as a concept is closely related to the process of urbanization. It is this concept that forms today's society. The city as a space attracts not just economic and social processes, but builds entire systems out of them, which become possible in scale because they require a huge amount of resources that can only be created by large associations of people. These people, in fact, form a megalopolis as a philosophical concept.

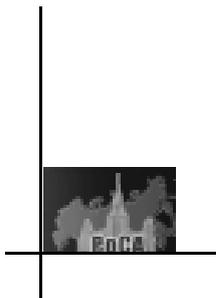
Keywords: scientization, megalopolis, globalism, urbanization, social practices, information, society

References

1. Babosova E.S., Korkiya E.D., Mamedov A.K. City as a communicative space: sociocultural analysis; Russian-Belarusian scientific journal of the Union State "White Vezha" // No. 4 (19), 2015, p. 108-115
2. Bychkov, VV Aesthetics of Aurelius Augustine. M., 1984. S. 23-29.
3. Weber M. Basic sociological concepts // Weber M. Selected works. M.: Progress, 1990.
4. Weber M. About some categories of understanding sociology // Weber M. Selected works. M.: Progress, 1990.
5. Weber M. The concept of sociology and the "meaning" of social action // General Sociology. Reader / Comp. A.G. Zdravomyslov, N.I. Lapin; Per. V.G. Kuzminov; Under the total. ed. N.I. Lapina - M.: Higher. Geek., 2006. -- 783 p.
6. Gaidenko P.P., Davydov Yu.N. History and Rationality (Sociology of Max Weber and the Weber Renaissance). M.: Politizdat, 1991.
7. Gainutdinov, R. Max Weber on the role of a political party in the theory of bureaucracy / R, Gainutdinov, O. Mavrin // Tonus N 9. Socialization of personality and problems of development of public relations. - Kazan, 2004. -- S. 197-202.
8. Glushko I. V. Social practices as a socio-philosophical problem // Scientific and methodical electronic journal "Concept". - 2018. - No. 2 (February). - 0.3 p.p. - URL: <http://e-koncept.ru/2018/183006.htm>.
9. Davydov Yu.N. History of theoretical sociology. In 4 volumes - M.: Canon, 1997.- vol. 3.-448 p.
10. Zborovsky G.E. History of Sociology: Textbook.- M.: Gardariki, 2004.- 608 p.
11. Kiryushchenko VV. Language and sign in pragmatism. SPb.: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2008. - 199 p. - ISBN 978-5-94380-069-6.
12. Corkia E.D., Mamedov A.K. Urban communicative space (phenomenology and trends) // International Academic Bulletin. 2014. No3. S. 30-38.
13. Lebedev S. A., Ilyin V. V., Lazarev F. V., Leskov L. V. Introduction to the history and philosophy of science. - 2nd edition. M.: Academic project, 2007.
14. Litvinova L. V. Max Weber and modern bureaucracy // Mosk. state Acad. instrument making and computer science. 2001.
15. Makarenko V. P. Faith, power and bureaucracy: criticism of the sociology of M. Weber. Rostov-n / D: Publishing house of the Rostov University, 1988.
16. Maslovsky MV The theory of bureaucracy of Max Weber and modern political sociology: a monograph. N.-Novgorod: Publishing House Nizhegor. state University, 1997.
17. Osipov GV History of sociology in Western Europe and the USA. M.: NORMA Publishing House, 2001.
18. Patrushev A. I. The bewitched world of M. Weber. M.: Publishing house of Moscow University, 1992.
19. Russell B. The history of Western philosophy and its connection with political



- and social conditions from antiquity to the present day. In 3 book / Scientific. ed. V.V. Tselishchev. - Novosibirsk: Publishing House Novosib. University, 2001.
20. Stolyarov A. A. About the City of God // New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes / before. scientific ed. Council V.S. Styopin. - 2nd ed., Rev. and add. - M.: Thought, 2010. -- 2816 p.
21. Tsygankov D. B. Introduction to the sociology of Pierre Bourdieu // Journal. cyclo. and social. anthropology = J. of sociology a. social anthropology. - SPb., 1998. - T. 1, No. 3. - C. 148-155.
22. Chanyshv AN N. The course of lectures on ancient philosophy. M., 1981. S. 276.
23. Shkredov A. Theory of M. Weber and trends in the design of modern bureaucracy // State. service. 2009. No4. - S. 96-98.



Понятие эстетической ценности в литературоведении и философии

Мавлянова Т.Б.

Статья посвящена теоретическому изучению философского и литературоведческого восприятия эстетического идеала, эстетической ценности. В результате анализа автор обращается к философским и литературоведческим словарям, выявляет как разносторонность толкования ценностей, так и общность при обрисовке состояния человеческой души, образца красоты, добра, истины, воплощенные в философском и литературном образе.

Ключевые слова: эстетический идеал, эстетическая ценность, восприятие художественного произведения.

Эмоции и бесстрастность, переживания и безмятежность, разочарования и воодушевленность внутреннего мира человека изначально проявляется в эстетическом идеале литературы. Эта категория отражается через поэтический вымысел создателя литературы и продолжает иметь ценность восприятия среди других произведений искусства, и это, безусловно, дает нетленность поэтическому слову. Не что иное, как бессмертность идеала в философии и литературоведении вызывала интерес передовых ученых Востока и Запада, считавших важнейшей задачей проникновение в душу человека, поиск эффективных средств в науке.

С.П.Белокуров в Словаре литературоведческих терминов отмечает, что эстетический идеал – это «художественное представление о совершенстве, отраженное в произведении искусства: изображение прекрасного как должного» (1, с.15). Из этого явствует, что именно через эстетический идеал обрисовываются особые состояния человеческой души, как первообраз совершенства, благодеяния, правды, переплетающиеся в само очертание образа. В любой сфере гуманитарных наук укрепилось понятие эстетического идеала посредством изучения эстетических ценностей.



Для начала обратимся к истории возникновения категории «эстетическая ценность», которая обширно развивается в современной литературе, однако свою открытость получила недавно. Как наука о прекрасном, эстетика фиксируется с XVIII в. благодаря Александру Баумгартену. В своей научной работе «Философские размышления о некоторых вопросах, касающихся поэтического произведения» автор использует понятие «эстетика». А.Баумгартен утверждает, что эстетика — это наука о чувственном постижении. Полное, развернутое определение новой науки было дано в сочинении 1750 года «Эстетика»: «Эстетика — теория свободных искусств, низшая гносеология, искусство прекрасно мыслить, искусство аналога разума, есть наука о чувственном познании. (scientia cognitionis sensitivae). Цель эстетики — совершенство чувственного познания как такового, и это есть красота. При том следует остерегаться его несовершенства как такового, которое есть безобразность» (2). Из приведенной формулировки можно сделать вывод, что Баумгартен определяет эстетику как науку и как искусство. Наука опирается на принципы, из которых выводятся правила. Искусство же есть действие по этим правилам. **Кроме того, А. Баумгартеном вводится не только понятие «эстетика», но и «эстетическое». Автор рассматривает «эстетическое» как самостоятельную категорию, охватывающую эстетический субъективизм личности к миру в целом (3, с. 452).**

Так, термин «эстетический» приобрел научное восприятие, создались каноны художественного и умения распознавать общеэстетический

вкус. В своих трудах Баумгартен, определяя специфику ценностей в искусстве, уяснил трансценденцию чувствительного над разумным. В дальнейшем данное суждение перешло в каноны Канта об эстетических началах (1790 г.), изображающих проявление мировоззренческих чувств: эмоции и бесстрастности, переживания и безмятежности, разочарования и воодушевленности внутреннего мира человека. Эта оценка нам представляется точной. Кант характеризует восприятие эстетической ценности как безмездное явление, бескорыстную деятельность, то есть безотносительно от интереса к ценности эстетики, так как осмысление обусловлено гедонистическим опытом. Данная концепция представляет почву для разъяснения актуальных проблем восприятия эстетических ценностей.

Несмотря на то, что эстетика имеет нормативный характер, восприятие эстетического идеала не ориентируется на те или иные современные или устаревшие нормы прекрасного. В частности, эстетический идеал не может представлять собой какой-либо временной пробел, потому что не перестает восприниматься цельным. В своем известном труде «Проблемы и «болевы точки» современной эстетики» В.В. Бычков ставит перед наукой определенные задачи. Одной из них является освобождение от внеэстетической тяжести смежных наук, не имеющие отношения к предмету, а также констатирование эстетики в форме молодой науки, находящейся на стадии становления. Считается важным учесть, что для полнейшего формирования и способа исследования молодой науки необходимо опираться как на



классическую эстетику, так и на современную художественную деятельность. Безусловно, в современности, исследуя новейшее художественное творчество, актуальные нравственно-эстетические изыскания, можно создать небывалый пласт науки (4, с.34).

Исследуя каноны эстетической ценности, включающие в себя бесстрастность и эмоциональность, разочарования и воодушевленность, но ни в коем случае не сухую действительность, Г.Лотце «охотно пользовался для выражения своих убеждений формулой: мир ценностей есть ключ к пониманию мира форм. Истина познания заключается в том, что оно раскрывает смысл и назначение мира. То, что должно быть, является причиной всего существующего, а существующее служит для того, чтобы в нем реализовались ценности» (5, с.14). В философии Г.Лотце ставится определенная задача выявления значимого места и роли человека как субъекта в системе других созданий, в том числе и эстетических, и, исходя из позиции философа, человек является своеобразностью той или иной обстановки, имеющий выгодное или невыгодное представление в эстетической взаимосвязи.

Теория Г.Лотце, выдвигающая на первый план назначение мира, роль ценностей в жизни человека, нам представляется справедливой. Однако следует отметить, что отражение эстетической ценности проявлялось в общности фундаментальных свойств категории: идеал, его соцерзание и общественная роль. Эстетическая ценность единства и многообразия, последовательности и контраста, напряжения и расслабления, ожи-

дания и неожиданности, тождества и противоположности не заключается сама в себе. И если сложность, напряженность и расслабление, если неожиданность и контраст обладают эстетической ценностью, то эта ценность основывается на том, что все эти формы отношений и явлений обуславливают необходимый элемент в порядке мира, который в своей взаимосвязи должен создать неизбежные формальные условия для всестороннего осуществления добра и ценностей как в бытие человека, так и в его художественном мире.

Современный читатель располагает разнообразным эстетическим опытом восприятия художественного произведения. Данный опыт разрабатывался множеством летосчислением. Принято считать, что эстетические ценности исторически возникли из практического оценивания не только художественных деталей в произведении, но и при рассмотрении характера, нрава самого героя. Первоначально имела место некая слитность того и другого, свидетельство чему — исторически ранняя словесность, например изображение деталей и нравов у Гомера, которые отвечают своему практическому назначению и одновременно радуют своим совершенством. «Человек, — писал Г.В. Плеханов, — сначала смотрит на предметы и явления с точки зрения утилитарной и только впоследствии становится в своем отношении к ним на эстетическую точку зрения».

Литература

1. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. — М., 2005.



2. Aesthetica. Scripsit. Alexand. Gottlieb bavmgarten Professor philosophiae MDCCL URL: <https://archive.org/details/aestheticscrip00baumgoog> (дата обращения 30.05.2015).

3. Баумгартен А. Г. Эстетика. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. Т. 2. М.: Искусство, 1964.

4. Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. Вып. 1. М.: ИФ РАН, 2005.

5. Грицанов А.А. Новейший философский словарь. Минск, 1998.

6. Хализев В.Е.: философ, культуролог и литературовед // Лит. обозрение. 1994. N 1-2. Записки русской академической группы в США. Т. 12. Посвящается памяти Н.С. Арсеньева. Нью-Йорк, 1979 (биб.); L'emigration Russe. Revues et rec., 1920-80. Index general des art. P., 1988 (библ. на рус. яз.);

7. Хализев В.Е. Теория литературы. Место и роль эстетического в жизни человека и общества. М., 2004.

8. <https://www.litdic.ru/>

9. Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи. — СПб.: Наука, 2004.

The concept of aesthetic value in literary criticism and philosophy

Mavlyanova T.B.

Samarkand State University

The article is devoted to the theoretical study of the philosophical and literary perception of the aesthetic value. As a result of the analysis, the author turns to philosophical and literary dictionaries, where versatility of interpretation and commonality are revealed when describing the state of the human soul, a model of beauty, kindness, truth, embodied in a philosophical and literary image.

Key words: aesthetic ideal, aesthetic value, perception of a work of art.

References

1. Belokurova S.P. Dictionary of literary terms. - M., 2005.
2. Aesthetica. Scripsit. Alexand. Gottlieb bavmgarten Professor philosophiae MDCCL URL: <https://archive.org/details/aestheticscrip00baumgoog> (accessed 05.30.2015).
3. Baumgarten A. G. Aesthetics. History of aesthetics. Monuments of world aesthetic thought: in 5 vols. T. 2. M.: Art, 1964.
4. Aesthetics: Yesterday. Today. Always. Vol. 1. M.: IF RAS, 2005.
5. Griksanov A.A. The latest philosophical dictionary. Minsk, 1998.
6. Halizev V.E.: philosopher, culturologist and literary critic // Lit. review. 1994. N 1-2. Notes of the Russian academic group in the USA. T. 12. Dedicated to the memory of N.S. Arsenyev. New York, 1979 (bibl.); L'emigration Russe. Revues et rec., 1920-80. Index general des art. P., 1988 (bibl. In Russian);
7. Halizev V.E. Theory of literature. The place and role of the aesthetic in the life of man and society. M., 2004.
8. <https://www.litdic.ru/>
9. Windelband V. Preludes. Philosophical articles and speeches. - St. Petersburg: Science, 2004.



Ценности рок-культуры запада

Нурисламов Р.Р.

В статье рассмотрены ценности рок-культуры запада. В настоящее время рок-культура распространилась по всей планете, приобретая интернациональный характер. Рок-движение, вне зависимости от географических рамок, переживает апогей развития накануне значимых социально-политических изменений в государстве (на Западе – 1968 год, Австрия – 70-е годы, во время модернизации государственного устройства, в России – накануне перестройки). Рок-культура в такие периоды становится носителем социокультурных ценностей и идеалов эпохи и поколений.

Ключевые слова: трансформация ценностей, культура, массовая культура, молодёжная культура, субкультура, контркультура, андеграунд, рок, протест, рок-культура, рок-движение, рок-музыка, рок-поэзия, молодёжные движения, русский рок, эстетика рок-музыки.

Массовое молодёжное контркультурное явление, получившее название «рок-культура», в советской России возникло в конце 50-х годов XX века после проведения Всемирного фестиваля молодёжи и студентов (1957г.) и сыграло основополагающую роль в формировании мировоззрения и духовных ориентиров творческой молодёжи. В США и Великобритании к этому времени рок-движение как составляющая часть «всемирного восстания»[11], предпосылками которого были общественно-исторические и социально-политические события (военные действия США во Вьетнаме, изобретение и применение атомного оружия, расовая политика, эмансипация), уже имело вполне сформировавшиеся каноны и традиции (Элвис Пресли, The Beatles, The Rolling Stones). Рок возник как попытка создания нового мировоззрения и мировосприятия, основанного на протесте милитаризму и технократии.

Во второй половине XX молодёжный бунт в Европе и США достигает высшей точки накала вследствие духовного и нравственного кризиса общественного самосознания, именно в это время рок-культура переживает период расцвета и утверждения. «Музыка и идеи политического и индивидуального освобождения и самовыражения были тесно связаны», - подчёркивал С. Митчелл [17, с.7-



18]. Песни протеста звучали на антивоенных митингах, нередко сопровождаясь открытой пропагандой употребления наркотиков как способа наиболее полного познания реальности. Напряжённая социально-политическая обстановка, расовая ненависть, страх перед атомной войной, военные действия США во Вьетнаме спровоцировали массовые беспорядки, что привело к противостоянию власти и молодого поколения. В погоне за стабильностью и успехом нравственные идеалы равенства и братства утратили ценностный приоритет, уступив пальму первенства стремлению к материальному изобилию и психологическому комфорту, что привело к обезличиванию человеческой личности, игнорированию её духовных потребностей, поскольку ценностные характеристики потребительского общества не включали в себя идеалы нравственного совершенствования.

Рок-культура в США позиционировалась как явление, манифестирующее отрицание примитивных ценностей массовой культуры, утверждающее идеи гендерного переустройства и сексуальной революции, пропагандирующее изучение древневосточных духовных практик на основе психоделического мироощущения.

Внешняя политика США стала главным условием доминирования пацифистских настроений в молодёжной среде при практически тотальной её аполитичности, а рок-андеграунд был выразителем антивоенных настроений. Пацифизм выступает в качестве главного ценностного ориентира в творчестве The Doors («The End», «Unknown Soldier»), «The Jimmy

Hendrix Experience» («Purple Haze»), которые стали антивоенными гимнами.

Сексуальная революция с принципом сексуальной свободы выбора основывалась на отрицании консервативных канонов, регламентирующих отношения полов в буржуазном обществе, и заключалась в переосмыслении и преобразовании сексуальных ориентаций и поведенческих моделей.

Задача гендерного преобразования общества состояла в достижении равноправного положения вне зависимости от половой принадлежности. В контексте рок-культуры определялась одинаковая социальная значимость и мужских, и женских интересов. Женская эмансипация утвердилась как антипод пуританской идеологии протестантов, в которой женщина позиционировалась только как мать, жена и хозяйка.

Особенно значимым в социокультурном отношении стал кризис семейных ценностей как результат сексуальной революции и женской эмансипации в противовес традиционным ценностям буржуазного общества (семья, моногамия, постоянное сексуальное партнёрство)[7, с. 161].

Изменение сознания – одна из доминантных ценностей рок-культуры США второй половины XX века. Осознание бесперспективности протеста в политической, экономической и идеологической сферах повлекло за собой переключение внимания мыслящей молодёжи к стремлению изменить мир при помощи внутренней трансформации сознания личности. Психоделическая революция породила «религию ЛСД», массовое изменение молодёжного сознания вслед-



ствии употребления галлюциногенных наркотиков для достижения полной свободы личности.

Квинтэссенция социокультурных процессов того времени выразилась в музыке фолк-рока, композиции Боба Дилана об угрозе ядерного конфликта, о расовом угнетении стали гимнами эпохи, которые звучали на студенческих митингах, массовых демонстрациях с требованием мира в Юго-Восточной Азии, маршах свободы в защиту прав меньшинств. В 1963г. в составе альбома «Freewheelin Bob Dylan» выходит гимн политического протеста «Blowin` In The Wind» («Витающее в воздухе»), основное содержание которой сводится к поиску ответа на вопрос: «Как долго ещё это будет продолжаться?» и призывает не оставаться в стороне. Появление вопроса связано с мировыми социально-политическими событиями, (возведение Берлинской стены, вооружённое столкновение в заливе Кочинос, убийство Медгара Эверса, арест Мартина Лютера Кинга, возобновление испытаний ядерного оружия США, война во Вьетнаме, расовое неравноправие (арест чернокожих молодых людей, вошедших в кафе для белых, лозунг Уоллеса: «Расовая сегрегация – навсегда!»)).

В композиции «Masters Of War» («Мэтры войны», «Freewheelin Bob Dylan», 1963) даётся развёрнутая критика правительства в связи с развитием военного конфликта на Юго-востоке и одновременным наращиванием вооружения. Дилан утверждает, что в войне «всех против всех» победа невозможна, правительства, воюющие друг против друга, играют миром и народами.

История Америки с позиций вооружённых конфликтов раскрыва-

ется перед слушателем в альбоме The Times Are A-Changin` («Времена меняются», 1964), который показывает современную реальность как тёмное, смутное время, в которое только Бог может остановить нарастающую агрессию и предотвратить новую войну, способную уничтожить человечество. Главные темы – социальные потрясения, нищета, расизм, социальное неравенство. В альбоме творчески переосмысливаются нравственные категории независимости и свободы выбора («Ballad of Hollis Brown»), поднимаются проблемы бесправного положения афроамериканского населения («North Country Blues», «The Lonesome Death of Hattie Carroll»), а композиция «Only a Pawn in Their Game» посвящена убийству лидера движения за гражданские права чернокожих Медгара Эверса.

В текстах альбома The Times Are A-Changin` Дилан объявляет современное общество соучастником преступлений на расовой почве, утверждая, что убийства и разбои – плод господствующей идеологии превосходства белой расы.

В середине 1960гг. Дилан отходит от традиций фолк-рока, политический протест уступает место самосозерцанию и самоуглублению, осмыслению собственного внутреннего мира и настроения, чему способствовало недолгое увлечение музыканта психоделическими препаратами. Композиция «Mr. Tambourine Man» (1965) передаёт стремление автора зафиксировать момент ощущения (ощущение усталости после бессонной карнавальная ночи в Новом Орлеане, стирающее границы между иллюзией и реальностью).



Родиной рок-музыки, местом её стилистического и смыслового становления является Великобритания, где во второй половине XX века вследствие негативной социально-политической обстановки произошёл всплеск протестного движения рабочей молодёжи.[4, с.30] Распад Британской колониальной системы после Второй мировой войны, вступление Великобритании в НАТО, экономическая нестабильность, безработица, снижение жизненного уровня трудящегося населения – всё это способствовало подъёму забастовочного движения нонконформистского протеста. Биг-бит как музыкальное направление, ставшее прародителем рок-музыки, сформировался не в профессиональной музыкальной среде, а в эпицентре бунтующей молодёжи. Весь состав The Beatles – выходцы из бедных кварталов Ливерпуля, соответственно, британская молодёжь считала их представителями рабочего класса. Массовое признание сингла The Beatles «I Want to Hold Your Hand» (1963) положило начало «британскому вторжению» («British Invasion») в мировое культурное пространство. Социокультурные и ценностные ориентиры молодого поколения определялись с позиций принадлежности к рабочему классу и во многом были ориентированы на американскую рок-культуру как образец нового в противовес консервативному английскому.

Бит-рок завоевал для британской музыки мировую известность. Наряду с The Beatles широкую популярность набирают группы The Rolling Stones, The Kinks. Творческие лидеры и идейные вдохновители The Kinks братья Рей Дэвис и

Дейв Дэвис не имели высшего образования, поскольку происходили из многодетной бедной семьи, проживавшей в пригороде Лондона. Социальное происхождение определило творческую позицию музыкантов, направленную на актуализацию рабочей культуры в среде отечественной аудитории.

Новаторство The Kinks заключалось в творческом переосмыслении ценностей современного английского общества, что, по мнению социолога Ника Бэкстера-Мура «представляло собой уникальный вклад в развитие популярной культуры Великобритании, поскольку другие британские группы подражали своим коллегам из США». [15, с.145-146]

Творчество музыкантов призывало к сохранению культуры рабочего класса, подчёркивая классовое неравенство и социальную нестабильность. Тематической основой многих произведений были сюжеты из повседневного быта трудящегося населения. Композиция «Where Have All The Good Times Gone» (1965) посвящена размышлениям об идентификационной трансформации рабочей молодёжи 60-х и их родителей, представителей довоенного поколения. В песне с сожалением говорится, что ценности старой Англии остаются в прошлом, по мнению авторов, «лучшем времени»: «Ma and Pa look back at all the things they used to do / Didn't have no money and they always told the truth / [...] / Won't you tell me / Where have all the good times gone?» («Мать и отец вспоминают прошлое, всё то, к чему они привыкли / Не было такого, чтобы не было денег, а они всегда говорили правду / [...] / Ска-



жите мне, / Куда ушли эти благословенные времена?»).

Проблема сохранения британских традиций и базовых национальных ценностей, языка, архитектуры в сочетании с новым, прогрессивным опытом в культурном пространстве Англии – значимые категории творчества The Kinks.

Безработица и нищета современности, убогое существование населения городских бедных кварталов – подобным образом Великобритания раскрывается перед слушателем в композиции «Dead End Street» (1965). Дэвис старался привлечь внимание прогрессивной общественности к низкому социальному обеспечению промышленных регионов страны, к жилищным проблемам трудящегося класса на фоне викторианской индустриальной культуры и традиций, которые, по его мнению, во многом устарели к 60-м годам. Актуализации проблемы способствовала волна недовольства политикой городской застройки и планирования, результатом которой был снос старых зданий викторианской эпохи.

Ценность воспоминаний – ключевая для творчества группы, поскольку нравственная основа современности базируется на опыте прошлых эпох («Do You Remember Walter?»). Воспоминания о собственном детстве, позиционирование семьи как главной социальной и духовно-нравственной ценности – лейтмотив композиций «Picture Book» и «People Take Pictures of Each Other», при исполнении которых Дэвис призывал аудиторию не забывать об истории собственных семей для сохранения настоящего. Прошлое осмысливалось как нечто ушедшее навсегда, что уже не вер-

нуть, но без сохранения традиций минувших эпох невозможно будущее.

Британская рок-культура стала катализатором общественных процессов в стране, которые спровоцировала социально-экономическая политика Маргарет Тэтчер. Рубеж 60-70 гг. XX столетия ознаменовался зарождением английского панк-рока, объединившего агрессивно настроенную часть молодёжи. Лозунг британских панков «Blank Generation» (с англ. – «пустое поколение») кратко и лаконично передавал нравственное состояние молодого поколения того времени: отрицание идеалов, нигилизм, отсутствие сформированных ценностных установок.

Эпатажная манера исполнения культовой группы Sex Pistols в полной мере реализовала эстетическую позицию индивидуализма панк-рока, абстрагировав его от социальных и политических проблем. Sex Pistols – революционный вызов консервативной британской культуре и обществу, эстетическим выражением которого стала внешняя атрибутика – яркий макияж, причёски, символика, провокационные жесты, демонстративное поведение. Панк-движение позиционировало себя как анархическое, лозунг «No Future», звучавший в рефрене композиции «God Save the Queen» группы Sex Pistols стал девизом мирового панк-рока.

Группа The Clash, лидер британского панка, актуализировала проблемы современной Англии, открыто критикуя действующее правительство (альбом «The Clash»). В текстах композиций пересмысливались проблемы безработицы («Career Opportunities»),



монотонного труда («48-Hours»), насилия, классового расслоения и социальной нестабильности («1977», «Remote Control», «Hate and War»). Основное отличие группы состояло в том, что её репертуар актуализировал проблемы не только рабочей молодёжи, но и мигрантов, политических активистов, маргиналов, творчество Sex Pistols, например, было направлено на репрезентацию ценностей рабочей молодёжи, её идеологии и социальных противоречий.

Высокая политизированность, военная национальная тематика, угнетение и расовая дискриминация (геноцид аборигенов в Австралии, диктатура Пол Пота в Камбодже, столкновения в Северной Ирландии) воплотились в содержании альбома «Em Enough Rope» (1978), смысловым стержнем которого стала тема растущего авторитаризма.

Группа The Clash придала панк-движению социально-политическую направленность, призывала аудиторию к активному участию в общественной жизни, акцентировала внимание на проблемах мировой нестабильности в свете революционных волнений и освободительного движения.

Одним из главных достижений западной рок-культуры считается появление **хард-рока** (Hard rock – дословно: жестокий или тяжёлый рок). Хард-рок зародился в конце 60-х годов прошлого столетия (Джим Хендрикс), полностью сформировался в середине 70-х годов. Первыми знаковыми хард-коллективами были Cream, Experience, и The Who (Британия); Iron Butterfly, MC5, Blue Cheer (США).

Окончательное формирование хард-рока происходит в период расцвета творчества Deep Purple, Black Sabbath, Led Zeppelin (тяжёлый блюз-рок).

На основе традиций хард-рока в середине 70-х годов возникает новое направление в рок-музыке – хэви-металл (англ. heavy metal). Отличительная черта данного направления в Великобритании состоит в том, что наиболее заметные металл-группы сформировались в крупных промышленных регионах и городах страны (Judas Priest – Бирмингем, Iron Maiden – Лондон, Def Leppard – Шеффилд, Raven – Ньюкасл). Становление хэви-металл хронологически совпало с усилением политических позиции Маргарет Тэтчер, застоём в экономике страны, нарастанием безработицы в промышленных регионах. Значимая социокультурная основа направления – рабочее происхождение и

Русский рок – уникальное явление в мировой рок-культуре, поскольку, являясь одновременно и андеграундом, и массовой культурой, усвоил лучшие традиции западного рока, адаптировав их к русской ментальности в контексте советского мировоззрения под влиянием политики цензурных ограничений. Главной отличительной чертой русского рока является доминирующее значение содержательно-смыслового компонента, без которого невозможно формирование социальной самоидентификации личности.

В традиции европейского рока значение вербального воздействия на слушателя изначально тоже имело большое значение, большую часть «золотого фонда» мировой



рок-музыки составляют западные композиции (Джон Леннон, Мик Джаггер, Джим Моррисон). Снижение роли смысловой нагрузки текста произошло вследствие коммерциализации, вовлечения рок-культуры в сферу социально-экономических отношений, результатом чего первостепенное значение приобрело не содержание текста, а способ его выражения, показа.

Литература

1. Арнольдов А. И. Теория культуры: историзм и вопросы методологии // Культура, человек и картина мира. М.: Наука, 1987. С. 5-25.
2. Кнабе Г. С. Рок-музыка и рок-среда как формы контркультуры
3. Бокарев В. В. Социальные взгляды, общественно-политическая и творческая деятельность Дж. Леннона в период «молодежной революции» на Западе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2008. – 28с.
4. Борисова Е. Б. Музыка как фактор формирования молодежных субкультур: социологический анализ: автореф.дис. канд. соц. наук. – СПб., 2005. – 30 с.
5. Давлетшина Д. М. Музыкальная культура как фактор формирования духовных ценностей студенческой молодежи в современных условиях: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Казань, 1998. – 24 с.
6. Китов Ю.В., Гертнер С.Л. Элита и интересы: монография. М., 2004. 166 с.
7. Корж Н.В. Трудовые ценности современной студенческой молодежи: дис...канд.социол.наук. Пенза, 2011. 161 с.
8. Лебедев А.А. Ценностные основания человеческой деятельности: философский анализ: дис.... канд.филос.наук. М., 2006. 147 с.
9. Наташа Ройтберг. Рок-поэтика // Н. Ройтберг, 2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.litres.ru/natasha-roytberg/rok-poetika/chitat-onlayn/> / Дата последнего обращения – 17.09.2019
10. Мякотин Е. В. Рок-музыка. Опыт структурно-антропологического анализа: автореф. дис. ... канд. искусств. – Саратов, 2006. – 24 с.
11. Суминова Т.Н. Информационные ресурсы художественной культуры (артосферы). М.: Академический проект, 2006. 480 с.: илл.
12. Хайдеггер М. Бытие и время /Пер. с нем. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
13. Чечева А. В. Панк-движение как феномен современной неформальной молодежной субкультуры: автореф.дис. ... канд. культурологии. – Улан-Удэ, 2011. – 24 с.
14. Шостаков Г.В. Многообразие тематики рок-жанра //Личность-слово-социум: междунар.науч.-практич.конф., 2008. URL: <http://www.pws-conf.ru/nauchnaya/lss-2008/263-esteticheskoe-obrazovanie/6673-mnogoobrazie-tematiki-rok.html> (дата обращения: 05.10.2019.)
15. Baxter-Moore N. «This Is Where I Belong» - Identity, Social Class, and the Nostalgic Englishness of Ray Davies and the Kinks // Popular Music and Society. 2006. Vol. 29. No.2. P. 145-146.
16. Hinman D. The Kinks: All Day and All of the Night. Day by Day Concerts, Recordings, and Broadcasts, 1961-1996. San Francisco, 2004. P. 75
17. Mitchell, S.P. You Say You Want a Revolution?: Popular Music



and Revolt in France, the United States and Britain During the Late 1960s // Actual History. – 2005 – №8 – p.7-18

**Values of Western rock culture
Nurislamov R.R.**

Moscow State Institute of Culture

The article considers the values of rock culture of the west. Nowadays, rock culture has spread all over the planet, having acquired an international character. The rock movement, regardless of the geographical scope, is at its apogee on the eve of significant socio-political changes in the state (in the West - 1968, Austria - 70s, during the modernization of the state system, in Russia - on the eve of perestroika). Rock culture in such periods becomes a carrier of socio-cultural values and ideals of the era and generations.

Keywords: transformation of values, culture, mass culture, youth culture, subculture, counterculture, underground, rock, protest, rock culture, rock movement, rock music, rock poetry, youth movements, Russian rock, rock music aesthetics.

References

1. Arnoldov A. I. Theory of culture: historicism and questions of methodology // Culture, man and the picture of the world. M.: Nauka, 1987. S. 5-25.
2. Knabe G. S. Rock music and rock medium as forms of counterculture
3. Bokarev VV Social views, socio-political and creative activities of J. Lennon during the "youth revolution" in the West: author. dis. ... cand. East. sciences. - M., 2008. -- 28 p.
4. Borisova Ye. B. Music as a factor in the formation of youth subcultures: a sociological analysis: author. dis. Cand. social sciences. - SPb., 2005. -- 30 s.
5. Davletshina D. M. Musical culture as a factor in the formation of spiritual values of students in modern conditions: author. dis. ... cand. social sciences. - Kazan, 1998. -- 24 p.
6. Kitov Yu.V., Gertner S.L. Elite and interests: monograph. M., 2004. 166 s.
7. Korzh N.V. Labor values of modern student youth: dis. ... Cand. Sociol. Penza, 2011. 161 s.
8. Lebedev A.A. Value foundations of human activity: philosophical analysis: dis. ... Candidate of Philosophy M., 2006. 147 s.
9. Natasha Roytberg. Rock poetics // N. Roitberg, 2019 [Electronic resource] Access mode: <https://www.litres.ru/natasha-roytberg/rok-poetika/chitat-onlayn/> / Last accessed date - 09/17/2019
10. Myakotin E.V. Rock music. The experience of structural and anthropological analysis: abstract. dis. ... cand. art history. - Saratov, 2006. -- 24 p.
11. Suminova T.N. Information resources of art culture (artosphere). M.: Academic project, 2006. 480 p. : ill.
12. Heidegger M. Being and Time / Transl. with him. M.: Ad Marginem, 1997. 451 c.
13. Checheva A. V. Punk movement as a phenomenon of the modern informal youth subculture: author. ... cand. culturology. - Ulan-Ude, 2011. -- 24 p.
14. Shostak G.V. The diversity of the themes of the rock genre // Personality-word-society: international scientific-practical conference, 2008. URL: <http://www.pws-conf.ru/nauchnaya/lss-2008/263-esteticheskoe-obrazovanie/6673-mnogobrazie-tematiki-rok.html> (Accessed: 10/05/2019.)
15. Baxter-Moore N. "This Is Where I Belong" - Identity, Social Class, and the Nostalgic Englishness of Ray Davies and the Kinks // Popular Music and Society. 2006. Vol. 29. No.2. P. 145-146.
16. Hinman D. The Kinks: All Day and All of the Night. Day by Day Concerts, Recordings, and Broadcasts, 1961-1996. San Francisco, 2004. P. 75
17. Mitchell, S.P. You Say You Want a Revolution?: Popular Music and Revolt in France, the United States and Britain During the Late 1960s // Actual History. - 2005 - No. 8 - p. 7-18



Влияние региональной культуры на личность в философских концепциях и литературных описаниях

Тертешникова Н.Д.

Статья посвящена анализу философской дискуссии, посвященной факторам становления личности в культуре, где ряд концепций отражал представления о приоритетном влиянии универсальных, трансцендентных либо культурных факторов, в то же время имелись концепции, в контексте которых закономерности формирования личности выводились только их специфических локальных особенностей региональных культур. Однако, как доказывает автор, обе программы по отдельности оказывались нежизнеспособны, что потребовало переосмысления механизма влияния факторов культуры на становление личности, в результате чего пришло понимание семантически двойственного: универсального и регионального характера влияния реальности культуры на аксиологический, этический, психологический аспекты человеческой личности. Современные западные исследователи предлагают интегративное рассмотрение процесса становления личности, с точки зрения которого, личность человека представляет срез показателей культуры, как регионального историко-культурного образования, но подчиненного в своем развитии объективным универсальным закономерностям, реализуемым в субъективном восприятии индивидов.

Ключевые слова: Факторы становления личности, региональная культура, пространство культуры, культурная среда, индустриализация, мультикультурализм, окультуренный человек.

Введение.

Современные трансформации, связанные с распространением глобализационных тенденций развития культуры влияют на интенсивное изменение ценностей человека. Однако многие исследователи признают, что на становление личности оказывает влияние не только мировая культура, но и культура, имеющая региональные особенности. Степень взаимообусловленности культуры и личности сегодня настолько высока, что это стало основанием для того, чтобы утверждать о том, что не только сама региональная культура является фактором становления личности, проживающей на территории региона, больше того, региональное пространства культуры также содержит ряд факторов, влияющих на становление личности. Поэтому представляется значимым провести анализ влияния региональной культуры на становлении личности и выделить наиболее существенные факторы становления личности в региональной культуре.

Обзор литературы. Ведущую роль в формировании методологии исследования взаимодействия культуры и личности играют произведения Аристотель, П. Мирандоллы, Н. Макиавелли, М. Монтеня, Л. Баллы Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж.



Локка, Дж. Вико, А. Токвиля, Гердера, О. Конта, К. Маркса, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, А. Бергсона, В. Дильтея, Виндельбана, Г. Риккерта, Э. Кассирера, М. Вебера, Э. Дюркгейм, П. А. Сорокина, Р. Арона, Д. Белла, А. Кребера, Л. А. Уайта, Н. Элиаса, М. Блока, Ф. Ратцеля, Л. Фробениуса, Ф. Гребнера, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Боаса, Б. К. Малиновского, М. Хайдеггера, М. Шелера, Г. Торо, У. Фолкнера, М. Маклюэна, А. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассеа, А. Тоффлера, Ю. Хабермаса, М. Фуко, Э. Хобсбаума, П. Рикера, Дж. Александера, Р. Инглхарта, Ф. Фукуямы, Л. Харрисона, С. Хантингтона и др.

Методология исследования основана на принципах анализа характеристик региональной культуры, среди которых используется сравнительный и семиотический методы которые в большей степени позволяют выявить процессы идентификации.

Результаты. Современное убеждение о том, что человеческая личность и культура являются единым целым, сформировалось только в XX в., однако обсуждение вопроса о факторах становления личности человека уходит корнями в мифологию, так как уже в древних мифах описывались перемены, происходящие с людьми в связи с влиянием культурных феноменов, связанных с творчеством богов.

Обсуждение результатов. В рамках античного мировоззрения появлением концепции нравственности были сформированы первые авторские трактовки сущности человека. Одной из трактовок является Платоновская концепция человека, сущностью которого считалась душа, понимаемая как дан-

ность, не зависящая от земных, социальных, культурных обстоятельств. С другой стороны, Протагор, Гиппий, Демокрит, Аристотель формировали представление о том, что человек формируется в условиях человечески обжитого мира, созданного самим человеком [11, с. 34].

Значительный вклад осмысления становления человека был внесен Цицероном, Вергилием, Сенекой, Тацитом, выразившими мнение о том, что человек формируется культурой, которая посредством воспитания и философии открывает перспективу развития телесного и духовного начал. Важно, что римские авторы считали, что на данный процесс оказывают влияние такие факторы, как уровень материального обеспечения, государственность, письменность, земледелие, обработка металлов, искусство, управление, правосудие, религия, нравственность. Эти факторы формируют «civilis», культурную среду, в рамках которой существует «окультуренный человек».

Понимание сущности человека, а также факторов его становления изменилось в средневековой концепции личности, понимаемой как возможность жизни с Богом. Становление личности представлялось как подготовка к жизни после смерти, на которую влияли универсальные факторы, пребывающие вне времени и пространства. Однако в период Возрождения понимание процесса становления личности начинает меняться. Важным качеством личности человека в трудах П. Мирандоллы, Н. Кузанского, Дж. Бруно, Л. Да Винчи, Н. Макиавелли, М. Монтеня, Э. Роттердамского, Т. Мора, Дж. Манетти, Л. Баллы стали



выступать усилия человека, проживающего в условиях человеческой культуры. В творчестве мыслителей Нового времени, было положено начало обсуждению влияния на личность таких, факторов культуры, как наука, техника, искусства и традиции. Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Дж. Вико выдвинули на первый план критерий прогресса, подразумевающий, что развитие личности должно соответствовать уровню развития человечества. В этих исследованиях, культура выступала как универсальное понятие, однако, имелась в виду европейская культура, связываемая с такими факторами, как достижения европейской цивилизации, научный прогресс, культ разума [1, с. 72].

Становление личности в трудах просветителей А. Токвиля, Монтескье, Руссо, Мирабо, Гердера понимается как взаимодействие человека с миром культуры и ее ценностями. Однако этот период ознаменовался не только развитием идей, отражающих влияние культуры на становление личности, но и появлением концепции национального характера Гельвеция, который одним из первых сформулировал идею о способности каждого народа самостоятельно «видеть и чувствовать», а также И. Г. Гердера, который указывал на то, что различные культуры способствуют становлению полноценной человеческой личности [3]. Эти идеи были поддержаны Дж. Донном и Ф. Шеллингом, которые считали, что национальные культуры обеспечивают основания для полноценного становления личности.

Заслугой И. Канта является провозглашение единства человека и культуры. Г. Гегель понимал

личность как результат диалектического развития, вытекающего из противоречий между природной и культурной субстанциями, которую представлял в качестве «второй природы» и эманации объективного Мирового Духа. Эта мысль не находила поддержки у представителей постклассических направлений, которые были уверены в том, что личность человека не может быть сформирована вне социальной культуры, потому социум является тем культурным пространством, которое влияет на его становление и развитие. В трудах О. Конта, К. Маркса, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, А. Бергсона постулировалась концепция, согласно которой, влияние на личность оказывала культура и цивилизация, формирующие такие сферы, как общественная жизнь, религия, духовность, экономика и политика. Виндельбанд, Г. Риккерт, Э. Кассирер понимали культуру как комплекс сведений о природе и закономерностях развития мира ценностей и символических форм, влияющих на сознание. В. Дильтей в качестве фактора становления личности определял память и духовный опыт. Для Х. Г. Гадамера этим фактором стала субъективность и традиция передачи социальной информации [2].

В XX в. в осмыслении становления личности произошли перемены, обусловленные тем, что значительное количество исследователей приступили к созданию теории культуры, которая позволяла им целостно и непротиворечиво осмысливать значительно возросший объем культурологических данных и концептуализировать проблематику взаимодействия



культуры и личности на новом уровне осмысления. Широкое распространение получили универсалистские представления о становлении личности, которые разрабатывали М. Вебер, Э. Дюркгейм, П. А. Сорокин, доказывающие, что личность является неотъемлемой частью культуры, представляемой в качестве коллективных представлений, обеспечивающих уровень и устойчивость общественной жизни. Ведущими факторами становления личности признавались общество и природа, то есть два жизненных пространства, в которых реально существует человек [11].

Аналогичные идеи развивали Г. Спенсер, Э. Тайлор, Дж. Фрэнгер, А. Бастиан, Л. Г. Морган, которые рассматривали формирование личности в связи с анализом влияния на человека традиций и современности. Личность человека согласно их представлениям, формируется в зависимости от степени развития культуры, а не от этнических особенностей или воспитания [15]. Культурологический подход, делающий акцент на анализе влияния на становление личности культуры и культурных элит Р. Арона, Д. Белла, А. Кребера, Д. Рисмена, У. Ростоу, Л. А. Уайта, доказывал, что культуры представляет символический инструмент, при помощи которого люди достигают высокого уровня личностного развития. Развитие личности в их трудах представлено как поступательное движение от уровня дикости и варварства к уровню развития цивилизации, через последовательные стадии традиционного, индустриального и постиндустриального общества. Дж. К. Гэлбрэйт, Т. Веблен, Д. Нэсбитт, П. Эбурдин,

Н. Элиас М. Блок, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф процесс прогрессивного совершенствования личности оценивали как влияние цивилизации, воспитания, познания, труда и власти [16].

Однако были и другие точки зрения, так в XIX-XX вв. стали появляться теории, в контексте которых закономерности становления личности оказывалось возможным выводить из принципов, которые объясняли неравномерность культурного развития различных регионов. В частности, основания, имевшие влияние на становления личности человека в рамках локальных культурных пространств, рассматривались представителями теории «диффузии культур». В трудах Ф. Ратцеля, Л. Фробениуса, Ф. Гребнера, И.Я. Бахофена, О. Вейнингера обоснована точка зрения о том, что на становление личности имеет влияние географическая среда, адаптация к которой формирует различные культуры. Выделение отдельных типов культур они проводили по региональному и территориальному признаку, что привело к концептуализации понятия хозяйственно-культурного типа и цивилизации [12].

В концепции множественных локальных культур О. Шпенглера, утверждалось, что культура представляет организм, обеспечивающий неповторимые параметры личности. А. Тойнби в теории «круговорота локальных цивилизаций» указал на то, что личность формируется в борьбе за высоконравственные и социально-духовные ценности [13].

Сходную оценку процессам становления личности в культуре дают труды антропологов Ф. Боаса, Б. К.



Малиновского, Р. Редфилда, А. Р. Рэдклифф-Брауна, согласно положениям которых на становление личности влияет совокупность таких процессов, как индустриализация, бюрократизация, секуляризация, урбанизация. Фактором, определяющим становление личности, согласно Ф. Боасу, Р. Бенедикт, М. Салинсу, Дж. Стюартом является «этнос», или система взглядов, идеалов, ценностей, которые доминируют в отдельных культурах и контролируют поведение их членов. На основании этих идей М. Херсковиц и Ф. Бэбби разработали концепцию неравенства культур, в рамках которой каждый народ объявляется творцом региональной культуры, обеспечивающей ему целостность [18].

Концепции авторов экзистенциального направления, в частности, М. Хайдеггера, М. Шелера, Г. Торо, У. Фолкнера Е. Финка, Г. Гессе и И. Хейзинги предлагали проведение исследований становления личности, обращаясь не только к теоретическим, но и к обыденным факторам. Уровень развития личности в их трудах является показателем подлинности бытия изначальной естественности. Произведения М. Медоуз, М. Маклюэноа, А. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассеа, А. Тоффлера содержали описания личности, формирующейся в условиях постиндустриальной культуры [14].

Принципиальное значение для этих концепций имеет переключение внимания с анализа влияния общих закономерностей развития культуры, на отдельного человека, который сам является творцом своей личности. Например, о специфике формирования сознания человека в жизненных структурах и

институтах окружающего человека общества и культуры, пишут Ю. Хабермас, Ж. Делез и Ф. Гваттари. Этот метод представлен исследованием М. Фуко, с точки зрения которого в условиях каждой культуры на каждого индивида воздействуют присущие данной культуре бытийные и языковые особенности. Личность человека в современном обществе Фуко оценивает в категориях социального отчуждения, утверждая, что она зависит только от того, насколько человек в процессе самопознания способен раскрыть и развить себя исторически, критически и эстетически, насколько он способен преодолеть влияние воздействующих на него структур. По мнению И. Ж. Лакана, становление личности является целью каждого человека, но достижение ее оказывается невозможным, так как каждый человек на протяжении жизни стремится к воссозданию некой идейной модели, которая всегда ускользает. Взгляд постмодернистов на становление личности отражает семиотическая концепция У. Эко, в которой этот процесс предстает как итог воздействия на человека текстов, воспринимаемых сознанием. Исследования Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера, которые ввели в употребление термин «изобретенные традиции», под которым понимаются технологии управления поведением личности. В их состав входят наборы символических и ритуальных практик, имеющих целью установление определенных норм и ценностей [19].

В конце XX в. идеи о влиянии пространства региональной культуры на становление личности стали предметом пристального вни-



мания мировой науки, исследовавшей процессы, связанные с взаимоотношениями различных культурных, этнических, религиозных сообществ [22]. Исследователи, такие как У. Кимлика, стали предлагать видение перспектив развития мира в контексте идеи мультикультурализма, в соответствии с которой приоритетное значение получали только локальные особенности региональных культур, признававшихся ведущими факторами формирования личности [21]. Становление человека здесь увязывалось с гражданством, этничностью, религиозностью человека, и не принимались во внимание универсалистские факторы, оказывавшие влияние на формирование общегуманитарных качеств личности [4]. Однако, когда в ряде европейских стран реализация программы мультикультурализма привела к ряду неразрешимых противоречий между представителями разных региональных культур, стала очевидна ее нежизнеспособность. Кризис мультикультурализма потребовал от науки о культуре переосмысления влияния факторов культуры на становление личности, в результате чего такие авторы, как П. Рикер, Д. М. Уэйнсток, А. Гутман, Д. Томпсон, М. Игнатъефф, Д. Миллер стали обращать внимание на семантически двойственный характер этого влияния. В трудах этих авторов указывается на то, что многообразная реальность культуры по-разному оказывает воздействие на аксиологический, этический, психологический аспекты человеческой личности. Большое внимание ими уделяется характеристике разнонаправленных факторов, одни из которых ведут к

«омассовлению» и универсализации личности, другие – направляют личность к необходимости определения и конкретизации «жизненной реальности». Важно, что эти идеи подтверждают концептуальные выводы, сделанные в классических трудах М. Вебера, Б. Малиновского, П. Сорокина, Э. Фромма, Дж. Фейблмана, где культура выступает как отражение базовых потребностей, культурных ценностей и детерминант индивидуального и группового поведения.

Основываясь на веберовском наследии, такие исследователи, как Дж. Александер, М. Грондона, Р. Инглхарт, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма, Л. Харрисон, С. Хантингтон, доказывают, что современные общества представляют собой культурные пространства, обладающие специфическими особенностями, которые сохраняются длительное время и оказывают существенное влияние на становление личности. Они предлагают интегративное рассмотрение процесса становления личности, с точки зрения которого, личность представляет показатель развития культуры, как регионального историко-культурного образования, подчиненного в своем развитии объективным универсальным закономерностям, реализуемым в субъективном восприятии индивидов [20].

Становление личности представлено в этих исследованиях в качестве процесса синтеза личностной и групповой форм культуры, составляющих в своем единстве культурное пространство этой личности [5]. Ключевым моментом этих исследований является представление о личности, как продукте и неотъемлемом элементе развития культу-



ры, имеющей конкретные региональные параметры. В исследованиях, представляющих этот подход, ведущее место занимает анализ роли региональных условий, таких как географическое положение региона, политика, отношение к труду, власти, доверию и иных факторов, каждый из которых влияет на развитие личности на территории региона [23].

Анализируя различные системы ценностей, они анализируют влияние региональных факторов, воздействующих на личность, таких как, географический, влияющий на развитие культуры посредством ряда преимуществ, рождающихся из обеспечения доступа к естественным ресурсам, торговыми путями, экономическим взаимодействием с более развитыми регионами, развитием базовых направлений экономики, таких как сельское хозяйство и т.д. [6]. Вторым фактором является состояние общественной системы, которая может поддерживать экономический и личностный рост, а может стать препятствовать ему. Наиболее значимым фактором, считается «позитивная обратная связь», под которой понимается реакция общества на появление технологических новаций. Направленность этой реакции во многом зависит от религиозных предпочтений населения региона, но при этом является «топливом» для дальнейшего развития личности в условиях разных региональных культур. Этот фактор является ключевым и это признает также С. Хантингтон, утверждение которого о том, что различия региональных культур являются куда более мощным двигателем, становления личности, чем политика и

экономика, приобрело методологическое значение для современных исследований личности и культуры [20].

Исследователи доказывают, что существующие в рамках региональных культур системы ценностей, определяющих развитие личности, являются смешанными, меняющимися и специфичными для каждого региона. Если они меняются в том направлении, которое признается прогрессивным, то полагается, что это приведет к увеличению шансов на то, что личность в данной культуре будет развиваться. Напротив, если они движутся в том направлении, которое признается противоположным прогрессу, то влияние их на личность будет деструктивным. При этом в качестве ведущего фактора они называют стремление к развитию, обусловленное влиянием культуры, а не культурные традиции как таковые [20].

Таким инструментом по мнению исследователей, являются ментальные модели, распространенные среди населения и обуславливающие поступки индивидов. Как они доказывают, становление личности должно проходить под влиянием поощряющих экономический рост и социальный прогресс ментальных моделей, которые формируют представления о таких категориях, как риск, доверие, конкуренция, власть и другие важнейшие переменные [7].

Более подробно механизм формирования и распространения ментальных моделей, благодаря которым формируются относительно устойчивые смыслы культуры и личности, был разобран в культуральной социологии Дж. Алексан-



дера. В контексте рассуждений этого автора, становление личности может быть представлено как существующий за счет влияния внешних, объективных, и внутренних, субъективных механизмов деятельности, процесс производства и распространения идей, ценностей, норм, образцов поведения и социальных типов, формирующих относительно устойчивые личностные смыслы, структурирующие процесс развития личности человека. Согласно Дж. Александеру культурные смыслы, воспроизводимые масс-медиа, кодируют массовое сознание, где распространяют стереотипы, способствующие формированию устойчивых коллективных представлений, связанных с оценкой личностных установок [17]. Это исследование подтверждает, что современная культура характеризуется диффузностью, нелинейностью развития, разрывам социума, культурными травмами и парадоксами, в результате которых разрывается нормативность, что создает предпосылки культурной неопределенности [8]. Однако этому можно противостоять, распространяя целенаправленно создаваемые культуральные структуры, способствующие упорядочению социума, и формирующие относительно устойчивое общественное мнение и личностное сознание. Целенаправленно созданными культуральными структурами Дж. Александер признает нарративы, мифы, бренды, имиджи. Как считает американский социолог, важнейшим механизмом искусственного создания культуральных структур является перформативность, которая посредством спектализации социальной жизни про-

изводит более сильное воздействие на личность, нежели влияние реальных политических, экономических и иных условий [17].

Становление личности представлено в данных концепциях как процесс, в течение которого происходит совершенствование человека, в основе которого находится дух культуры, который закладывает фундамент формирования человеческой духовности. При этом важно, что теоретическим основанием этого утверждения является то, что современная культурологическая наука рассматривает личность как органичный элемент культуры, складывающийся под влиянием исторических, социальных, этнических, социо-психологических, экономических, политических и иных факторов. В западной философии культуры принято уделять внимание не только этим объективным факторам, но и говорить о влиянии на сознание человека субъективного внутреннего мира, проявляющегося через его речь, индивидуальную и коллективную память, символика пространства и времени, идеология и т.д. Более того, в условиях современности становление личности начинает пониматься не только как результат, но и как процесс социокультурного взаимодействия, которые могут решаться как с рационалистических, объективистских, так и с иррационалистических субъективистских позиций.

Выводы. Таким образом, в истории философии культуры долгое время ведется дискуссия, посвященная факторам влияния культуры на личность, в рамках которой с одной стороны, значительное влияние имеют идеи, отражающие представления о приоритетном



влиянии универсальных, трансцендентных либо культурных факторов. Им противостояли модели развития культуры, в контексте которых закономерности формирования личности выводились только их специфических локальных особенностей региональных культур. Однако обе программы по отдельности оказывались нежизнеспособны, что потребовало переосмысления механизма влияния факторов культуры на становление личности, в результате чего пришло понимание семантически двойственного: универсального и регионального характера влияния реальности культуры на аксиологический, этический, психологический аспекты человеческой личности. Современные западные исследователи предлагают интегративное рассмотрение процесса становления личности, с точки зрения которого, личность человека представляет собой срез показателей культуры, как регионального историко-культурного образования, но подчиненного в своем развитии объективным универсальным закономерностям, реализуемым в субъективном восприятии индивидов.

Литература

1. Васильев А. Г. Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций // Человек и культура. 2015. № 1. С.72-91.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Под ред. В.С. Малахова. М.: Искусство, 1991. С. 65. С. 124-144.
3. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
4. Жуков А. В. Формирование религиозно-мифологического мировоззрения и мифы о религиозности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 3 (60). С. 27-33.
5. Жуков А. В. Религиозность, субъективизм и конструирование концепций религиозной личности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 2 (59). С. 129-136.
6. Жуков А. В. Традиционная народная религиозность и проблема «двоеверия» // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 2 (69). С. 10-15.
7. Жуков А. В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: дисс. докт. Филос. Н: 09.00.14. Чита, 2011. 372 с.
8. Жуков А. В. Факторы рецепции мифологических образов Китая в менталитете населения Забайкалья // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014 № 1(104). С. 120-128.
9. Кричевский А. В. Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга. М.: ИФ РАН, 2009. 199 с.
10. Лосев А. Ф. История античной философии в конспективном изложении. М.: Мысль, 1989. 204 с.
11. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 352 с.
12. Ратцель Ф. Земля и жизнь: сравнительное землеведение. Т. 1-2. СПб. : Брокгауз и Эфрон, 1903-1906. 730 с.
13. Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник. М.: Рольф, 2001. 640 с.
14. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.
15. Цапф В. Теория модернизации и различие путей обществен-



ного развития // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 14-26.

16. Элиас Н. Общество индивидов. М. Алетейя, 2001. 639 с.

17. Alexander J. C. The Civil Sphere. N.Y.: Oxford University Press, 2006. p.48.

18. Bagby Ph. Culture and History. Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations, N. Y.; L., 1958.

19. Hobsbawm E., & Ranger T. (eds) The Invention of Tradition. Cambridge University Press, Cambridge 1992, 320 p.

20. Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 1996. P. 45-49.

21. Kymlicka W. Multicultural Citizenship: a Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Oxford University Press, 1995. 280 p.

22. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of Social Myths on the Construction of German Identity in Russian Polyethnic Region // Indian Journal of Science and Technology. 2016. T. 9. No. 42. Page 104239.

23. Zhukov A., Zhukova A. Methodological Features of Study and Development of «Ethnic Cultures» Images in China // IEJME: Mathematics Education. 2016. T. 11. № 5. С. 1321-1330.

Influence of regional culture on personality in philosophical concepts and literary descriptions

Tertshnikova N.D.

Transbaikal State University

The article is devoted to philosophical discussions on factors of personality in a culture where a number of concepts that reflect ideas about the priority the impact of universal, transcendental or cultural factors, at the same time there was a concept in the context of which patterns of identity formation visible only to their specific local characteristics of the regional

cultures. However, as the author argues, both programs individually were unsustainable, requiring a rethinking of the mechanism of the influence of cultural factors on the personality, in the result, it is understood semantically ambiguous: universal and regional nature of the impact of the reality of the culture on the axiological, ethical, and psychological aspects of the human personality. Modern Western researchers propose an integrative consideration of process of formation of the person, from the point of view of which, the identity of the person is cut indicators of culture as a regional historical-cultural formation, but subordinate in its development of objective universal laws implemented in the subjective perceptions of individuals.

Key words: Factors of personality, regional culture, cultural space, cultural environment, industrialization, multiculturalism, cultivated people.

References

1. Vasiliev A. G. Tradition and cultural memory in the context of social innovation // Man and culture. 2015. No. 1. S. 72-91.
2. Gadamer G.-G. The relevance of the beautiful / Ed. V.S. Malakhov. M.: Art, 1991. S. 65. P. 124-144.
3. Herder I. G. Ideas for the philosophy of the history of mankind. M.: Nauka, 1977. 703 s.
4. Zhukov A. V. The formation of a religious-mythological worldview and myths of religiosity // Bulletin of Chita State University. 2010. No. 3 (60). S. 27-33.
5. Zhukov A. V. Religiosity, subjectivity and the construction of concepts of a religious person // Bulletin of Chita State University. 2010. No. 2 (59). S. 129-136.
6. Zhukov A. V. Traditional folk religiosity and the problem of "dual faith" // Bulletin of Chita State University. 2011. No 2 (69). S. 10-15.
7. Zhukov A. V. Religious myth-making in the everyday religiosity of the population of the Baikal region: diss. Doct. Philos. H: 09.00.14. Chita, 2011. 372 s.
8. Zhukov A. V. Factors of reception of mythological images of China in the mentality of the population of Transbaikalia // Bulletin of the Transbaikalia State University. 2014 No. 1 (104). S. 120-128.
9. Krichevsky A. V. The image of the absolute in the philosophy of Hegel and late Schelling. M.: IF RAS, 2009. 199 p.
10. Losev A.F. History of ancient philosophy in a synopsis. M.: Thought, 1989. 204 s.
11. Parygin B. D. Fundamentals of socio-psychological theory. M.: Thought, 1971.



12. Ratzel F. Earth and life: comparative geography. T. 1-2. SPb. : Brockhaus and Efron, 1903-1906. 730 s
13. Toynbee A. J. Understanding History: A Collection. M. : Rolf, 2001.640 s.
14. Toffler E. The third wave. M. : AST, 2010.784 s.
15. Zapf V. Theory of modernization and the difference in the ways of social development // Sociological studies. 1998. No. 8. S. 14-26.
16. Elias N. Society of individuals. M. Aletheya, 2001.639 s.
17. Alexander J. C. The Civil Sphere. N.Y. : Oxford University Press, 2006.p. 48.
18. Bagby Ph. Culture and History. Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations, N. Y. ; L., 1958.
19. Hobsbawm E., & Ranger T. (eds) The Invention of Tradition. Cambridge University Press, Cambridge 1992, 320 p.
20. Huntington S. P., The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. P. 45-49.
21. Kymlicka W. Multicultural Citizenship: a Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Oxford University Press, 1995.280 p.
22. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of Social Miths on the Construction of German Identity in Russian Polyethnic Region // Indian Journal of Science and Technology. 2016.T. 9.No. 42. Page 104239.
23. Zhukov A., Zhukova A. Methodological Features of Study and Development of "Ethnic Cultures" Images in China // IEJME: Mathematics Education. 2016.Vol. 11. No. 5. P. 1321-1330.



Современный спорт в ракурсе философской антропологии

Чернышев В.П., Чернышева Л.Г.,
Бородин П.В., Клименко В.А.

В статье предпринята попытка мыслительного эксперимента в отношении топологического расположения одного из аспектов социальной ткани — современного спорта. С позиции философской антропологии рассматривается статус и место данного феномена в современном состоянии социума. Показано, что спорт явление многогранное и может выступать в официальном дискурсе не только с привычных позиций, а транслировать глубинные человеческие смыслы и желания помимо их формальной воли.

Ключевые слова. Современный спорт. Философская антропология. Социальность формальная и содержательная. «Оглушенное сознание».

Одним из наиболее значимых антропологических событий прошедшего столетия, последствия которого продолжают сказываться и сегодня, стал выход на авансцену бытия нового феномена — масс. После выхода в свет в первой половине XX века книги испанского философа Х. Ортега-и-Гассет «Восстание масс» и «Одномерного человека» Г. Маркузе, перед интеллектуальным взором европейского истеблишмента, встал вопрос «Что с этим делать?». О различных аспектах этого феномена с тех пор писалось множество раз. Нас интересует его специфическое, квази-бесконечное существование, лишенное будущего, пребывающее в постоянном «здесь и сейчас». Осевое время, предопределяющее собой европейскую динамику, застыло. В застывшем времени и оказался «одномерный человек», редуцированный до какой-то одной ипостаси, но «помнящий» и «тоскующий» по утраченной цельности и целостности.

Описанное явление было настолько шокирующим, что многие предпочли отмахнуться от его вида, спрятать голову в песок. Через несколько лет явление разрослось до глобального уровня, втянув как воронка в свою, бешено вращающуюся орбиту, практически все области человеческого бытия. Одним из наиболее востребованных сегментов социальной ткани обще-



ства, который попал, более того, можно сказать родился в современном облики, стал спорт во всех своих модусах.

Спорт, как явление оформившийся только в конце XIX века в аристократической среде, после Первой мировой войны стал глобальным явлением. Массы людей ринулись в разнообразные виды физической активности, буквально поглощая спортивный инвентарь и заполняя все приемлемые для этой деятельности пространства. На волне возрожденной бароном Пьером де Кубертенем и соратниками Олимпиады, стали как грибы возникать всевозможные турниры, чемпионаты, спартакиады и т.п. Немаловажным фактором того периода развития отрасли «Физическая культура и спорт» во всем мире, был фактор брутализации общества, на фоне витавшей в воздухе опасности повторения мировой военной бойни. Правительства всех стран всемерно поощряли стремление граждан к физическому развитию, добавляя в традиционные виды немалую толику военно-прикладных средств и оттенков физической культуры. Все это заставляет специалистов задуматься над произошедшим всплеском активности, попробовав при этом разобраться, а что же происходит с самим человеком, вовлеченным массовым потоком в общее русло бурной реки? Кем он себя ощущает, кем видит? Насколько отрефлектировано его желание «быть в потоке» или наоборот – выскочить из него?

Такая метафора описана в «Дневниках» Л.Н. Толстого [6], рассказывающего свой кошмарный сон, когда он в ряду сотен таких же

бедолаг, плывет по реке, держась за какую-то доску, и слышит впереди шум водопада, понимая, что это – конец. Толстой лихорадочно пытается выбраться на берег, преодолевая отчаянное сопротивление реки и плывущих рядом, ему это наконец удается и он с трудом отдышавшись, видит ужасную картину человеческого бедствия, совершающуюся при «оглушенном сознании» (Вл.Соловьев) [5]. Чем «оглушено» сознание плывущих по течению людей? Не зовом ли смерти, который властно и требовательно и, главное, неотступно зовет в свои пенаты очередных адептов.

«Оглушенное сознание» это понятие, которое мы будем использовать для описания состояния сознания отдельного индивида, нашего современника, живущего во «Времени после» [3], характерного наличием общего посттравматического синдрома, связанного с антропологической катастрофой XX века и мечущегося в лихорадочных поисках средств, способных помочь ему сформировать точку идентичности, от которой он может оттолкнуться и вновь обрести утраченную целостность. Но на пути такого обретения стоит Смерть. То единственное, что, утратив трансцендентальное измерение своего бытия, «одномерный человек не в силах преодолеть, что разрушает его застывший мир. Вносит в него так старательно изгоняемую динамику. Оглушенное предстоящей картиной смерти сознание, не только не сопротивляется, оно не делает попыток хоть как-то замедлить, отсрочить неизбежный конец. Смерть в таком ракурсе не пугает и не удивляет индивида, смирившегося с



подобной участью. Тем не менее, в самых недрах рожденных к жизни масс, зреет и оформляется робкое стремление сопротивления неизбежному.

На роль тормозящего течение времени механизма пробуются практически любые человеческие практики, какие-то более успешно, другие менее успешно. Одним из таких механизмов, призванных отсрочить не только старение организма, что естественно для природного тела, но «заговорить», «заклясть», замаскировать старость и саму смерть становится спорт в самых неистовых его проявлениях. Спорт становится явлением тотальным и почти общеобязательным в среде обывателей. При этом даже если физическое развитие не позволяет быть активным потребителем спортивных практик, оказывается достаточным ощущать причастность к всеобщей моде и демонстрировать это ощущение окружающим, как зритель или болельщик. К теме спорта как механизма, редуцирующего целостность человека к естественно-животному полюсу, мы в статье еще вернемся.

С древнейших времен человек рассматривался в философской антропологической мысли как существо предельно антиномичное [4]. В современном мире человек предмет изучения огромного числа дисциплин, но ключевой антропологический вопрос : «Что это за сущее, для которого его собственное бытие является проблемой?», остается без ответа. Где современному человеку предстоит обрести себя или утратить? Многие явления современности настолько глобальны, что соучастие в них не-

заметно для самого человека – культура, политика, труд, искусство, спорт, современный человек везде и нигде.

Область спорта причислена к основополагающим видам деятельности не случайно, современный спорт, рождённый в недрах окончания второй мировой войны, был призван адсорбировать в себя, в свое содержательное тело остатки избыточной агрессии, отчаяния и ужаса, испытанного человечеством в период коллективного сумасшествия. Способен ли феномен спорта вырвать современного человека из его неукорененности в бытии и придать видимость устойчивого существования? Или это всего лишь очередная попытка спрятаться от проблемы экзистенциального выбора в область конечного наслаждения и удовольствия, редуцировать себя на уровень животного начала в человеке, запечатав физической активностью и физическим напряжением одновременно и память о прошлом и возможные проекты колонизации будущего? Называя XX век веком антропологической катастрофы, М.Мамардашвили [2] имел в виду трещину человеческого бытия, возникшую после столкновения человека с абсолютным злом, известная фраза Т.Адорно «Может ли быть поэзия после Освенцима» [1] до сих пор будоражит неравнодушные умы. В.Подорога, одним из первых отечественных мыслителей ставит вопрос о «Времени после», означая таким понятием посткатастрофическое время, т.е «... время, которое останавливает все другие времена; и появляется то, что зовут иногда безвременьем» [3, с.5]. Для отечественной культуры, в ши-



роком смысле слова, любая попытка осмыслить посткастрофическое время легитимна, касается ли это всего человека в целостности его бытия, или отдельных проявлений человеческого в человеке. Естественной реакцией на травму является попытка вычеркнуть воспоминания о перенесённой боли, забыть ее, если угодно – заболтать.

Современный спорт во всех своих проявлениях от детско-юношеского до профессионального, включая сюда и самостоятельные занятия граждан для укрепления здоровья, с определенного ракурса может рассматриваться как раз как такая волшебная таблетка, купирующая страх и отчаяние индивида перед собственной открытостью бесконечному космосу. Еще какую-то сотню лет назад функцию умиротворения и укоренения человека в бытии с разной степенью успешности или не успешности выполняла религия и, шире, трансцендентальное измерение бытия. Воинственная секуляризация сознания огромных людских масс, привела к практически полной утрате способности религии выступать краеугольным камнем, скрепляющем основание бытийной ипостаси человека. По нашему мнению именно современный спорт, превратившийся из средства обеспечивающего физическое существование человека, стал выполнять в современном обществе функцию собирания человека в нечто цельное и самодостаточное. Функция собирания человека, совершенно не свойственная спорту, превратила сам спорт в некий фетиш сознания, апологетами которого становятся все большие массы людей. То есть сам «человек спорта» ре-

дуцировал себя до своего тела, стремясь именно его продлить в бесконечное настоящее, преодолеть или отодвинуть телесную смерть.

В рамках антропологической традиции идущей от Платона, человек «срединное», разорванное существо, что собственно и делает его человеком. Вспомним утверждение Р.Декарта из «Четвертого размышления»: «... я являюсь чем-то средним между Богом и небытием, то есть между высшим бытием и не-бытием». Именно это положение мыслитель выдвигает в качестве причины возможного заблуждения и, соответственно, возникновения знаменитого декартовского «радикального сомнения».

Если Декарт считал «радикальное сомнение» методом, с помощью которого человек пытается сохранить связь с высшим началом, не утрачивая своей физической ипостаси, то современный человек оказывается под непроницаемым, свинцовым небом без будущего и вынужденно начинает все больше и больше усилий и внимания тратить на обеспечение своей природной сущности. Физкультурно-спортивная активность современного человека порождает в его «оглушенном сознании» иллюзию возможного продления вечной молодости, смерть, которая столетие назад была естественным итогом жизни и не вызывала избыточных переживаний: «Бог дал - Бог взял», для современного человека означает полную утрату бытия, которую необходимо отсрочить как можно на более долгий период. Возможно, что современному человеку стоит прислушаться к пророчествам Блаженного Августина, считавшего



грехом, порожденным гордыней, любые попытки построить Град Божий на земле. А что как не подобную попытку, можно трактовать в отношении придания конечного в человеке, его физической природе черт бесконечности, совершенно ей не свойственных.

Очевидно, что в описанной крайности главным противником смещения акцентов жизни к полюсу физической, природной ипостаси становится разум. Но «оглушенному сознанию» голос разума не слышен, от него банально отмахиваются как от назойливой мухи. Тем не менее, проблема соразмерности человеческого существа, распятого между конечным и бесконечным, не только не снимается. Она становится все более насущной даже в глазах пресыщенного конечными удовольствиями человека.

Следует подчеркнуть еще одну особенность современного спорта как механизма втискивающего индивида в окружающую социальность. Современный спорт насквозь социален и явлен, именно его социальность закрывает человеку путь к своей истинной, антропологической изначальности, не дает ему не просто ответить на вопрос о самости, а не дает возможности подобный вопрос даже поставить. «Быстрее, выше, сильнее!» Олимпийский девиз в своем исполнении не оставляет даже толки времени, куда мог бы проникнуть разум с рефлексивной процедурой сомнения. Ни о каком трансцендировании себя в область духа, в область не подвластную тлену современный спортивный человек не мечтает. Пафос активности не оставляет места пафосу созерца-

тельной жизни, если раньше об этом можно было говорить лишь как о тенденции, то сегодня такая практика тотальная реальность. В этом, кстати, принципиальное отличие древних Олимпийских игр, от современных Олимпиад.

Древние рассматривали спортивные состязания через призму творения гармонии из природного, несовершенного, но податливого в руках мастера, материала. Сегодняшние адепты спорта гармонию не творят, они только воспроизводят в промышленных масштабах фиктивные «шедевры на час». Вечность утратила свою привлекательность и императивность, на ее место встала вечная юность, рвущаяся не в бесконечность, а в ответственность. Как во времена библейского Ноя, люди стремятся выжать максимум из того срока, который им отпущен судьбой и природой, нагружая свою лодку удовольствиями сверх достаточно низких бортов.

«Оглушенное сознание» порождает сознание архаичное, примитивное в прямом смысле слова. Т. е. первое, натуральное, естественное. Современный спорт, рассмотренный с такой перспективы весьма удобный инструмент архаизации человеческого сознания, вызывающий к жизни древние, могучие инстинкты выживания и упаковывая их в блестящую словесную и смысловую оболочку. Становясь «одномерным» человек не просто утрачивает напряженную целостность, он утрачивает перспективу, что выражается словами современников того же Ноя весьма тривиально: «После нас хоть потоп». Калейдоскоп спортивных достижений делает человеческое тело



непогрешимым механизмом, своего рода «перпетуумом мобиле», износ или порча которого тут же заменяется подобным. Такова одна из граней реальности современного человеческого общежития, намертво впаянного в поток социальности, без возможности обращения к своей антропологической сущности, задаче удержания хрупкого равновесия между телесной, природной ипостасью и духовными устремлениями в бесконечность.

Литература

1. Адорно, Теодор Негативная диалектика / Теодор В. Адорно; перевод с немецкого Е. Л. Петренко. - Москва: АСТ, 2014. - 511 с.
2. Мамардашвили, Мераб Очерк современной европейской философии / Мераб Мамардашвили. - Спб.: Азбука, Азбука-аттикус, 2012. - 608 с.
3. Подорога, Валерий / В. Подорога. - М.: РИПОЛ-классик, 2017. - 268 с. : ил. - (KAIROS).
4. Рикёр, Поль Философская антропология. Рукописи и выступления 3 / Поль Рикёр. / Пер с франц. - М.: Издательство гуманитарной литературы, 2017. - 312 с.
5. Соловьев, Владимир Чтения о Богочеловечестве / В. С. Соловьев. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. - 251 с.
6. Толстой, Лев Собрание сочинений в 22-томах. / Л. Толстой М.: «Художественная литература». 1979.

Modern Sport in the Perspective of Philosophical Anthropology

Chernyshev V.P., Chernysheva L.G., Borodin P.V., Klimenko V.A.

Pacific State University, Armavir State Pedagogical University, Far Eastern State Medical University, Far Eastern State University of Railway Transport

The article deals with the experiment in regard of the topological location of modern sports. The status and place of this phenomenon in today's society is considered from the philosophical point of view. It is shown that sport is a multifaceted phenomenon and can appear in the official discourse not only from its usual positions, but also transmit deep human meanings and desires in addition to their formal will.

Keywords. Modern sport, Philosophical anthropology, sociality is formal and substantial, stunned consciousness.

References

1. Adorno, Theodore Negative dialectics / Theodore V. Adorno; translation from German by E. L. Petrenko. - Moscow: AST, 2014. -- 511 p.
2. Mamardashvili, Merab Essay on modern European philosophy / Merab Mamardashvili. - St. Petersburg: ABC, ABC-Atticus, 2012. -- 608 p.
3. Sublima, Valery / V. Sublima. - M.: RIPOL-classic, 2017. -- 268 p. : ill. - (KAIROS).
4. Ricoeur, Paul Philosophical Anthropology. Manuscripts and speeches 3 / Paul Ricoeur. / Translated from French. - M.: Publishing house of humanitarian literature, 2017. - 312 p.
5. Soloviev, Vladimir Readings on Godmanhood / V. S. Soloviev. - M.: AST Publishing House LLC, 2004. - 251 p.
6. Tolstoy, Leo Collected Works in 22 volumes. / L. Tolstoy M.: "Fiction". 1979.



Мир ртути: будущее середины XXI века в преломлении постмарксистских концептов

Шелест Д.А.

В статье рассматривается сценарий будущего середины XXI века, исходя из посылов ряда авторов-постмарксистов. Основной тезис заключается в том, что картина мира будущего формируется альтернативно существующим тенденциям и прогнозам. Основываясь на текущей трансформации мироустройства, автор выделяет наиболее значимые для будущего тенденции, которые к 2050 году сформируют новое состояние цивилизации – Мир ртути.

Ключевые слова: Будущее, 2050 год, Мир ртути, будущее цивилизации, роевые сообщества.

Возможность предвидения на срок 20 лет и более вызывает множество вопросов и к автору прогноза, и к методам прогнозирования. Точнее, столь удалённый временной горизонт, предполагает включение методов несколько иррациональных, которые роднят предиктора более с ветхозаветными пророками, нежели чем с учёными в обычном понимании. Однако и библейские откровения, и предсказания дельфийского оракула и прогностика сегодняшних дней объединяет одно – они естественно опираются на сегодняшнее состояние общества, материально-технической базы и возможные движущие силы исторического процесса. При этом возможности предвидеть будущее в начале XXI века сталкиваются с небывалыми переменами в общественных отношениях, развитии науки и техники и скорости изменений в самой структуре цивилизации. В этом контексте изучение мега- или микро-тенденций не дают будущей картины мира без холистичного осмысления движения человеческого сообщества и конкретных объектов прогнозирования.

Когда представители советского марксизма около полувека назад говорили: «Неспособность буржуазных футурологов дать научную картину будущего общества во многом объясняется неправильным



толкованием потребностей, их роли в общественном развитии» [1, с. 98], в определённой степени они предвидели клишированный мир Френсиса Фукоямы или повторяющиеся сериалы-антиутопии типа «Корпорации», «Свободного углерода» и «Чёрного зеркала»*. Причём в упомянутых, как и множестве других работ фиксируется состояние, описанное Арендт во второй половине XX века: «Кучка капиталистов снует по земному шару в хищническом поиске новых инвестиционных возможностей, играя при этом на стремлении к прибыли сверхбогатых и на азартных инстинктах сверхбедных» [2, с. 196]. В целом и творческие поиски в сфере искусства и научные работы отмечают «...явное отсутствие силы, которая “может двигать мир вперёд”» [3, с. 144]. И так же «...всё менее и менее очевидно, что должна сделать сила – любая сила, стремящаяся улучшить образ мира» [Там же, с. 144].

Как правило, западная прогнозистика исходит из очевидных и безусловных посылов: проблемы с ресурсной базой как возобновляемых, так и невозобновляемых источников; близкое достижение пика энергопотребления; снижение биоразнообразия и ухудшение состояния окружающей среды; рост неравенства и социальной напряжённости. Также оперируют посылами, реализация которых возможна с высокой степенью вероятности: увеличение количества локальных конфликтов; усложнение техники с понижением количества людей способных обслуживать её; переход экономики в менее ресурсоёмкие сферы; трансформация человека с помощью генетической ин-

женерии и технических устройств. При этом большая часть футурологов, говоря о второй половине XXI века, упорно мыслит в рамках единой общественно-экономической формации (капиталистической), упрощённо трактует взаимодействие цивилизаций (см. Тоффлер, Фукояма, Хантингтон) или подменяет долгосрочные прогнозы размышлениями о развитии науки и техники как детерминанты общественного развития (Виннер, Курцвейл). Всё это «...возникающее разнообразие нарративов вызывает к жизни ужасающий призрак постмодернистского релятивизма» [4, web] с одной стороны, а с другой формирует авторитарный метанарратив лиотаровского типа [5], которые и питают современную прогностику.

Возможно, поэтому использование методологических клише западной прогностики и футурологии даёт единообразную картину на всём временном горизонте. В подобно ключе стоит понимать и утверждения о том, что такого рода подход лишает человечество хоть сколько-нибудь вменяемого будущего [6]. Речь идёт не столько об отказе принимать во внимание мнение западных экспертов в области прогностики, а скорее о необходимости максимально критично оценивать их опыт. Прежде всего, в системе координат капиталистической парадигмы забывается о том, что, когда мы говорим о будущем, речь идёт о формировании нового органического целого. В свою очередь это процесс предполагает трансформацию настоящего под воздействием исторических предпосылок, законов развития и случайных событий, которые явля-



ется необходимым предшествующим развитию качественно нового состояния [7].

Исходя из изложенного, мы опирались на работы Иммануила Валлерстайна, который рассматривал социальную трансформацию во всей её полноте, отказываясь от «точечного» мышления [8]. Также во внимание принимался постмарксистский концепт Зигмунта Баумана «текущая современность», утверждающая новое состояние цивилизации: обширные сетевые связи негосударственных институтов, распад традиционных общественных отношений и номадизм как образ жизни [9]. Согласно Валлерстайну из мира-империй образовались миры-экономики, создав единую мир-систему с государствами ядра, полупериферии и периферии [10]. Учитывая то, что теория Валлерстайна получила достаточно фундаментальную критику ещё в период своего развития (см., например: Kellenbenz, Skocpol), уместно предположить, что не всё так однозначно в предлагаемом генезисе миросистемы. Например, Китай был миром-империей, затем стал периферией и, несмотря на то, что его относят к полупериферии на начало XXI века, можно утверждать, что на сегодняшний день он по праву считается государством нового ядра на уровне Евросоюза и Соединённых Штатов. В свою очередь в новой мировой трансформации такой статус как упомянутых государств, так и других ключевых игроков способен привести к перенапряжению экономических и социальных ресурсов в следующие 20-30 лет. Как следствие, допустимо отметить центростремительное ускорение субъектов

международных отношений, которое реализуется в полной мере к середине XXI века. И в этом случае речь уже идёт о генезисе новой системы мироустройства.

«Осознание» подобного факта со стороны упомянутых мировых игроков приводит к тому, что государства-гегемоны теряющие свою силу и свою привлекательность, готовы возвратиться к миру стран-империй [11]. При этом, устремления такого рода вовсе не означает воцарения *status quo*. Более того, возможность того, что в исторической перспективе до второй половины 21-го столетия воцарение империй маловероятно: единая мир-система вошла в период величайшей турбулентности в истории, на выходе из которой человечество получит совершенно иные структуры мироустройства. Таким образом, цивилизация приходит с одной стороны к невозможности сохранения капиталистического мироустройства как доминирующей модели, а с другой к несостоятельности реставрации имперских моделей. Подобное состояние верно зафиксировал Бауман: «Когда не существует высшего ведомства, присматривающего за порядком в обществе и охраняющим границы между правильным и неправильным, мир становится огромным набором возможностей» [12, с. 69].

Действующая система контроля миросистемы со стороны ведущих субъектов международного права оказывается несостоятельной с одной стороны, а с другой, не предполагает наличия центра (или центров), которые способны осуществлять контроль в рамках традиций XIX-XX веков. Вектор подобных изменений пытались опреде-



лить многие исследователи. Когда Ханна Арендт писала об упадке национального государства и падение прав человека [13], она сообщала текущему описанию мироустройства определённую инерцию даже не на двадцатое, а на двадцать первое столетие. Арендт не ставила задачу экстраполировать модель двадцатого столетия на будущее и, соответственно, описала весьма редуцированную модель, не пытаясь смоделировать иное общественное устройство. Позднее Агамбен более точно отметил, что при распаде традиционного государства, оно, как суверен, теряет право на насилие. В качестве параллельного процесса распространяется квази-насилие, превращая общности в лагерь, который и стал знаком, описывающим состояние западного мира [14]. А уже во втором десятилетии XXI века Уильямс и Шрничек размышляя в постмарксистском дискурсе, писали: «Стоящий перед нами выбор суров: либо глобализированный посткапитализм, либо медленная фрагментация человечества и движение к примитивизму, вечному кризису и планетарной экологической катастрофе» [15, web].

Рассматривая исследования в этой сфере, уместно заметить, что распространение цивилизационного кризиса очевидно, но при этом отсутствует видение того, как совершить качественный рывок из существующей мировой системы. Для этого, повторяя слова Бадью необходимо «...возродить живую идею общей альтернативы существующему порядку, ситуативные эксперименты, конфликтные, но способные включать практики неповиновения и нарушения границ,

наконец длительное и не менее экспериментальное размышление над вопросом организации» [16, с. 52].

Мы в свою очередь, пытаясь следовать тезису французского философа, выдвигает гипотезу о том, что цивилизация прошла точку бифуркации, и движение к фрагментации становится частью предэволюции в дальнейшем развитии человечества. Это будет своеобразный выход из того состояния, когда «Биологизация тела и технизация окружающей среды идут рука об руку в рамках одного и того же невроза навязчивых идей» [17, с. 312]. Также как сексуальная революция шестидесятых годов прошлого века перевела сексуальность из разряда табу в поле «легальных» социальных практик, так и новая эпоха конституирует слияние технического и биологического в новую общественную форму существования человека. Такой подход направлен на разрушение «закрытой синхронической системы» [18, web] сегодняшнего дня, которая существует в рамках капиталистической парадигмы будущего.

С точки зрения выдвижения альтернативных идей в этом направлении следует взять на вооружение гегелевскую максиму: «... философия должна начинаться лишь с некоторого гипотетически и проблематически истинного, и что философствование поэтому может быть сначала лишь искажением» [19, с. 55]. Таким образом, философская рефлексия заведомо предполагает выдвижение гипотезы, несхожей с существующими представлениями, однако очерчивающей, пусть и неровно, контуры будущего.



В качестве основной гипотезы автор отмечает наступление периода социальной раздробленности, в которой сложившийся экономический уклад будет расщеплён, выражаясь фразой Станислава Лема,** суммой технологий, а также расхождением общества и государства, которое приведёт к новому трайбализму [20] и радикальным искусственным изменением человека.

В складывающихся условиях реализация глобальных экономических и геополитических циклов состоится совершенно в ином ключе, а воплощение технологических новшеств типа искусственного интеллекта или вмешательства в геном человека будет распространяться в принципиально другом социальном поле. Упомянутые причины повлекут за собой новое состояние цивилизации, ранее обозначенное нами как «Мир ртути» [21], в силу условного совпадения свойств жидкого металла (текучести, тяжести, зеркальности и ядовитости) и будущего человечества со второй половины XXI века. Метафорическое обозначение гипотезы позволяет выделить определённые группы свойств, характерные для предполагаемого мира будущего.

«Текучесть» нового мира обещает быстрые и, самое главное, одновременные изменения в миграционных процессах, которые по своему объёму сопоставимы с Великим переселением народов, а также запуск и воспроизводство значительного числа инновационных решений. Всё это по утверждению Валлерстайна уже приводит к тому, что международная система, основанная на суверенитете

государства, «...накренится впервые в истории современной миротехники» [22, с. 102]. Как следствие традиционные общественные практики, национальные устои и этнические особенности будут находиться в условиях длительной трансформации. При таких переменах все цивилизационные структуры начнут перестраиваться на фоне зыбких, «плавающих» ценностей и теорий [23]. Радикальность изменений в социальной ткани различных обществ добавит распространённую практику вмешательства в геном человека *in vivo*. Всё это определит изменчивость как структурный модус цивилизации в середине XXI столетия.

В свою очередь трансформация общества в дальнейшем обернётся «тяжестью» нового цивилизационного уклада. Глокализация, о которой заговорили в конце XX века [24], постепенно пройдёт своё развитие от регионализации до полной локализации отдельных районов по всему миру. Экстраполируя этот процесс на будущее, можно предположить, что к пятидесятым годам этот процесс достигнет своего плато, что задаст вектор к своеобразной анклавной структуре всего человечества. Увеличение объёма техносферы приведёт к стратификации рабочего персонала в различных отраслях вплоть до кастового деления. В свою очередь тотальное вмешательство в геном человека в середине и во второй половине столетия, закрепит разделение *Homo sapiens* на социальные подвиды. Попытки же на локальном уровне сохранить традицию, которые уже на сегодняшний день порождают современный трайбализм и сектантство, сфор-



мируют идеологическую базу для утяжеления новых общин. И если Зиновьев, описывая будущее, говорил о человеичниках [25], то, опираясь на вышеизложенное, для грядущего общественного устройства уместнее избрать термин «роевые сообщества» [26]. Это определение подразумевает формирование автономных, автохтонных социумов с узкими каналами для внешнего обмена и миграции. Такие общества не будут обладать полной автаркией, но их контакты с другими общностями будут напоминать скорее межвидовой симбиоз. Одновременно с этим в роевых общинах будет происходить сегрегацию технологий, направленная на соответствие оставшихся имеющемуся базису и специализации в области генетической коррекции.

Схожесть элементов общественного устройства придаст своеобразную «зеркальность» новой цивилизации. Многообразие позднего модерна (постмодерна) истощит возможности маневрировать в культурных средах. Ресурсная ограниченность наложит определённую печать на экономические отношения, которые, в свою очередь, унифицируют роевые сообщества. Это состояние будет зафиксировано в схожести отношений внутри сообществ с размыванием этнической и национальной составляющих. Так будут формироваться идентичные общественные структуры, которые в силу изложенного будут представлять копии роевых общин в большей части мира. Так система получит направление к бесконечному воспроизводству новой социальной системы на определённом временном отрезке. Зеркально отображая друг

друга, роевые сообщества замкнутся в «панцирь неуступчивости» [27, с. 312] для внешнего мира. Несмотря на специализацию таких человеческих общностей относительно других роевых сообществ, структурно они будут отражением друг друга. Кроме безопасности это позволит соблюдать принципы экономии в бедном новом мире.

При этом внутреннее устройство таких структур несмотря на разницу в скорректированной генетике, телесности и специализации по техническим параметрам возможно напомнит средневековый цеховой уклад. Это будет своеобразным ответом предыдущей эпохе, в которой, как предполагалось экономические симулякры «...сами ликвидируют нас вместе с историей» [там же, с. 96]. Такие предпосылки обеспечат торможение социальных перемен, вызываемых постоянной акселерацией технологий со второй половины 20-го столетия.

«Ядовитость» Мира ртути не будет новостью. Она станет логичным завершением кризисов перепроизводства, борьбы за рынки и оптимизации производств. Состояние окружающей среды будет балансировать на грани всепланетной экологической катастрофы в том числе и потому, что при мироустройстве первой половины XXI века разрешение экологического кризиса представляется маловероятным. Необходимость решать экологические проблемы с одной стороны, а с другой «...осуществление масштабных природоохранных мер могло бы стать тем жёстким ударом, который окончательно подорвёт жизнеспособность капиталистического ми-



рохозяйства» [28, с. 112]. На сегодняшний день это выливается в то, что капитализм перекладывает экологические издержки на общество, что не может продолжаться бесконечно. Наследуя ядовитость окружающей среды, Мир ртути перейдёт на более рациональное хозяйствование. Нересурсоёмкие отрасли типа медицины, образования, переработка отходов станут доминировать в экономике будущего. Воспроизводство таких форм производства и обеспечения будет формировать и определённые социальные отношения, которые приведут к тотальному снижению потребления, новым альтруистическим традициям и идеологии ресурсосбережения. Естественно, что речь идёт об оптимистическом сценарии в рамках ртутного мира.

Перечисленные выше «ртутные свойства» дадут синергический эффект воздействия на цивилизацию, что повлечёт за собой качественные изменения в формировании человеческого сообщества будущего. При этом речь идёт не о предсказываемой сингулярности [29], но скорее о формировании новых социальных практик и структур на фоне технологического разнообразия и трансформации человека. Независимо от состояния государственного аппарата человечество будет склонно к образованию малых групп, которые и станут социальной единицей будущего. Условно их можно назвать роевыми сообществами в силу чёткой социальной стратификации, которая будет сопровождаться максимальной специализацией и приобретением конкретных навыков в узкой сфере, а также возможной коррекцией генома человека для

закрепления исполнения более качественного исполнения своей функции в рамках такого социума. И если для предыдущего мира, по мнению Бодрийяра, «...идеальным типом тела является робот» [30, 216], то для Мира ртути это будет генетически трансформированный человек.

В свою очередь роевые сообщества не будут представлять из себя антиутопию. Скорее они будут защитной реакцией обществ развитых стран на ослабление государственной власти при росте издержек на управление и засилии бюрократических структур. Высокий уровень технической специализации, который будет сочетаться с произвольной генетической коррекцией позволит малым группам иметь влияние как на государства, так и на схожие группы. Человечество войдёт в мир с ограниченным потреблением. Широко распространятся коммунитарные формы собственности, что вызовет к жизни и коммунитаристские движения.

Таким образом, новое состояние цивилизации будет ознаменовано собой переходный этап от мира модерна к новому состоянию человечества. Мир ртути не представляет из себя этерналистическую модель будущего человечества, наоборот, кардинальная перемена структуры современных обществ является залогом того, что человек не заперт в будущем, определяемым парадигмами модерна (либерализм, консерватизм и социализм). Более того, вместе с этим трансформация человеческой общности по сценарию Мира ртути имплицитно включает в себя перекрывааемый гуманистический потенциал.



Ссылки:

1. телевизионные сериалы производства Великобритании и США.

2. Лем, Станислав. «Сумма технологий».

Литература

1. Мазур, В. Н. Методологические проблемы социального предвидения/ Изучение потребностей общества - условия предвидения и планирования, стр. 85-98// В. Н. Мазур, под. ред. В. И. Куценко. Киев, «Наукова думка», 1977. – 348 с.

2. Арндт, Ханна. Истоки тоталитаризма. Ханна Арндт/ М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.

3. Бауман, Зигмунт. Текущая современность/ Зигмунт Бауман, СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

4. Джеймисон, Фредрик. Барьер времени.

<http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-1-2015/26642-barer-vremeni.html> [эл. журнал] «Неприкосновенный запас» №1, 2015, Доступ 15.11.2018.

5. Лиотар, Жан-Франсуа. Состояние постмодерна/ Жан-Франсуа Лиотар. СПб.: Алетейя, 2016. – 160 с.

6. Панарин, А. С. Глобальное политическое прогнозирование/ А. С. Панарин. М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 352 с.

7. Вазюлин, В. А. Логика истории: Вопросы теории и методологии/ В. А. Вазюлин. М.: ЛЕНАНД, 2015. - 384 с.

8. Валлерстайн, Имманюэль. Конец знакомого мира: Социология XXI века/ Имманюэль Валлерстайн. М.: Логос, 2004. – 368 с.

9. Бауман, Зигмунт. Текущая современность/ Зигмунт Бауман, СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

10. Валлерстайн, Иммануил. Мир-система Модерна. Том III.

Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730-1840-е годы/ Иммануил Валлерстайн, М.: Русский фонд содействия образования и науке, 2016. – 528 с.

11. Хардт, Майкл, Негри, Антонио. Империя/ Майкл Хардт, Антонио Негри. М.: Праксис, 2004. – 440 с.

12. Бауман, Зигмунт. Текущая современность/ Зигмунт Бауман, СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

13. Арндт, Ханна. Истоки тоталитаризма. Ханна Арндт/ М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.

14. Агамбен, Джорджо. Номос Сасер. Суверенная власть и голая жизнь/ Джорджо Агамбен, М.: Европа, 2011 – 256 с.

15. Уильямс, Алекс, Шрничек, Ник. Манифест акселерационистской политики// журнал «Логос», № 2, 2018/ Алекс Уильямс, Ник Шрничек, М.: Изд. Фонд «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2018. 7 – 20 с.

16. Бадью, Ален. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью/ Ален Бадью. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013. - 192 с.

17. Бауман, Зигмунт. Текущая современность/ Зигмунт Бауман, СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

18. Джеймисон, Фредрик. Барьер времени.

<http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-1-2015/26642-barer-vremeni.html> [эл. журнал] «Неприкосновенный запас» №1, 2015, Доступ 15.11.2018.

19. Гегель. Наука логики. Т. I. Объективная логика/ Гегель, Primedia E-launch LLC, 2017. – 540 с.

20. Бьюкенен, Патрик Дж. Смерть Запада/ Патрик Дж. Бьюк-



кенин. М.:ООО «Издательство АСТ», 2003. – 444 с.

21.Шелест, Дмитрий. Хаос будущего: Мир ртути/ Дмитрий Шелест. Владивосток, «Русский остров», 2016. – 332 с.

22.Валлерстайн, Имманюэль. Конец знакомого мира: Социология XXI века/ Имманюэль Валлерстайн. М.: Логос, 2004. – 368 с.

23.Бодрийяр, Жан. Символический обмен и смерть/ Жан Бодрийяр. М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2011. - 392 с.

24.Robertson, Roland. The Journal of International Communication, Volume 1, 1994 - Issue 1: Gulf & Beyond: Broadcasting International Crises// Globalisation or glocalisation? 33-52 p.

25.Зиновьев, Александр. Глобальный человек/ Александр Зиновьев. М.: Эксмо; Алгоритм, 2006. – 448 с.

26.Шелест, Дмитрий. Хаос будущего: Мир ртути/ Дмитрий Шелест. Владивосток, «Русский остров», 2016. – 332 с.

27.Бодрийяр, Жан. Символический обмен и смерть/ Жан Бодрийяр. М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2011. - 392 с.

28.Валлерстайн, Имманюэль. Конец знакомого мира: Социология XXI века/ Имманюэль Валлерстайн. М.: Логос, 2004. – 368 с.

29.Kurzweil, Raymond. Singularity is Near: When Humans Transcend Biology/ Raymond Kurzweil, Penguin Books, 2006. – 672 p.

30.Бодрийяр, Жан. Символический обмен и смерть/ Жан Бодрийяр. М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2011. - 392 с.

The world of mercury: the future of the middle of the 21st century in the refraction of post-Marxist concepts

Shelest D.A.

FEFU

The scenario of the future mid-XXI century is looked in the article based on messages of a number of post-marxist authors. The main thesis is the picture of future world could form alternatively to existing trends and forecasts. The researcher highlights the most significant trends for the future based on the current transformation of the world order, which by 2050 will form a new status of civilization – the Mercury world.

Keywords: The future, 2050, the Mercury World, the future of civilization, Swarm communities.

References

1. Mazur, V. N. Methodological problems of social foresight / Studying the needs of society - the conditions of foresight and planning, pp. 85-98 // V. N. Mazur, p. ed. V.I. Kutsenko. Kiev, Naukova Dumka, 1977. - 348 p.
2. Arendt, Hannah. The origins of totalitarianism. Hannah Arendt / M. : TsentrKom, 1996. -- 672 p.
3. Bauman, Zygmunt. Flowing Modernity / Sigmunt Bauman, St. Petersburg: Peter, 2008. -- 240 p.
4. Jamieson, Fredrick. The barrier of time. <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz1-2015/26642-barer-vremeni.html> [email. magazine] "Safe Reserve" No. 1, 2015, Access 11/15/2018.
5. Lyotard, Jean-Francois. The state of postmodern / Jean-Francois Lyotard. St. Petersburg: Aletheia, 2016. -- 160 p.
6. Panarin, A. S. Global political forecasting / A. S. Panarin. M.: Editorial URSS, 1999. -- 352 p.
7. Vazyulin, V. A. The logic of history: Questions of theory and methodology / V. A. Vazyulin. M. : LENAND, 2015. -- 384 p.
8. Wallerstein, Immanuel. The End of a Familiar World: 21st Century Sociology / Immanuel Wallerstein. M. : Logos, 2004. -- 368 p.
9. Bauman, Zygmunt. Flowing Modernity / Sigmunt Bauman, St. Petersburg: Peter, 2008. -- 240 p.
10. Wallerstein, Immanuel. Modern world system. Volume III The second era of the great expansion of the capitalist world-economy, 1730-1840s / Immanuel Wallerstein, M. : Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2016. - 528 p.
11. Hardt, Michael, Negri, Antonio. Empire / Michael Hardt, Antonio Negri. M. : Praxis, 2004. -- 440 p.



12. Bauman, Zygmunt. *Flowing Modernity* / Sigmunt Bauman, St. Petersburg: Peter, 2008. -- 240 p.
13. Arendt, Hannah. *The origins of totalitarianism*. Hannah Arendt / M. : TsentrKom, 1996. -- 672 p.
14. Agamben, Giorgio. *Homo Sacer. Sovereign Power and Naked Life* / Giorgio Agamben, Moscow: Europe, 2011 - 256 p.
15. Williams, Alex, Srnichek, Nick. *Manifesto of Accelerationist Politics* // Logos Magazine, No. 2, 2018 / Alex Williams, Nick Srnichek, Moscow: Izd. Foundation "Institute of Economic Policy named after E.T. Gaidar", 2018. 7 - 20 p.
16. Badiu, Alain. *Philosophy and event. Conversations with a brief introduction to the philosophy of Alain Badiou* / Alain Badiou. M. : Institute for General Humanitarian Research, 2013. - 192 p.
17. Bauman, Zygmunt. *Flowing Modernity* / Sigmunt Bauman, St. Petersburg: Peter, 2008. -- 240 p.
18. Jamieson, Fredrick. *The barrier of time*. <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz1-2015/26642-barer-vremeni.html> [email. magazine] "Safe Reserve" No. 1, 2015, Access 11/15/2018.
19. Hegel. *The science of logic. T. I. Objective logic* / Hegel, Primedia E-launch LLC, 2017. -- 540 p.
20. Buchanan, Patrick J. *Death of the West* / Patrick J. Buchanan. M.: LLC "Publishing house AST", 2003. - 444 p.
21. Shelest, Dmitry. *Chaos of the Future: World of Mercury* / Dmitry Shelest. Vladivostok, "Russian Island", 2016. - 332 p.
22. Wallerstein, Immanuel. *The End of a Familiar World: 21st Century Sociology* / Immanuel Wallerstein. M. : Logos, 2004. -- 368 p.
23. Baudrillard, Jean. *Symbolic exchange and death* / Jean Baudrillard. M. : "Dobrosvet", "Publishing house" KDU "", 2011. - 392 p.
24. Robertson, Roland. *The Journal of International Communication, Volume 1, 1994 - Issue 1: Gulf & Beyond: Broadcasting International Crises // Globalization or glocalisation?* 33-52 p.
25. Zinoviev, Alexander. *Global humane* / Alexander Zinoviev. M. : Eksmo; Algorithm, 2006. -- 448 p.
26. Shelest, Dmitry. *Chaos of the Future: World of Mercury* / Dmitry Shelest. Vladivostok, "Russian Island", 2016. - 332 p.
27. Baudrillard, Jean. *Symbolic exchange and death* / Jean Baudrillard. M. : "Dobrosvet", "Publishing house" KDU "", 2011. - 392 p.
28. Wallerstein, Immanuel. *The End of a Familiar World: 21st Century Sociology* / Immanuel Wallerstein. M. : Logos, 2004. -- 368 p.
29. Kurzweil, Raymond. *Singularity is Near: When Humans Transcend Biology* / Raymond Kurzweil, Penguin Books, 2006. - 672 p.
30. Baudrillard, Jean. *Symbolic exchange and death* / Jean Baudrillard. M. : "Dobrosvet", "Publishing house" KDU "", 2011. - 392 p.



Социология международных отношений: Анти-Киссинджер. (По поводу книги Генри Киссинджера «Мировой порядок»)

Васецкий Н.А.

В статье профессора кафедры социологии международных отношений Н.А. Васецкого анализируются основные положения книги Генри Киссинджера «Мировой порядок». Автор статьи привлекает для анализа работы отечественных политических деятелей и социологов: С.В. Лаврова, Г.А. Зюганова, В.И. Добренёва, Л.Н. Доброхотова и др. В статье высказываются объективные оценки представленного Киссинджером западно-либерального проекта мирового порядка. Представляются варианты таких же проектов отечественных политиков и социологов. Ключевые слова: социология международных отношений, Г.Киссинджер, мировой порядок

Ex libris (Из книг)

Не нами замечено, что в истории науки бывали случаи, когда выход в свет книги оказывал не меньшее, а может даже большее влияние на развитие научной мысли и практики, чем целые институты и школы.

Именно так произошло после выхода в свет книги Ф. Энгельса «Анти-Дюринг. Диалектика природы» (1878) [17]. Работа друга К. Маркса оказала громадное воздействие на развитие теории и практики социализма, утверждения его в виде мирового феномена.

Книга М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) [3; 44-271] заставила многих по-новому воспринимать происхождение и утверждение в мире капитализма как общественной формации. Книга значительно расширила не только этические, но и этнические рамки исследования буржуазного общества на рубеже XIX-XX вв.

Эта традиция продолжается и в XXI веке. В России вышла переведённая на русский язык книга Генри Киссинджера «Мировой порядок». Сможет ли она оказать воздействие на поиск новой парадигмы развития современных международных отношений и мировой политики?



Ответить на этот и многие другие вопросы мирового устройства помимо Киссинджера пытаются специалисты и в нашей стране. Вот некоторые из последних по времени публикаций.

В серии «Служить России» издательства «Книжный мир» вышла в свет книга министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова «Мы – вежливые люди! Размышления о внешней политике» [12]. Автор показал разбалансированность современного мира, в котором прежние скрепы мирового порядка «поплыли», правила взаимоотношений нарушены. Как никогда актуализировалась острейшая потребность ответов на цивилизационные вызовы современности.

Председатель Компартии Российской Федерации, доктор философских наук Г.А. Зюганов в новой книге «Россия под прицелом глобализма» [10] считает, что в XXI веке начался новый передел мира. В книге раскрываются перипетии битвы между государствами и цивилизациями за новое мироустройство, содержится критика троцкистской версии глобализма, показывается жизненная сила мирового социализма, вставшего на путь возрождения.

В серии «Глобальный мир и современная Россия» московского издательства «Академический проект» опубликован трехтомник В.И. Добренькова: «Глобализация. Сущность, проявления и социальные последствия» [6], «Глобализация духовности» [5] и «Глобальная политика и новый мировой порядок» [7]. В этих книгах раскрываются смысл глобализации и структура мирового порядка, показывается

место и роль России в мировой политике.

В том же издательстве (не станем скромничать) вышла в свет и книга автора этих заметок: «Социология истории России. Т. 1. Базовые смыслы и ценности. (Записки социолога)» [2]. В ней рассматриваются страновые аспекты мирового порядка, раскрывается социологическая категория исторической памяти, показывается её связь с современностью, анализируются ответы Российской Федерации на цивилизационные вызовы времени.

Аналізу развернувшейся в XXI в. новой «холодной войны» посвящена книга Л.Н. Доброхотова «Россия – Америка: новая «холодная война». Джордж Кеннан как её пророк» [8].

Перечень изданий можно продолжить и дальше, в зависимости от книжных и научных предпочтений авторов и их читателей. О чём говорят эти книжные новинки последних лет? Прежде всего о том, что, несмотря ни на что, жизнь продолжается. Как любил говорить по этому поводу поэт и философ Ф. Гёте: «Мертва теория, а древо жизни вечно зеленеет».

Вместе с движением жизни продолжают поиски ответов и на ещё один неугасимый вопрос: что же всё-таки первично – идея или материя? А применительно к социологии международных отношений и мировой политики – наука или политика? Кто кому служит? Кто за кем и за чем следует – учёные за политиками или политики за учёными?

Генри Киссинджер ответил для себя и своих поклонников: оба направления общественной жизни важны. Они дополняют, а значит



вливают друг на друга. В своём лице Киссинджер соединил два статуса – политика и социолога-международника.

Госсекретарь США при президентах Р. Никсоне и Дж. Форде (1973-1977) профессор Гарвардского и Джорджтауновского университетов. В настоящее время не только пишет книги, но и ездит по всему свету с популяризацией теории и практики международных отношений и мировой политики.

Вот эти, а может быть и ещё какие-нибудь привходящие обстоятельства и подтолкнули автора этих заметок поразмышлять вместе с членами Российского общества социологов – ассоциации российских социологов и читателями журнала «Социология» о новой книге Г. Киссинджера «Мировой порядок».

Книжная политика

В США книга Киссинджера была впервые опубликована в 2014 г. Сказать, что она наделала много шума? Вряд ли. По крайней мере Интернет не всполошился, как это происходит в аномальных случаях.

В России перевод книги Киссинджера вышел почти синхронно – в 2015 г. в московском издательстве АСТ. А затем – повторно в 2018 и 2019 годах в том же издательстве, в рубрике «Эксклюзивная классика».

С англ. «exclusive» переводится на русский язык как «исключительный, единственный». Под статью этому определению издательством дана и аттестация рубрики – «книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения».

Как книга Киссинджера изменила мир не уточняется. Также не

называются и конкретные поколения, которые объединил её автор. Видимо, не случайно. Потому что разбор этой книги производит несколько иное впечатление, чем заявленное издательством.

Любая книга что-то меняет пусть не во всём мире, то хотя бы в научной отрасли, которой посвящена. Объединяют или разъединяют поколения людей авторы книг трудно сказать однозначно. Случается по всякому. Не зря ведь говорится, что у каждой книги, как и у авторов книг, своя судьба. Как эти судьбы воплощаются в судьбах читателей судить не берёмся. Бесплезное занятие. Ясно одно, если автор книги «Мировой порядок» сумел объединить пусть не поколения, а хотя бы двух-трёх человек по разные стороны Атлантического океана, уже хорошо.

Лев Толстой когда-то заметил, что, если его книги читает хотя бы один читатель, он будет писать их для этого читателя. Классик заметил это что называется в сердцах. Обиделся на негативное восприятие читающей общественностью России его замечательной повести «Крейцера соната» [14; 7].

В повести Толстой, как помнится, впервые в русской литературе очень обстоятельно разобрал альковные взаимоотношения супругов. За что повесть и была подвергнута общественностью остракизму. Мол, слишком откровенно, почти что литературная порнография. Интересно, как бы российская общественность конца XIX века оценила современную литературную продукцию в Российской Федерации? ...

Как бы там ни было в нашей истории, но в современном мире издательство АСТ настаивает на



своей оценке книги Киссинджера как уникальной. Именно поэтому издаёт её тиражом в 4000 экз. По современным меркам для России, да ещё в коммерческом издательстве, работающим не на содержание, а на рубль, книги социально-политической тематики такими тиражами уже давным-давно попросту не издаются.

К тому же объёмом в 544 стр., что по типографским меркам приравнивается к 23,93 усл. п. л., а по научным – как минимум к двум докторским диссертациям. И это при том, что речь идёт о книге не оригинальной, а переводной, с английского на русский язык. Переводчики В. Желнинов и А. Милюков.

Рыночная стоимость перевода одного печатного листа зарубежных изданий оценивается как минимум в долларах с тремя нулями. Коммерческое издательство в убыток работать не станет. Значит кто-то оплачивает его услуги? Кто, в России, может заниматься такой с позволения сказать благотворительностью? И кому понадобился Киссинджер с его «Мировым порядком»?

Но и это ещё не всё. Приключения американской книги в России продолжаются. Это, как мы уже заметили выше, её третье за четыре календарных года переиздание. Как будто кто-то гонится за издательством или оно явно спешит отличиться перед кем-то. Первое и второе издания опубликованы тиражами по 3000 экз. каждое. Итого – 10 тысяч.

Для сравнения. Книга действующего министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова «Мы – вежливые люди! Размышления о внешней политике»

издавалась только два раза – в 2017 и 2018 гг. и тиражами всего лишь по 1000 экз. каждое издание. Следовательно, в сумме – 2 тыс. Меньше чем книга Киссинджера в 5 раз! Случайность или тенденция? Как там по русской поговорке: «Что имеем не храним, потерявши плачем»?

Вот такая книжная политика в Российской Федерации. Уважаем иностранных авторов. Как в советские времена предпочитали журнал «Иностранная литература» всем остальным журналам по русской и советской литературе. А нам говорят, что читатели в нашей стране перестали интересоваться зарубежными изданиями. Врут как всегда...

Действующий политик

Киссинджер в нашей стране стал популярным не только писателем, вроде бы соединяющим поколения, но и действующим политиком без всякого «вроде бы». На его примере целиком подтверждается известная истина – в политике, как и в армии, бывших не бывает. Все оказываются действующими, чем бы они не занимались.

Киссинджера принимает в Кремле Президент Российской Федерации В.В. Путин. Беседует на актуальные темы международной жизни. Киссинджер участвует в различных конференциях и публичных дискуссиях. Выступает с докладами. Делится многогранным опытом дипломатической работы.

В России конкуренцию Киссинджеру мог бы составить только один-единственный человек. Но, он, к сожалению, уже покойный. Это – тоже крупный политический деятель и учёный из США З. Бжезинский.



За пару лет до его смерти мы беседовали лично с этим знатоком мировой геополитики на Валдайском форуме в Ярославле. Очень интересный оказался собеседник. На форуме он выступил с сообщением. Сумел уложиться в 10 минут.

Злые языки в коридорах судачили, что Бжезинский за свой визит запросил с организаторов форума ни много ни мало, аж 40 тысяч американских долларов. И что ещё удивительнее, утверждают, что заплатили.

В советское время автор этих заметок как лектор Всесоюзного общества «Знание» тоже ездил по стране и даже за рубежом побывал с лекциями по историческому опыту КПСС, перестройке и ускорению развития социализма в СССР. Так вот, официально заявляю, что мне как доктору наук и профессору за одну лекцию продолжительностью не 10 минут, а от часа до полутора часов, платили 10 рублей. На тот период это равнялось чуть меньше 15 долларов. В СССР доллар оценивался в 60 копеек, а не 65 рублей как в Российской Федерации в 2019 году.

Как вам такая щедрость советского агитпропа? Это у нас в России знания – ничто. А на Западе они, как и предсказывал английский масон и по совместительству философ Фрэнсис Бекон – сила!

Автору этих заметок старые работники ЦК КПСС по секрету рассказывали, что секретарь ЦК КПСС М.А. Суслов, как главный партийный идеолог во времена правления Л.И. Брежнева, чуть не повесился, когда узнал, кто был автором знаменитого лозунга Всесоюзного общества «Знания» – «Знание – сила!». Им, как выяснилось выше, был Ф. Бекон.

Между тем, М.А. Суслов искренне считал самого себя автором этой репризы и очень гордился ею. Как и другой метафорой, позаимствованной уже у В.И. Ленина и занесённой в партийный билет члена КПСС: «Ум, честь и совесть нашей эпохи!».

Вот такие исторические параллели и куплеты навевают варяжские или уже американские гости во время своих визитов в нашу страну.

Вряд ли у кого-то могут возникнуть сомнения или возражения против издания таких книг, как книга «Мировой порядок». Да ещё известных всему миру зарубежных писателей, каким безусловно является Генри Киссинджер. Особенно, если учесть развернувшийся по всему миру дискурс о новой парадигме международных отношений и мировой политики.

Всё так. Если бы не одно небольшое «но», мимо которого как ни старайся, но не пройдёшь, чтобы не зацепиться.

Бильдербергский клуб

С именем Киссинджера связана не только публикация интересных и нужных книг. Но и деятельность не менее интересной международной организации под названием Бильдербергский клуб. Киссинджер является одним из самых активных участников заседаний клуба. Последний по времени пример.

30 мая – 2 июня 2019 г. состоялась 67-я по счёту ежегодная встреча участников клуба. Она проходила неподалёку от швейцарского городишки Монтрё в средневековом замке времён Священной римской империи Щильон. Клубная элита Запада терпеть не



может открытости и городского шума. Всегда, везде, и всё – в тишине. Видимо, есть от чего прятаться.

Публично демонстрируемая цель клуба – поддержание диалога между разными элитами мировых центров власти. После чего формулируются негласные предложения исполнительным властям государств, которые представляют постоянные члены клуба. И попутно – неправительственным структурам, руководству ведущих мировых ТНК (транснациональных корпораций) и прочим новодамам современной мировой политики.

По сведениям, просочившимся в СМИ, среди участников 67-го заседания были замечены советник президента США Д. Трамп Джаред Кушнер, премьер-министр Нидерландов Марк Рюгге, министр обороны Германии Урсула фон дер Лайен, министр экономики Франции Брюно Ле Мэр, генеральный директор ЮНЕСКО Одри Озуле, генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг, король Нидерландов Виллем-Александр. И, естественно, Генри Киссинджер.

Мировое масонство

В массовом порядке евреев в ряды мирового масонства стали принимать со времён Бенджамина Дизраэли, итальянского финансиста и торговца, эмигрировавшего в начале XIX века на Британские острова. Посредством денег и поддержки семейства Ротшильдов этому проходимцу удалось сделать головокружительную карьеру. При правлении королевы Виктории он стал 40 и 42 премьер-министром Великобритании. Также впервые для этой страны. Ему

опять-таки впервые в Англии как этническому еврею был пожалован графский титул Биконсфильда.

Хотя считается, что исторически образование масонства произошло гораздо раньше. При правлении Кромвеля в 1657-1660 г. и совпало с возвращением евреев в Англию, откуда они были изгнаны в 1290 г [1].

Главой мирового масонства с XVII века становится по должности английская королева. Вот эта королева и поспособствовала еврейской диаспоре Англии войти в состав высшей элиты страны. Разумеется, не бесплатно. В мировом масонстве возникает фракция так называемого «жидо-масонства», как окрестили эту фракцию её непримиримые критики, хотя масонство по сути космополитично и не позиционирует чью бы то ни было национальность.

Стыковка с еврейским фактором облегчалась самим содержанием масонства. Несмотря на декларируемый космополитизм, символы и ритуалы масонства имеют еврейское происхождение. Идеология опирается на Ветхий Завет. Летоисчисление ведётся не с рождения Христа, а с мифического сотворения мира. В масонстве евреи обрели наконец желанное равноправие. Смогли провозгласить строительство Великого Храма человечества. В переводе на язык политики – нового мирового порядка под еврейской эгидой [1].

Критики «жидо-масонства» усматривают в его действиях всемирный заговор, направленный на разложение христианства руками самих христиан. Излюбленная тактика многих еврейских диаспор в различных странах.



Вспомнить хотя бы историю Хазарии. Л.Н. Гумилёв блестяще описал как небольшая иудейская община в 10 тыс. членов смогла почти что три века контролировать деятельность 20-ти миллионного по населению Хазарского каганата. Пока не была распылена в середине IX в. в ходе военного похода Святослава, великого князя Киевского, сына равноапостольной княгини Ольги, первой на Руси принявшей православие, ещё до Крещения в 982 г. всей русской цивилизации.

Опасения критиков «жидомасонства» на его мировые претензии не беспочвенны. Мировое масонство представлено в разных формах и юрисдикции по всему миру. Число членов (разумеется, приблизительно, масоны всячески конспирируют свою деятельность) достигает 6 миллионов человек. В XX в. в ряды масонов стали принимать также женщин. Организация приобрела универсальный, а не гендерный как прежде, характер.

Больше всего масонов в США – 2 млн. В Западной Европе – 1 млн. Самая крупная масонская организация – Объединённая великая ложа Англии (United Grand Lodge of England – UGLE). Насчитывает свыше 300 тыс. членов. Возникла в 1717 г. Руководитель – Великий магистр – член королевской семьи Великобритании.

Отцы-основатели Европейского союза никогда не скрывали масонского происхождения этой интеграционной структуры. Масонская этногеоархитектура положена в основу всей храмовой организации Евросоюза как способа разграничения компетенции Союза и его государств-членов. Закреплена в

Маастрихском договоре, юридически учредившем Европейский союз (1992 г.).

Сегодня политическая элита в странах Западно-христианской цивилизации не только не стесняется признавать своё членство в масонских ложах, но и бравурит им. Из 45 президентов США только трое не были масонами. Д. Кеннеди – убит. Р. Никсон – подвергнут импичменту. Д. Трамп – унижаемый и оскорбляемый.

Масонство превратилось в интернационал. Тайный политический профсоюз. Он объединяет политиков разных убеждений, финансистов разных мировых структур, проходимцев и мздоимцев всех мастей, для которых нажива и что ещё важнее – власть, превыше всего.

В XXI в. на Западе по сути масонство, а не государственные институты и партии, становятся стеновым хребтом всей политической системы [9; 257-258].

Масонство пустило корни и в Российской Федерации. Ельцин вступил в Мальтийский орден в 1991 г. накануне первых президентских выборов в РСФСР ещё в составе СССР (1990), что обеспечило ему поддержку масонского закулисья. Великим магистром этого ордена был император Павел I. Хотя это не помогло ему. Убит группой масонских заговорщиков при посредничестве английской короны.

Список рыцарей Мальтийского ордена в российской политической и экономической элите опубликован в Интернете [2]. Среди них известные фамилии: Бородин П.П., Бурбулис Г.Э., Илюшин В.В., Костилов В.В., Примаков Е.М. (покой-



ный), Кобзон И.Д.(покойный), Руцкой А.В., Филатов С.А., Шахрай С.М., Юмашев В.Б., Ястржембский С.В. и многие др.

Ни Путин, ни Медведев, ни Лавров, ни Шойгу никогда не имели ничего общего с мировым масонством. Чего нельзя сказать о всей Администрации Президента и всём Правительстве Российской Федерации.

Тем не менее можно без особых сомнений отметить, что при современном мировом порядке, если не все, то важнейшие политические и экономические решения готовятся, а затем принимаются в тиши закрытых организаций. Кстати, эту особенность мировой политики неоднократно подчеркивает в своей книге и Киссинджер.

Гласность и открытость в мировой политике всё больше скатываются в условность. Избирателям в странах Западно-христианской цивилизации предоставляется выбирать из кандидатов, подобранных масонской закулисой. Им обеспечивается поддержка финансами и СМИ, контролируемые всё той же закулисой. В этой системе народам отводится роль статистов, которыми умело манипулируют с помощью отработанных политтехнологий.

Что делать?

Бороться с «духом Бильдерберга» на его площадке представляется малоубедительной затеей. Вряд ли можно победить то, что ты не контролируешь и даже не владеешь всеми деталями процесса. Те, кого из России иной раз приглашают на заседания Бильдербергского клуба, – Явлинский, Чубайс, Мордашов, Латынина и проч. предста-

вители западного либерализма в нашей стране, – «шестёрки» в предбаннике «семёрки», как выражается Г.А. Зюганов. От «шестёрки» толку мало.

Тем более, как можно бороться с такими, например, рекомендациями Бильдербергского клуба, которые были выработаны на его 67-м заседании по следующей повестке дня: создание стабильного мирового порядка; ситуация в Европе с брекситом Великобритании; изменение климата; использование природных ресурсов без истощения их запасов; обстановка вокруг Китая и России; этика искусственного интеллекта; социальные сети как оружие в гибридной войне; будущее капитализма; киберугрозы; космос и др.

И зачем с ними бороться? Их попросту следует изучать наравне с другими рекомендациями и использовать в своих интересах. Здесь как нельзя кстати годятся рецепты старинной русской мудрости: «Если не можешь победить врага, обними его».

Именно так, как нам представляется, и поступают Кремль, Фрунзенская набережная (министерство обороны) и Смоленская площадь (министерство иностранных дел) со своими доверенными командами. В этом качестве фигура Киссинджера, пожалуй, одна из немногих, которую вполне можно назвать знаковой.

Примаковские чтения

В июле 2017 г. в Москве состоялись так называемые Примаковские чтения. Проводятся в честь известного советского и российского политика и учёного-международника. Автор записок



имел честь быть с ним как говорят рукопожатным.

На открытии чтений выступили министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров и приглашённый организаторами чтений Г. Киссинджер.

Министр использовал своё выступление на Мюнхенской конференции по безопасности, состоявшейся за месяц до чтений в июне 2017 г., где сформулировал известные тезисы о «конце либеральной эры» в развитии современного мирового порядка. Главный посыл речи Лаврова – пора перестать мерять мир параметрами холодной войны и однополярности. Наступает эра многополярности, необходимости учитывать интересы разных миров и цивилизаций, а не только мира «золотого миллиарда».

А вот Киссинджер откровенно удивил. Во-первых, физической бодростью. Ему только что исполнилось 94 года. Во-вторых, ответственностью. В 2016 г. его избрали иностранным членом Российской академии наук (РАН). В-третьих, открытым напоминанием своей близости с Примаковым, а также с Брежневым, Громыко и другими советскими гуру мировой политики.

А, в-четвёртых, что, пожалуй, самое главное, – сформулировал как рьяный сторонник мирного сосуществования ряд позиций, которые бесспорно вызывают повышенный интерес трезвомыслящих политиков и экспертов, ломающих головы над моделями нового мирового порядка.

1. Периодически возникают напряжения в отношениях между США и Россией и не являются чем-то необычным для состояний ми-

рового порядка. В XIX в. США конкурировали с Россией в Северо-Восточной Азии в борьбе за влияние в китайской Маньчжурии. А также поддерживали Японию в войне с Россией в 1904-1905 гг. Такая конкуренция не случайна, а результат объективных противоречий между двумя странами.

2. Разница в подходах и в восприятии национальной безопасности между странами была, есть и будет всегда. Россия концентрируется на обороне своих территорий от агрессивных соседей. США – наоборот. Завоевав доминантные позиции на американском континенте (доктрина Монро), США ни от кого не оборонялись, а развивались открыто как торговая нация.

3. Каждая из стран проводит политику сдерживания другой страны. Россия – американскую динамику. США – российскую экспансию.

4. Внешнюю политику США пронизывает идея глобального лидерства. Причем США всегда считали себя не просто лидером, а единственным лидером в мире. Россия же представляла себя защитницей международного порядка, права и справедливости.

5. В заключение Киссинджер не стал развивать идеи о перспективах взаимоотношений между США и Россией в строительстве нового мирового порядка. Просто, как вежливый гость чтений, высказался в пользу сдержанного оптимизма. Мол, всё будет хорошо и мы поженимся [3].

Комментарий

Мы намеренно воспроизвели тезисы выступления Киссинджера в



полном формате, хотя и в пересказе СМИ. Потому что в разных сочетаниях они вошли и в его книгу «Мировой порядок». Разбирая это выступление, мы таким образом ведём разбор и самой книги.

Напряжения возникают всегда и везде между любимыми странами. Вопрос в том, как эти напряжения если их невозможно ликвидировать, то по крайней мере не доводить до точки кипения. Ссылки Киссинджера на российско-американские напряжения полуторавековой давности для объяснения современных напряжений не корректны. Прошлые напряжения не затрагивали глобального мирового порядка, ограничивались Тихоокеанским бассейном.

В XXI веке напряжения между США и Россией вышли далеко за рамки региональных и превратились в фактор глобального развития. Об этом Киссинджер ничего не сказал на чтениях и почти ничего не написал в своей книге. Проявил столь модную на Западе политкорректность. Может поэтому его книгу и переиздавали в России аж целых три раза.

Доктрина Монро – это не безобидная для американских соседей США политика. Своё лидерство на американском континенте США утверждали не только в торговле, но и в ряде войн, которые вели со своими соседями. У Мексики отвоёвывали штат Техас. У Испании – Кубу, Гавайские острова, Пуэрто-Рико, Филиппины. Если это не экспансия, то тогда что?

США завезли на континент рабсилу из Африки, смешали генофонд коренного населения. Уничтожили четыре пятых этого населения на своей территории. И за-

метно поубавили его на сопредельных территориях.

Комментировать упреки Киссинджера в экспансии России бессмысленно и бесполезно. Это уже набившая оскомину западная контрпропаганда. Единственно, что Киссинджером подмечено верно, – признание гегемонистских амбиций США и стремление России защищать справедливый, то есть равноправный по международным меркам, мировой порядок.

В дополнение утверждения Киссинджера о мировом лидерстве США можно разместить список рычагов влияния и управления, которые используются ими в строительстве современного мирового порядка. Это:

1. Американские военные базы в ключевых точках планеты. Только в Германии их около 300. Обещания США сократить их количество после ухода СССР из ГДР и Венгрии так и осталось не выполненными. Из почти что 1 триллиона долларов военного бюджета 900 миллиардов тратятся на содержание этих баз.

Россия ушла отовсюду, где были советские базы, хотя, например, Куба и Вьетнам просили остаться. Потом российскому руководству пришлось горько пожалеть о своём легкомыслии. Мировая политика слабостей не прощает.

2. Валютные фонды: МВФ, Всемирный банк и проч. Что они вытворяют со странами-сателлитами США (Украина, Латинская и Центральная Америка) заслуживает отдельного разговора.

3. НАТО – без комментариев. Хотя есть маленькое замечание. При создании блока в 1949 г. Сталин обратился к его организаторам



с просьбой включить в состав организации СССР. Получил категорический отказ. Только после этого в 1955 г. был создан Варшавский договор. В правление Горбачёва он был упразднён без всяких возмещений со стороны Запада.

4. Мировые деньги – доллар США как единица всемирной торговли. В 1944 г., когда решался вопрос о создании Бреттон-Вудской мировой финансовой системы в неё входил также и Советский Союз. Потом его вычеркнули из списков участников. И пошло-поехало. К доллару добавили евро в Европе и йену в Азии. И превратили их в средство финансового давления на Россию, Китай и другие не западные цивилизации.

Путин вовремя погасил внешние долги СССР, в которые залез Горбачев, и России (тут уже проявил активность Ельцин) западным кредиторам – Парижскому клубу, МВФ и др. А это ни много ни мало под 200 миллиардов долларов. Не сделай Путин этого, сегодня вряд ли можно было бы рассчитывать на абсолютный суверенитет России в мировом порядке.

5. Международные суды. Сегодня очевидна правота СССР, не признававшего юрисдикции этих судов, которые сводят все дела в пользу Запада. Кстати тем же в наши дни, чем СССР в XX в., занимаются и сами США, если решения этих судов оказываются им не по нраву.

6. Правозащитные и неправительственные организации, разбросанные по всему миру. В Российской Федерации наконец-то сообразили, чем эти организации занимаются, и приняли закон о так называемых иностранных агентах,

обязанных указывать источники получения средств из-за границы.

7. Рейтинговые агентства, которые как правило финансово зависимы от США и естественно «рейтингуют» исключительно в их пользу. Особенно наглядно это видно в их оценках места ведущих учебных заведений мира в образовательном процессе современности.

8. Либеральные СМИ и Интернет, четыре пятых, если не больше, сайтов которого стали организаторами цветных революций в странах неугодных США.

9. Система международных премий. Скажем, некогда весьма престижную Нобелевскую премию ныне низвели до примитивного инструмента политического шантажа учёных и писателей. А кинопремии (Голливуд, Канны, Венеция, Берлин) выдаются только тем, кто охавает Россию и русский образ жизни. Другие киноработы попросту не принимаются к рассмотрению.

Фактически международный культурный обмен свёлся к прости-туированию гуманизма и общечеловеческих ценностей и смыслов, норм и правил поведения. Особенно на фоне разнузданной пропаганды лжеценностей и имитации смыслов мировым движением ЛГБТ.

Угрозы мировому порядку

Киссинджер предпочитает не акцентировать внимания читателей на проблемных узлах формирования нового мирового порядка. Называет эти узлы как бы вскользь, мимоходом. Хотя и довольно критически разбирает исторические предпосылки становления современных реалий. В частности, европейский опыт



мирового устройства. Показывает крах системы баланса сил. Но одновременно призывает следовать её ключевым установкам.

Большое внимание Киссинджер уделяет исторической роли России в делах Европы, пытается вникнуть в суть политики русских императоров от Петра I и Петра III до трёх Александров. Но подаёт свои размышления типично в западной традиции, мол, «русская загадка» не поддаётся отгадке. Внешняя политика исключительно экспансионистская. Европа защищается и прочие несуразности.

Ну, хотя бы такая реминисценция или по-русски – отголосок чьего-то мнения, о русской мировой политике. «Она (Россия, – авт.) начала больше войн, чем любая другая из современных крупных держав, но также сумела не допустить установления в Европе единоличного господства какой-то одной страны, выстояв против Карла XII Шведского, Наполеона и Гитлера, тогда как ключевые континентальные элементы баланса сил оказались поверженными» [11; 73-74].

Из этого рассуждения совершенно не понятно, кто же стал инициатором военных походов на Россию в XVIII-XX вв. Кто такие эти полумифические «континентальные элементы баланса сил» – Британия, Франция, Австро-Венгрия? Такое впечатление, что Киссинджер не стесняется говорить колкости в адрес России, но очень опасается задеть кого-то из европейских государств в прошлом и настоящем. Такая двуликость резко снижает уровень научной объективности исследования, сеет сомнения в добросовестности намерений автора.

Особенно после таких вот пассажей: «Всё в России – её абсолютизм, размеры, глобальные амбиции и уязвимости – воспринималось как неявный вызов традиционной европейской концепции международного порядка, построенного на равновесии и сдерживании» [11; 75].

Чего добивается Киссинджер – раскрытия полноты картины истории развития европейского и всемирного порядка или же вызвать недоверие к роли России в этой истории и к её современной внешней политике? Методика, стоящая на грани эдакой интеллигентской русофобии, весьма распространённая в западном политическом и научном истеблишменте. Мол, мы никогда не были «против». Но и сказать, чтобы мы оказались «за» Россию тоже невозможно.

Что поделать. Такими Россию продолжают видеть западные интеллектуалы со времён ситуации с ними, описанной в знаменитой книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869) [4]. Киссинджер в своей книге через полтора столетия после книги Данилевского в осмыслении русского фактора в мировом порядке не продвинулся вперёд ни на миллиметр. Жаль. Можно было бы уже разобраться что почём. Или не хотят, как и описывал отношение к нам Запада Данилевский. Или же мы реальные ему просто неинтересны. А, наверное, скорее всего и то и другое.

Киссинджер анализирует исламский фактор в мировом порядке. Но делает это в основном затем, чтобы выставить его в свете источника хаоса и главного виновника неурегулированности международных отношений между Западом и Востоком. Всё это уже можно было прочитать в



книге С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» [15].

Показывает роль исламизма в мировых реалиях. Но при этом забывает коснуться главного источника роста популярности исламских ценностей и смыслов на Ближнем Востоке и в других регионах мира – неприятие мировым мусульманством несбалансированной внешней политики США, их стремления навязать не западным цивилизациям стандарты и нормы Западно-христианской цивилизации.

Как, например, будут относиться на Востоке к таким инвективам Киссинджера: «Арабская весна» началась как восстание нового поколения во имя либеральной демократии» [11; 169]. США официально поддерживали требования протестующих, подчеркнув значимость призывов к свободе, справедливым выборам, представительной системе власти и подлинной демократии, которые все следует реализовывать [11; 69].

Или такой вывод: «Западная традиция требует поддерживать демократические институты и свободные выборы. Ни один американский президент, если он проигнорирует этот «укоренённый» фактор политической этики, не может рассчитывать на долговременное одобрение своей деятельности народом США» [11; 172].

Так и подмывает задать вежливый вопрос: почему же в 2019 году в США продолжается истерика по поводу президентских выборов в собственной стране? Разве Трамп был избран не в результате «свободных выборов»? На память приходит нетленная мудрость басни И.А. Крылова: «Чем кумушек считать трудиться/ Не лучше ль на себя кума оборотиться».

Также как не вполне убедительными и объективными выглядят попытки осмыслить политику США с позиций творимой ими же ситуации управляемого хаоса. «Америка призывала уважать стремление сирийского народа к демократии и соблюдать международные запреты на применение химического оружия, а другие великие державы (Россия и Китай) настаивали на необходимости следовать вестфальскому призыву невмешательства» [11; 176].

Откровенный подлог. Россия и Китай призывали как раз к обратному – не нагнетать обстановку вокруг сирийского конфликта. Позволить законно избранному президенту Асаду самому разобраться в ситуации с ИГИЛ и другими террористами. Помочь ему сделать это можно было коллективными усилиями, вместе с США и их партнёрами по НАТО. Да кто ж будет слушать такие предложения. И вот теперь Киссинджер задним числом пытается переложить ответственность за войну в Сирии с больной головы на здоровую.

В смысле откровенности оценок и аналитических выводов «Шахматная доска» [1] Бжезиньского, наделавшая в 1970-е годы столько шума у них и у нас, выглядит более непосредственной и менее замысловатой, чем выражи умолчания и повторения задов русофобии Киссинджером.

Признание многообразия цивилизационных моделей мирового порядка

Несомненным достоинством подхода Киссинджера к разработке проекта нового мирового порядка является признание очевидного



для всех, кроме многих западных политиков и социологов, исторического факта – разнообразия представлений об устройстве мирового порядка, присущих разным мировым цивилизациям.

«В наше время стремление к установлению мирового порядка требует учитывать мнение обществ, чьи взгляды до недавних дней оставались в значительной степени самодостаточными» [11; 19], – констатирует Киссинджер.

Слава Богу, что и на Западе стали наконец понимать, что помимо из собственных демиургов в политике и науке, существуют и другие участники мирового политического процесса. «Тайна, которую следует раскрыть, едина для всех народов: как наилучшим образом совместить различные исторические опыты и традиции в общем мировом порядке» [11; 19].

Эту «тайну» в России начали раскрывать ещё 150 лет назад. Н.Я. Данилевский сформулировал теорию культурно-исторических типов или в современной терминологии – мировых цивилизаций, которые все без исключения вносят свой вклад в развитие мирового порядка. Но вносят его каждый тип (цивилизация) по-своему, в соответствии со своими возможностями и представлениями об этом мировом порядке.

У одних цивилизаций этот вклад получался в области утверждения религиозных представлений о мировом устройстве (иудейский культурный тип). У других – в сфере культуры (древнегреческий тип). Третьи были сильны в политической системе (древнеримский). Четвертые – в хозяйстве и экономике (западноевропейский тип). И

только у славянского цивилизационного типа могли получаться равнозначные результаты во всех четырёх сферах устройства мирового порядка – религии, культуре, политике и экономике.

Можно, конечно, оспаривать гипертролизацию Данилевским славянского типа цивилизации, обвинять его в панславизме, как это делали его критики во все времена. Противопоставляли панславизму европеизм. И не безуспешно. Именно благодаря превращению Западной Европы в центр мирового порядка была принята Вестфальская мировая политическая система (XVII в.), которую Киссинджер раскритиковал за ограниченность пространственного и культурно-цивилизационного действия. В этой системе не учитывались незападные цивилизационные ценности и смыслы.

Но не будем упускать из виду, что у Данилевского, в отличие от европеизма, речь шла не об утверждении превосходства славянского культурного типа над всеми другими типами, в частности, западноевропейским. А о предложениях по поводу эффективности учёта всего общечеловеческого опыта в развитии мирового порядка, проект которого собираются предлагать уже в наше время Киссинджер и его западные единомышленники.

Данилевский никому ничего не навязывал. Тем более не утверждал ничьей мировой гегемонии. Он не возражал против того, что, если у кого-то ещё, кроме мирового славянства, дело с цивилизационным устройством мирового порядка сладится не хуже, чем у славян, а может даже и лучше, то почему бы не использовать достижения этого



лучшего субъекта мировой политики в международных отношениях?

Н.А. Бердяев рассказал такой эпизод из истории межкультурного диалога между Европой и Россией. В начале 1920-х в Берлине он встретился с О. Шпенглером. В отличие от современности в то время общение между русскими и западноевропейскими учёными во всех областях были естественными и не подлежали никаким санкциям и запретам, как теперь. Как раз только что вышла в свет наделавшая столько шума книга Шпенглера «Закат Европы» [16]. В оригинале она называлась «Закат Запада». Название «Закат Европы» – это уже творчество переводчиков книги на русский язык, изданной одной из первых именно в Советской России.

Шпенглер попросил Бердяева перевести ему главу о культурно-исторических типах из книги Данилевского «Европа и Россия». Когда он выслушал перевод, то, по словам Бердяева, долго молчал. Тому даже показалось, что Шпенглер впал в состояние транса. Но вскоре очнулся. И едва не плача, промолвил чуть слышно: «Этот русский опередил меня на целых полвека».

Ведь Шпенглер считал себя первооткрывателем многообразия цивилизационного устройства мира, в котором царит не гегемония Запада, а как минимум культурное равноправие. И именно из-за этого равноправия Запад может отправиться на свалку истории, если продолжит свой диктат остальным цивилизациям.

Цивилизационный фактор всегда учитывался в русской триаде представлений о мировом порядке. К.Н. Леонтьев сформулировал кон-

цепцию «цветущей сложности» мирового порядка («Византизм и славянство», 1876). Он считал, что многообразие отвечает естественному ходу всемирной истории, которая складывается из системы вертикальной мировой цивилизации и группы горизонтальных (локальных) мировых цивилизаций.

Жаль, что эту аксиому всемирной истории на Западе стали воспринимать только сегодня после стольких веков проб и ошибок. «Ключевой вопрос при построении мирового порядка неизбежно затрагивает сущность объединяющих его принципов – в которых и состоит кардинальное различие между западным и незападным подходами к миропорядку» [11; 496], – утверждает проревший Киссинджер.

Западу, начиная с эпохи Возрождения, присущ внешний подход к оценкам реального мира, – рассуждает Киссинджер. Запад всегда выступал как сторонний наблюдатель за состоянием мировых процессов. Западная методика познания заключается в фиксации событий, их анализе и затем – классификации.

Успешность/неуспешность внешней политики оценивается по сумме верхней школы представлений в реалиях и тенденциях их развития.

Для не западных цивилизаций подход к построению мирового порядка начинается с иной констатации – внутренних ценностей и смыслов событий, а не внешних факторов их проявления. Мир выстраивается согласно психологическим, религиозным и философским убеждениям, господствующим в этих цивилизациях.

Конфуцианство упорядочивает мировой порядок по лестнице под-



чинённости и иерархии событий, принятой в китайской культуре.

В исламе миропорядок подразделяется на свою территорию, в которой проживают мусульмане и чужую территорию войны, населённую неверными.

Индуизм оперирует циклами истории и метафизической реальностью, которые не поддаются историческому опыту. Для него миропорядок вытекает из природы веры, является целостной системой, неподвластной ни завоевателям, ни новообращённым [11; 496-497].

Не зря семейство Киссинджеров прибыло в США из Германии. Склонность к немецкой философии по всей видимости в крови у всех его представителей. Редкий для западного социолога глубинный анализ тенденций устройства мирового порядка. Как говорится, ведь могут же, если захотят.

«Давным-давно, в юности, мне доставало дерзости полагать, что я способен поведать «смысл истории», – признаётся раскаявшийся в недостаточной философской подготовке Киссинджер. – Теперь я знаю: исторический смысл заключается в том, чтобы обнаружить его, а не декларировать» [11; 511].

Поистине – лучше позже, чем никогда...

Главный вопрос

Возможно ли преобразовать различающиеся мировые культуры в общую систему? – спрашивает себя и читателей Киссинджер [11; 510].

Вопрос, что называется не в бровь, а в глаз. Действительно, на сегодня может быть один из центральных вопросов в построении нового мирового порядка после

периода холодной войны, биполярного, а затем и однополярного миров. Как отвечает на него Киссинджер?

В XXI в. структура мирового порядка имеет как минимум четыре конкретных изъяна:

1. Продолжается деформация государственности как основной формальности мирового порядка. Западная Европа на пути в Евросоюз вышла за рамки национальных государств. В мусульманском мире возникли целые регионы с доминированием религиозно-этнических компонентов. Международный терроризм попирает государственные границы и суверенитет. В странах Азии наоборот слишком дорожат границами и суверенитетом. По всему миру гуляют группы «несостоявшихся государств» [11; 503].

2. Углубляется противоречие между политической организацией мира и его экономическим устройством. Экономика стремится к глобализации. Политика – к национализации. Глобальное управление подменяется национальным самоуправлением. Мировой порядок – национальной выгодой и меркантилизмом. На русский язык меркантилизм переводится как мелочная расчетливость и торгашество.

3. Утрачен эффективный механизм сотрудничества между великими державами. И это при том, что множится практика многосторонних форумов, которых сегодня проводится гораздо больше, чем во все прежние периоды всемирной истории. К Совету Безопасности ООН добавились регулярные встречи на высшем уровне атлантических лидеров на сессиях НАТО, в рамках Евросоюза. Про-



водятся регулярные сессии АТЭС – Азиатско-тихоокеанского сотрудничества и Восточноазиатских саммитов. Главы развитых стран собираются в форматах G-7 и G-20.

Но вот незадача. На этих всех встречах их участники больше озабочены не вопросами реального управления экономикой и политикой, а тем, какое впечатление они производят на публику. Какими грозными речами обменялись друг с другом и прочими мелочами. Упор делается на умножение личной популярности, а не общего благополучия.

4. Утрачивается лидерство США в мире. До сих пор именно этот компонент мировой политики был обязательным в проектировании мирового порядка. США поддерживали баланс между стабильностью международных отношений и универсальными принципами Западно-христианской цивилизации, которые были не везде и не всегда совместимы с принципами невмешательства в дела суверенных государств и историческим опытом других цивилизаций [11; 506-507].

Описанный Киссинджером в едва ли не в художественной форме квартет ущербностей мирового порядка особой оригинальностью не отличается. Об этих тенденциях и особенностях на пути формирования нового мирового порядка в период после холодной войны говорят многие мировые лидеры и пишут многие социологи-международники как в Российской Федерации, так и за рубежом. Но то, что на них акцентирует внимание Киссинджер, говорит о крайней степени озабоченности состоянием мирового порядка со стороны либеральной общественности Запада.

Противоречия мирового порядка

В своё время покойный В.С. Черномырдин, критикуя беспомощность властей и российских либералов по созданию политической партии, способной взять на себя руководящую роль в строительстве нового общества в Российской Федерации, обронил одно из своих бессмертных «бон мо», в переводе с французского – «острое словцо»: «Какую бы партию ни создавали, а всё равно получается КПСС».

Нечто подобное происходит и при строительстве нового мирового порядка. Какие бы его проекты не предлагались кем бы то ни было у нас и у них, все их авторы так или иначе возвращаются к «вечно живому» марксизму-ленинизму. А, если конкретнее, то к необходимости ответить всё-таки на ключевой вопрос, не выяснив которого, невозможно определить, что же за мировой порядок предлагается построить. Речь идёт о содержании основного противоречия современной эпохи.

В XXI в. избегают употреблять сам термин «современная эпоха» и как его производное – «основное противоречие современной эпохи», а вместе с ним – «движущие милы мирового развития», «мировой революционный процесс» и др. Вместо них предпочитают обтекаемые по форме и совершенно бессмысленные по содержанию симулякры – «модерн», «постмодерн», «информационное общество». В последние года два-три перешли к употреблению никому непонятных терминов, связанных с так называемым «цифровым» обозначением происходящего – «цифровая эпоха», «цифровое общество» и даже «цифровое правительство».



Эффект от такого словоблудия взамен научного осмысления конфликтогенной современной действительности неутешительный – полнейшая запутанность в формулировании общедоступных понимания обыкновенных людей ответов на цивилизационные вызовы времени. Предложенная ещё в 1960-70-е годы английским социологом А. Тойнби замечательная теория «вызов-и-ответ» стала терять своё первоначальное значение и подменяться маловразумительными подделками под теории.

Приходится напоминать утрачиваемый смысл происходящего. Это не значит культивирование догматизма и пройденных вариантов мирового развития. Это значит напомнить, чтобы лучше усвоить, что же происходит в наши дни.

Для Киссинджера основным противоречием мирового порядка (эпохи, модерна, постмодерна, современного мира и проч.) является противоречие между распространением универсальных западных ценностей – демократии, представительной власти, свобод и прав личности, потребительского идеала, индивидуализма и проч. – и нежеланием не западных цивилизаций воспринимать эти ценности как универсалы, годные на все времена для всех подряд общественных систем.

Именно результатом этого основного противоречия, считает Киссинджер, и оказывается «не просто многополярность силы и власти: мы имеем мир всё более и более противоречивых реалий» [11; 499].

Холодная война была порождением заблуждений коммунизма. СССР рано или поздно должен был

вернуться в сообщество свободных наций, – считает Киссинджер [11; 494]. Правда, не уточняет, на каких же условиях СССР должен был вернуться в лоно этих самых свободных (читай – западных) наций?

Из предложенного Киссинджером проекта мирового порядка – вернуться на условиях диктата идеологии мирового либерализма, ценности которого Киссинджер не без удовольствия повторяет раз за разом едва ли не в каждой главе книги.

От капитализма к социализму и обратно

Между тем в период холодной войны общепринятым основным противоречием эпохи считалось противоречие между мировым капитализмом во главе с США и мировым социализмом, лидером которого по праву являлся СССР. Вокруг США группировались страны Запада, плюс Япония с американскими военными базами на своей территории, Австралия и Новая Зеландия. Приоритет СССР признавали освободившиеся от колониальной зависимости страны так называемого третьего мира из Азии, Африки и Латинской Америки.

Поразительный факт, который сегодня перестали замечать в Российской Федерации, и с трудом, но признавали в западном мире. Ни одна освободившаяся от колониальной зависимости страна не взяла на вооружение при строительстве нового общества исторический опыт капиталистических стран Запада. Практически все в разной форме попытались использовать опыт построения социализма в СССР. Таким был авторитет соци-



ализма и его конкретного носителя – СССР.

Не случайно, что основной тенденцией установившегося мирового порядка признавался переход от капиталистической общественной формации к социалистической (коммунистической). Соответственно выстраивались международные отношения и осуществлялась мировая политика. Попробуй нарушить этот порядок и будешь иметь дело сразу с двумя гегемонами – СССР и США. Мало кто осмеливался пойти «против».

Эту тенденцию развития мирового порядка удалось прервать мировому капитализму не без помощи высшего руководства СССР. В качестве предателей Г.А. Зюганов называет двух человек – М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина [4].

«Сегодня глобализм потому и чувствует себя всемогущим хозяином планеты, что не встречает больше должного сдерживания, – отмечает Зюганов. – Развал СССР, разрушение социалистического содружества, реставрация капитализма в странах Восточной Европы, России и других советских республиках серьезно ослабили противовесы, которые обеспечивали современной цивилизации, хотя бы относительное равновесие и стабильность» [10; 195].

Надолго или нет состоялся частичный реванш мирового капитализма, сказать проблематично. Не стоит полагать, что с развалом СССР и ликвидацией мировой системы социализма окончательно похоронена и сама социалистическая перспектива для всего человечества.

Смена формаций, под которыми, как выясняется сегодня, факти-

чески обретались мировые цивилизации, проблема не одного десятилетия, а может даже и столетия. В XX в. капиталистическую формацию конкретно представляла Западно-христианская цивилизация.

Социалистическую формацию олицетворяла Восточно-христианская православная цивилизация с её доминантой Советской цивилизацией. В Восточно-буддийской цивилизации по пути социализма пошли Китай, Вьетнам, Северная Корея. Некапиталистический путь развития выбрали Индия, Индонезия, Бирма (ныне Мьянма) и ряд других стран. В Восточно-исламской цивилизации социалистической ориентации придерживались Египет при Г. Насере, Сирия при Асаде-старшем, Ирак с Саддамом Хусейном, Афганистан при Б. Кармале и др.

Уже в тот период пришло осознание ключевого параметра развития всемирной истории – историю цивилизаций или формаций следует измерять не историческими периодами в 10-20-50 лет, а историческими циклами. Автор теории циклического развития мировой экономики русский учёный Н. Кондратьев к циклам относил периоды в 75-100-150 лет.

Социализм как мировая идеология зародился в Англии одновременно с зарождением капитализма в XVI в. Автор социалистической «Утопии» (1516) [13] богатейший человек Англии, премьер-министр страны Томас Мор.

Социализм как практика или как реальный, а не утопический социализм, возник в России после победы Октябрьской революции в 1917 г. Мировая система социализма образовалась после Второй миро-



вой войны в результате перехода на социалистический путь развития десятков стран в Восточной Европе, Азии, Африке и Латинской Америке.

Таким образом цикл перехода от теории к практике строительства социализма растянулся на 400 лет.

Сколько времени потребуется для повторной попытки никто предсказать не в состоянии. Тем более, что реальный социализм неплохо чувствует себя и в XXI в. – Китай, Вьетнам, Куба, КНДР. Так что вторая попытка может занять даже гораздо меньше времени, чем первая. В какой форме она будет реализована – революция, реформа, всеобщие выборы как, скажем, избирается Европарламент в Европе, – кто ж его знает?

Многообразие современного мира, считает Зюганов, состоявшийся факт. Его можно по-разному оценивать, но отрицать бесполезно.

На Западе и на Востоке народы Земли, почувствовав угрозу своей исторической самобытности, ответили на вызовы глобализма резким ростом этнического и религиозного самосознания, утверждением своих многовековых традиционных корней.

Проснулись и заговорили громким голосом новые центры силы. Они сформировались на основе древних цивилизаций, которые казалось навсегда были поглощены в бездне истории, в результате политических конфликтов и идеологических устоев биполярного холодного мира.

Как итог этих перемен главным противоречием современного мироустройства Г.А. Зюганов считает многополярность и глобализацию.

От того, каким путём это противоречие разрешится будет во многом зависеть судьба мирового сообщества в XXI веке [10; 320].

В долгосрочной перспективе, полагает В.И. Добренев, Россия должна принять самое активное участие в глобальных процессах. Практически это означает: 1) создание многополярного мира; 2) борьбу против американских претензий на однополярность и мировую гегемонию; 3) реконструкцию мировой архитектуры.

В качестве несущих конструкций этой архитектуры предлагается разработать общемировую теорию многополярности с чётким описанием плюрализма культур и цивилизаций; ненавязывания народам мира одного ценностного проекта мирового порядка; признанием прав и свобод всех цивилизаций – светских и религиозных, западных и не западных [7; 461-463].

Апология мирового либерализма

Киссинджер неоднократно уточняет, что американская точка зрения на новый мировой порядок состоит в том, что человек по своей природе является: а) существом разумным; б) склонным к мирным компромиссам; в) предпочитает руководствоваться здравым смыслом; г) стремится к добросовестным соглашениям.

Венцом природного естества человека как раз и оказывается распространение демократии в виде всеобщей цели мирового порядка. На чём основан такой абсолют мирового порядка? На безусловной уверенности в том, что установление в мире свободных рынков: 1) возвышает индивидуумов; 2) обо-



гащает разные общества; 3) заменяет международное соперничество экономической взаимозависимостью.

На этих западных универсалах «новый мировой порядок охватит все регионы земного шара». А основанные на этих же универсалах «общие для всех моральные ценности и цели обусловят гуманные условия внутри государств и сделают менее вероятными конфликты между странами» [11; 494].

Чтобы ни у кого не возникло сомнений, что именно в этих универсалах залог счастливого будущего всего человечества Киссинджер невозмутимо повторяет одну из ходовых мантр мирового либерализма: «Для Соединённых Штатов поиск мирового порядка ведётся на двух уровнях: торжество универсальных принципов должно сопровождаться признанием реальности истории и культуры других регионов».

Казалось бы, наконец-то сдвинулся с точки либерального заморозки. Но не тут-то было. Признание истории и культуры других цивилизаций отнюдь не означает отказа от гегемонизма США в строительстве нового мирового порядка. «И, хотя уроки сложных десятилетий следует изучать, – резюмирует Киссинджер, – необходимо продолжать поддерживать и подкреплять лозунги об исключительном характере Америки» [11; 510].

Научная значимость книги

Важнейшей стороной и задачей социологии международных отношений и мировой политики становится анализ информационной стороны развития современного мироустройства, исследование

дискуссий по поводу представлений об этом устройстве в мировых и российских политических и научных кругах, СМИ и Интернете.

Имидж или по-русски – образ эпохи в представлениях её акторов или по марксистско-ленинской терминологии, которую никто отменить не в силах, потому что она является одним из отражений объективной реальности, – движущих сил мирового развития также входит в задачу международной социологии.

С этих позиций книга Киссинджера очень поучительна по многим соображениям.

В ней с наибольшей полнотой отражён либеральный проект мирового порядка, который так или иначе является если и не путеводной звездой для Запада на ближайшие десятилетия, то по крайней мере одной из отправных точек реорганизации однополярной системы мироустройства.

В книге собрана прекрасная библиография западных источников по вопросам международных отношений и мировой политики.

С распадом СССР Запад перестал быть договороспособным в мировой политике. Перестал даже прислушиваться к мнению представителей не западных цивилизаций. Особенно в отношении России и Китая. Перешёл к методу экономического и политического диктата. Заседания Совбеза ООН превратились в арену препирательств и оскорблений.

Складывается крайне тревожная ситуация. Человечество 400 лет со времён книгодея Гуго Гроция (1583-1645) с его знаменитым трактатом «О праве войны и мира», который послужил основанием для создания науки о международных



отношениях и мировой политики, училось следовать азам этой науки.

Что происходит в наши дни? Отказ от накопленного исторического опыта, попрание научных основ международной жизни? Подталкивание к отправке всего научного багажа в мусорную корзину?

Называя западных оппонентов современной России партнёрами, президент Российской Федерации В.В. Путин безусловно иронизирует по поводу искренности их партнёрства. Таков добродушный характер русского человека. Можно только восхищаться терпеливостью и спокойствием президента. Хотя всем понятно, что он далеко не спокоен. Слишком велики ставки в борьбе за сохранение хотя бы подобия международной безопасности. В ответ получает полит корректное хамство и попытки принизить достоинство ответственного политика. Только один не самый скабрёзный пример.

Пока ещё канцлер ФРГ и бывшая комсомолка ГДР А. Меркель в ходе очередных разногласий с Россией по очередным международным проектам, раздражённо заметила: «Он (Путин, – авт.) совсем не наш. Из другого мира». Потому, мол, и договориться с ним невозможно.

При этом она не уточнила, что договориться невозможно исключительно на условиях, предлагаемых Западом, как это происходило практически всегда в годы президентства Ельцина. А, во-вторых, Путин действительно из «другого мира», мира не западных цивилизаций. И ещё конкретнее – из русского мира, который имеет право ровно на такие же права и свободы

в международной жизни, какие присвоил себе западный мир.

Книга Киссинджера напоминает, что в дискурсе о мировом порядке наряду с позиционированием нашей точки зрения не менее важно открытым текстом без всякой полит корректной позы говорить и писать о позиции наших потенциальных западных партнёров. Даже, если они и не обращают внимания на нашу точку зрения. Говорить и писать не столько для них, чтобы быть услышанными, сколько для самих себя...

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 2010. – 256 с.
2. Васецкий Н.А. Социология истории России. Т. I. Базовые смыслы и ценности (Записки социолога). – М.: Академический проект, 2019. – (Серия «Глобальный мир и современная Россия»). – 579 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: АСТ, 2019. – 704 с. (Серия «Эксклюзив: Русская классика»). – 704 с.
5. Добреньков В.И. Глобализация духовности. – М.: Академический проект, 2019. – (Серия «Глобальный мир и современная Россия»). – 589 с.
6. Добреньков В.И. Глобализация. Сущность, проявления и социальные последствия. – М.: Академический проект, 2018. – (Серия «Глобальный мир и современная Россия»). – 636 с.



7. Добренков В.И. Глобальная политика и новый мировой порядок. – М.: Академический проект, 2019. – (Серия «Глобальный мир и современная Россия»). – 542 с.

8. Доброхотов Л.Н. Россия – Америка: новая «холодная война». Джордж Кеннан как ее пророк. – М.: Академический проект, 2014. – 316 с.

9. Жириновский В.В., Добренков В.И., Васецкий Н.А. Социология мировых цивилизаций. – М.: Академический проект, 2013.

10. Зюганов Г.А. Россия под прицелом глобализма. – М.: Эксмо, 2018. – (Серия «Г. Зюганов о будущем России»). – 384 с.

11. Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: АСТ, 2015. – 512 с.

12. Лавров С.В. Мы – вежливые люди! Размышления о внешней политике. – М.: Книжный мир, 2017. – (Серия «Служить России»). – 544 с.

13. Мор Т. Утопия. – М.: Эксмо-Пресс, 2018. – 160 с.

14. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 27. Произведения 1889 –1890. – М.: РГБ, 2006 – 471 с.

15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 576 с.

16. Шпенглер О. Закат Западного мира. Полное издание в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2017. – 1088 с.

17. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. 1878 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 14. — М. — Л.: Соцэкгиз, 1931 – 359 с.

Ссылк:

1. Словарь по иудаизму – Ж – Жидомасоны, – URL: www.religiocivilis.ru, дата обращения 08.10.2019

2. Лабиринт времён, – Исторический альманах, – URL: www.hist.ru, дата обращения 31.08.2019

3. «Примаковские чтения»: Киссинджер выразил оптимизм, а Лавров напомнил анекдот», – URL: www.mk.ru/politics/2017/06/30/primakovskie-chteniya-kissindzher-vyrazil-optimizm-a-lavrov-napomnil-anekdot.html, дата обращения 30.06.2017

4. «Зюганов раскритиковал Ельцин-Центр и назвал имена «главных предателей Родины», – URL: news.rambler.ru/politics/42910884-zyuganov-raskritikoval-eltsin-tsentri-nazval-imena-glavnyh-predateley-rodiny/, дата обращения 26.09.2019

Sociology of international relations: Anti-Kissinger. (About Henry Kissinger's book World order)

Vasetskiy N. A.

Moscow State University M.V. Lomonosov
In his article professor N. Vaseckiy of the Department of Sociology of International Relations analyzes the main positions of Henry Kissinger's book «World Order». N. Vaseckiy analyzes works of Russian politicians and sociologists (S. Lavrov, G. Zyuganov, V. Dobrenkov, L. Dobrokhотов and others). This article gives an objective assessment of the western liberal project of the world order presented by H. Kissinger. Same projects by Russian politicians and sociologists are also discussed in this article.

Keywords: sociology of international relations, G. Kissinger, world order

References

1. Brzezinski Z. The Great Chessboard. The dominance of America and its geostrategic imperatives. - M.: International Relations, 2010. - 256 p.
2. Vasetskiy N.A. Sociology of the history of Russia. T. I. Basic meanings and values (Notes of a sociologist). - M.: Academic project, 2019. - (Series "Global Peace and Modern Russia"). - 579 p.
3. Weber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism // Selected works. - M.: Progress, 1990.



4. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe. - M. : AST, 2019 .-- 704 p. (Series "Exclusive: Russian Classics"). - 704 s.
5. Dobrenkov V.I. The globalization of spirituality. - M.: Academic project, 2019. - (Series "Global Peace and Modern Russia"). - 589 p.
6. Dobrenkov V.I. Globalization. Essence, manifestations and social consequences. - M.: Academic project, 2018. - (Series "Global Peace and Modern Russia"). - 636 p.
7. Dobrenkov V.I. Global politics and the new world order. - M.: Academic project, 2019. - (Series "Global Peace and Modern Russia"). - 542 p.
8. Dobrokhoto L.N. Russia - America: A New Cold War. George Kennan as her prophet. - M.: Academic project, 2014 .-- 316 p.
9. Zhirinovskiy V.V., Dobrenkov V.I., Vasetskiy N.A. Sociology of world civilizations. - M.: Academic project, 2013.
10. Zyuganov G.A. Russia under the gun of globalism. - M. : Eksmo, 2018. - (Series "G. Zyuganov on the future of Russia"). - 384 p.
11. Kissinger G. World Order. - M. : AST, 2015 .-- 512 p.
12. Lavrov S.V. We are polite people! Reflections on foreign policy. - M.: Book World, 2017. - (Serving Russia Series). - 544 p.
13. Mor T. Utopia. - M. : Eksmo-Press, 2018 .-- 160 p.
14. Tolstoy L.N. Full composition of writings. Volume 27. Works of 1889–1890. - M.: RSL, 2006 - 471 p.
15. Huntington S. The Clash of Civilizations. - M. : AST, 2003 .-- 576 p.
16. Spengler O. Sunset Western world. Full edition in one volume. - M. : Alpha-book, 2017 .-- 1088 p.
17. Engels F. Anti-Dühring. 1878 // Marx K., Engels F. Compositions. T. 14. - M. - L. : Sotsekgiz, 1931 - 359 p.



Теоретико-методологические основы социологической концепции “Общество ожиданий”

Стоянов А.С.

Поиск новых социологических парадигм и концепций в современной науке обусловлен необходимостью точных социальных прогнозов на основе понимания общества, посредством анализа социального бытия повседневной практической плоскости. В статье обобщены авторские и сложившиеся классические теоретико-методологические подходы к изучению общества как системы с уклоном на анализ ожиданий в контексте теории “Общества ожиданий”, даны их краткие характеристики. Дана краткая оценка актуальности “социальных ожиданий” и “ожиданий” в теоретическом обосновании социума и системности его составляющих элементов с позиций О. Конта, Э. Дюркгейма, М. Вебера, В. Парето, Д. Рисмена и др. Предложена новая концепция “Общества ожиданий” для понимания взаимосистемности общества и личности, в базисе которой лежит формирование “взаимных ожиданий”. На её основе предложены новые термины: “Общество ожиданий”, “взаимные ожидания”, теория “Общества ожиданий”, социология ожиданий.

Ключевые слова: социальные ожидания, ожидания, взаимные ожидания, Общество ожиданий, социология ожиданий.

Социологическая наука накопила огромный объем информации об обществе и явлениях в нём, но попытки объединить вышеуказанное в единую стройную теоретическую концепцию, которая бы позволяла достичь познания социальных законов в общем контексте непосредственного бытия, пока не совсем удачны. Существующие социологические теории подразумевают систематизацию обширных **знаний об обществе**, в попытке привести огромную фактологическую базу сведений о социальных феноменах к **единому знаменателю понимания**. Но само общество от этого не становится осмысленным с точки зрения науки.

Это же подтверждает и А.А. Зиновьев в его работе “Запад”: “Знать что-то об обществе и понимать его — далеко не одно и то же. Можно много знать, но при этом мало понимать... Понимание общества не даётся автоматически опытом жизни в этом обществе, наблюдением его отдельных явлений, накоплением конкретных сведений о нем”¹.

Социология уже достаточно продолжительное время пытается совместить свою научную теорию с практикой социального бытия. Но от этого только плодятся её теории среднего и ниже уровней, которые выхватывают из контекста общей социальной картины отдельные фрагменты и являются частными

¹ Зиновьев А.А. Запад / А.А. Зиновьев – М: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2007. С. 12



случаями проявления личности и группы в социуме, не переставая от этого быть актуальными на данных уровнях.

С другой стороны Э. Гидденс в своей книге “Устроение общества: Очерк теории структуризации”, отмечал, что “ряд важных открытий и разработок, которые имели место в общественных науках в течение последнего полутора десятка лет... концентрировались главным образом в области социальной теории, и в максимальной степени затронули **самую опасную, дерзкую и провокационную из общественных наук — социологию**”¹.

Таким образом, теоретические разработки непрерывно пытались осмыслить накопившийся социальный опыт, что выражается в построении всё новых и новых теорий. Но, по нашему мнению, искать именно фундаментальные основы указанного опыта нам придётся в обыденности, дабы не быть оторванными от жизни в своих исследованиях, не говоря уже о тотальной “виртуализации” и информатизации знаний. По мнению А. Горца, “информатизация повысила в цене именно незаменимое, не поддающееся формализации знание. Спросом все более пользуются знания, выросшие из опыта, рассудительность, способность к координации, самоорганизации и нахождению общего языка, т.е. те **формы живого знания**, которые приобретаются в обиходном общении и **относятся к культуре повседневности**”².

¹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации.— 2-е изд. — М.: Академический Проект, 2005. С. 3

² Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010. С. 12.

По словам А.А. Зиновьева: “Обратившись к социальным исследованиям, я был поражён их убеждением... все известные мне концепции и теории западного общества оказались так же далёкими от реальности западных стран, как сочинения советских авторов - от советской реальности”³. Но где же искать ответ на **вопросы, поставленные перед личностью и обществом всей сложностью и многомерностью социального бытия?**

По вышеуказанным причинам автор начал поиск методов и путей познания социальной реальности, обусловленных как профессиональными интересами социолога, так и попыткой поиска причин возникновения “банальных”, казалось бы, вопросов:

Кто есть я?

Куда иду?

Для чего живу? и т.д. (Заметьте, последние два отвечают за наиболее вероятное будущее состояние человека как субъект-объекта самоорганизации).

Этот многолетний сознательный поиск ответов происходил не только в сфере социологии.... Но именно при её помощи привёл к попытке разработки такой теоретической базы, которая реально позволила бы, не отрываясь от обыденности жизни, иметь возможность применять эти теоретические знания на практике повседневности. Тем самым подчёркивая актуальность и достоверность этих теоретических знаний посредством ежедневной самостоятельной эмпирической саморефлексии не только в науч-

³ Митрохин Л.Н. О феномене А.А. Зиновьева / Л.Н. Митрохин // Вопросы философии, № 4, 2007



ной и других сферах жизнедеятельности, но и в бытовой, которая, казалось бы, так далека от науки и не требует какого-либо осмысления ввиду своей обыденности. Впоследствии мы попытаемся осмыслить неразрывность и этой сферы с актуальными принципами теории “Общества ожиданий” через непосредственный её анализ при помощи “принципов социологической эвристики”, рассматриваемых ниже.

Более того, исходя из эмпирического опыта бытия, предпримем попытку установить в основу исследования простую практическую истину: **актуальность любой познанной взаимосвязи объектов (т.е. закономерности, которую и должна изучать и устанавливать социологическая наука) определяется точностью прогноза будущего состояния изучаемых объектов.** Что, как правило, осуществляется при помощи и на основе познания их прошедшего и настоящего состояния и имеющихся внешних и внутренних взаимосвязей друг с другом. **Наличие в социальном мире познаваемого закона, которое для Э. Дюркгейма не вызывает сомнения, доказывает научность социологии, которая эти закономерности раскрывает посредством анализа социального человеческого бытия.** “Именно законы образуют предмет исследования науки об обществе”¹, — писал Дюркгейм.

Иначе говоря, **основной критерий истинности любого знания (науки) – точность прогноза, составленного на его основе.**

Исходя из вышесказанного, актуальность и необходимость получения теоретических знаний на основе анализа социального человеческого бытия была продиктована именно возможностью их использовании в повседневной практической плоскости, которая и стала **базисом развития концептуальных основ теории “Общества ожиданий”.**

Для начала теоретизации повседневной практики социального бытия личности, группы и общества в целом были взяты за основу несколько принципов социологического анализа, которые позволили, по нашему мнению, с одной стороны избежать переизбытка информации, а с другой стороны, обеспечить достаточность доказательной эмпирической базы, которая предоставлена каждому нашим непосредственным осознанным социальным бытием.

Другими словами, по представлению Ф. Шиллера, умевшего лаконично и точно отразить в нескольких словах повседневную жизненную взаимосвязь индивидов в обществе: **“Из слов человека можно только заключить, каким он намерен казаться, но каков он на самом деле, приходится угадывать** по его мимике и ужимкам при высказывании слов, — по тем движениям, которые он делает нехотя”. То есть даже в повседневной реальности для нас является обыденным то, что мы постоянно ставимся с, как минимум, двояким прочтением реакции одного и того же индивида на наше присутствие. Как же в этом случае можно достоверно интерпретировать более сложные социальные феномены, анализ которых базируется,

¹ Durkheim E. Sociologie et philosophie. P., 1924, P. 46



например, на социологическом опросе? На этот вопрос мы также попытаемся ответить в дальнейших наших исследованиях.

Итак, принципы и теоретико-методологические основы социологического анализа в контексте теории “Общества ожиданий”. Для более полного их понимания дополнительно вкратце мы укажем их существенные характеристики:

1. Эвристический принцип простоты (всё на поверхности);

2. Человек и общество неотделимы друг от друга;

3. Э. Дюркгейм – концепция “*Homo Duplex*” – человек – это двойственная реальность, в которой сосуществуют, борются и взаимодействуют две сущности: социальная и индивидуальная;

4. В. Парето – концепция “нелогического действия” – Все действия нелогичны, вследствие этого, уже после действия для оправдания последнего подводится необходимый логический фундамент;

5. В противовес вышеуказанному в п. 4, рассмотрим сформированную М. Вебером концепцию “**четырёх типов социального действия**”

- Целерациональное – социальные объекты интерпретируются как средства достижения осмысленных целей;

- Ценностно-рациональное – осознанная вера в ценность определённого действия независимо от успеха последнего;

- Аффективное – действие определено эмоциями;

- Традиционное – действие определено традицией или привычкой;

6. Д. Рисмен. Людей объединяют следующие три типа ориентиров:

- На традиции – конформность и ритуализм;

- На себя – характеризуется внутренним источником мотивации индивида;

- На идеального другого – примеры других людей из “группы равных”.

7. О. Конт: “**идеи управляют (социальным) миром, ибо социальный мир есть мир идей, а человек есть животное, создающее царство логического бытия – новую и высшую форму мировой энергии**”¹. Таким образом “идеи управляют и переворачивают мир... весь социальный механизм покоится, в конце концов, на мнениях”².

Ну что же, раскроем содержание указанных выше теоретических предпосылок и принципов.

1.1 Эвристический принцип (или суть на поверхности). Впервые с “эвристическим принципом простоты” в анализе социологической информации в наиболее близком мне контексте я столкнулся в книге А.А. Зиновьева “Запад”. По мнению Раймона Арона, представившего книгу А.А. Зиновьева “Коммунизм как реальность” в 1982 г. на престижнейшую премию А. Токвиля, назвал её **первой и “единственной научной работой о реальном коммунизме**”, что говорит о высочайшем аналитическом уровне учёного, которому было свойственно в малом видеть великое.

¹ Цит. по: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] /П.А. Сорокин; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992, С. 531.

² Конт О. Курс позитивной философии / О. Конт // Родоначальники позитивизма Вып. 1. СПб., 1912, С. 19.



А.А. Зиновьев пишет следующее: “Я вспомнил об **эвристических принципах**, которые открыл для себя ещё в юности, начав изучать советское общество тайно, в одиночку и в условиях, которые никак не располагали к серьёзной науке. Приведу для примера **два из этих принципов**. Согласно первому из них **любая произвольно взятая и достаточно обширная сумма информации, относящаяся к некоторому социальному объекту, содержит в себе все то, что необходимо и достаточно для понимания сущности этого объекта**. Согласно другому принципу **самые глубокие тайны основных социальных явлений не спрятаны где-то в подвалах общественного здания, за кулисами политической сцены, в секретных учреждениях и кабинетах сильного мира сего, а открыты для всеобщего обозрения в очевидных фактах повседневной жизни, ...что и ...способен заметить здравомыслящий ум в самых заурядных житейских делах**”¹.

Также близко по смыслу трактуется “Простоты принцип” в философской энциклопедии. **Простоты принцип — эвристический принцип**, обобщающий опыт познания, согласно которому при прочих равных условиях предпочтительна наиболее простая познавательная конструкция (теория, гипотеза, научно-исследовательская программа и т. п.). Принцип простоты допускает различные интерпретации. Исторически первичной (восходящей к античности и Средним векам) можно считать метафизическую интерпретацию: объективный

мир разумен (рационален) в своей основе, простота является неизменным атрибутом рациональности, следовательно, истинное знание о мире и путь к нему характеризуются простотой².

Эти вышеуказанные принципы при ближайшем рассмотрении, как основы социологического анализа любого общественного феномена для личности, стремящейся познать социальную реальность, по простоте и эффективности незаменимы!

Итак, исходя из вышесказанного, **первый из основных принципов анализа** социального явления и касающейся его социологической информации в нашем случае следующий - **суть любого социального феномена находится на поверхности социального бытия**. Вследствие этого любой социальный феномен доступен для простого анализа при помощи несложных “бытовых” категорий. Более того, принцип простоты исповедовал в “Изложении системы мира” и знаменитый П. Лаплас, подчёркивая следующее: **“Природа при бесконечном разнообразии своих действий проста только в своих причинах**, и мы видим в ней небольшое число законов, рождающих огромное число явлений часто весьма сложных...”³.

Таким образом, и мы можем утверждать, что **любое социаль-**

¹ Зиновьев А.А. Запад./ А.А.Зиновьев – М: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2007. С. 11

² Простоты принцип // Новая философская энциклопедия: в 4 т. [Электронный ресурс]. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. — М.: Мысль, 2000—2001. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH2120954aaecac8b1b76221?p.s=TextQuery> (дата обращения: 09.08.2018).

³ Лаплас П. Изложение системы мира./ П. Лаплас. т. 1. - СПб., 1861, С. 74



ное явление можно описать простыми категориями, доступными для восприятия на бытовом уровне. Именно здесь кроется различие между “знать” и “понимать” по А.А. Зиновьеву. Знания перегружены терминами и определениями, за которыми очень часто стоит непонимание. Понимание же наоборот доступно в своей непосредственной простоте и подтверждается непосредственной практикой, как и всё гениальное – просто!

От этого основного принципа мы и будем отталкиваться в своих исследованиях социальной реальности, которые нам предстоят в дальнейшем. Ещё более кратко его можно сформулировать так: **“Всё на поверхности”**.

1.2 Человек и общество неотделимы друг от друга. Этот принцип не вызывает сомнений. Но нам необходимо подчеркнуть, что человек являясь одновременно и биологическим и социальным существом, является отражением общества во всей его полноте и разнообразии социальной жизни индивида. Как капля океана достаточно достоверно отражает весь его химический состав, так и в социологическом анализе человек, например, отражает настроения группы и общества. Так же и общество в целом отражает настроения индивидов, его составляющих, но уже на более высоком усложнённом уровне. Другими словами, обобщая данный принцип, можно выделить, по нашему мнению, и более общий принцип дальнейшей социальной рефлексии: **“Начни с анализа самого себя, если хочешь познать других...”**

Такого же мнения и известный философ Ф. Шиллер, которого

сложно упрекнуть в недостатке общественной проницательности: **“Если хочешь познать самого себя, то посмотри, как это делают другие; если же хочешь других понять, то посмотри в своё собственное сердце”**¹.

Э. Дюркгейм также подчёркивал тесную взаимосвязь между коллективным сознанием и социальной средой в зависимости от изменения размера групп, мобильности и плотности их индивидуальных компонентов, соотношения между индивидуальными воззрениями и коллективным разумом, который и является источником изменений общих верований. Дюркгейм считал мнение коллектива жизненным узлом всего общества. **Общество он провозгласил “композицией всякого рода идей, верований и чувств, которые реализуются через посредство индивидов”**².

Исходя из личного опыта, можно с уверенностью утверждать следующее. Как только начинаешь **анализировать своё поведение, своё “Я”**, излагая это на бумаге, то появляется первый и дальнейший опыт исследования, как общества, так и окружающего мира в целом, а также его структура. Таким образом, **собственное “Я” – это призма, концентрирующая и синтезирующая информацию обо всём вокруг.** Аналог физической призмы, которая может концентрировать спектр радуги в белый свет и наоборот, разлагать белый свет на спектр.

¹ Всемирная энциклопедия афоризмов: собр. мудрости всех народов и времен / авт.-сост. Е. Агеева. - М.: АСТ, Астрель, 2009. - 685 с.

² Durkheim E. Sociologie et philosophie. P., 1924, P. 85



Следовательно, именно собственное “Я” является важнейшим ресурсом исследований окружающего мира. “Я”- важнейший субъект и он же объект любого социального исследования. **Именно вследствие неотделимости личности и общества мы и будем исследовать общество через познание личного “Я”.** Что и подлежит дальнейшему осмыслению в нашем исследовании ниже.

Следующие за вышеуказанными принципы социологического анализа являются теориями таких классиков социологической мысли, как О. Конта, М. Вебера, В. Парето, Э. Дюркгейма, которые до сих пор актуальны. Эти столпы социологической науки заложили такие принципы социологической методологии, как:

- формирование социологии как науки по образцу естественных наук;
- эмпирическое подтверждение теории;
- изучение социальных явлений, доступных измерению и верификации;
- количественное описание социальных явлений;
- свобода науки от ценностных ориентиров исследователя и от его идеологических предпочтений.

Некоторые из этих принципов спорны, но от этого не теряют своей ценности.

1.3 Концепция “Homo Duplex”

Э. Дюркгейма. В соответствии с концепцией Э. Дюркгейма, **социальная реальность автономна по отношению к индивидуальной реальности, имеющей биопсихический характер.** По его словам, “...формула Homo duplex под-

тверждается фактами. Наше устройство отнюдь не просто, наша внутренняя жизнь словно бы обладает двойным центром притяжения. С одной стороны, это наша индивидуальность, а точнее — наше тело, на котором она основана¹; с другой стороны — всё, что выражает в нас нечто иное, нежели мы сами”².

Таким образом, согласно взглядам Э. Дюркгейма, **человек - это двойственная реальность, в которой сосуществуют, борются и взаимодействуют две сущности: социальная и индивидуальная.** Эта борьба принимает различные формы. В частности постоянство человеческой природы играет против социальных нововведений, устойчивость социальных институтов (например, государства, церкви и пр.) противопоставлена действиям отдельных индивидов; социально предписанное поведение личности входит в противоречие со спонтанными проявлениями людей.

Двойственная реальность человека происходит из того, что в нём **сталкиваются два мира:** с одной стороны, **мир** лишённой разума и морали **материи**, с другой — **мир Идей**, Духа, Блага. Поскольку эти два мира противны друг другу по своей природе, они сражаются в нас, и так как в нас есть что-то от одного из них, а что-

¹ Мы говорим “наша индивидуальность”, а не “наша личность”. Хотя эти два слова часто путают, их следует различать со всей возможной тщательностью. Личность, по существу, состоит из надиндивидуальных элементов (см. об этом: Les formes élémentaires de la vie religieuse. P. 386–390).

² Дюркгейм Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия. / Э. Дюркгейм // Социологическое Обозрение. Т. 12. №2. 2013 С. 136



то — от другого, мы неизбежно будем находиться в конфликте с самими собой¹.

По небезосновательному мнению Дюркгейма "...мы состоим из двух частей, как бы из двух существ, которые связаны друг с другом, но сделаны из совершенно разных элементов и направляют нас в противоположные стороны. В целом эта двойственность соответствует тому двойному существованию, которое мы одновременно ведём: одно из них — чисто индивидуальное и коренится в нашем организме, а второе — социальное и представляет собой просто продолжение общества².

Э. Дюркгейм настаивает на том, что **общество** возникло в результате взаимодействия индивидов, но, **единожды возникнув, начинает жить далее независимой от своих носителей жизнью и подчинять индивида себе**. "... Общество обладает собственной природой, а, следовательно, предъявляет совсем иные требования, нежели те, что предполагаются природой индивида. Интересы целого совсем необязательно совпадают с интересами части, и именно поэтому **общество не может ни возникнуть, ни поддерживаться, не требуя от нас постоянно дорогих жертв**. Уже за счёт того, что оно **превосходит нас, оно вынуждает нас превосходить себя самих**; а для существа превзойти себя означает в некоторой степени **выйти за пределы своей природы**, что возможно только **за счёт более или менее мучительного напряжения**"³.

Таким образом, **общество - особая надличностная реальная сила**, согласно воззрениям Дюркгейма - надындивидуальное образование. Дюркгейм писал: "**Социальные верования или акты способны существовать независимо от их индивидуальных выражений**. Этим, очевидно, мы не хотели сказать, что общество возможно без индивидов: подозрение в провозглашении столь явной нелепости нас могло бы и пощадить"⁴. Под "независимостью социума" Дюркгейм подчёркивал его объективность по отношению к индивиду и его специфические качества, а не его сверхъестественность. Социолог соотносил общество и индивидов как отношение целого и его частей на примере синтеза химического целого из его составных элементов. "Мы отнюдь не хотим гипостазировать коллективное сознание, мы столь же мало допускаем субстанциональную душу в обществе, как и в отдельном индивидууме"⁵.

1.4 В. Парето – Концепция "нелогического действия". Большинство действий человека нелогичны. Вследствие этого уже после действия для оправдания последнего подводится необходимый логический фундамент (следовательно, математика служит по истине "царским" фундаментом логического обоснования чьих-то сформированных иррационально идей).

Парето делил **социальные действия на нелогические и логические**, разбивая действие на состав-

¹ Дюркгейм Э. Указ. Соч. С. 139

² Там же. С. 143

³ Там же. С. 144

⁴ Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. / Э. Дюркгейм. СПб., 1912. С. 436

⁵ Там же. С. 26



ляющие его элементы — внешне наблюдаемое действие, **рациональное его обоснование (которое даётся после свершившегося) и психическое состояние действующего лица.** Последнее рассматривалось как **объективная основа действия**, определяющая его характер. **Психическое состояние индивида Парето считал “объективной” основой социального феномена** в отличие от его субъективной основы, под которой он понимал аргументы, рационально выдвигаемые действующим лицом¹.

Парето полагал, что главная ошибка его предшественников заключалась в том, что они пренебрегали объективной стороной дела и изучали только возникающие на её почве теоретические концепции, т. е. ограничивались изучением субъективного аспекта действительности. **“Объективное” же социологическое исследование должно быть направлено на изучение психических установок (читай *ожиданий* – Авт.) и обуславливаемых ими “нелогических” действий, составляющих основную массу всех человеческих действий вообще.** “Нелогические” действия характеризуются тем, что люди, их совершающие, **не знают истинных объективных связей между явлениями (руководствуясь сформированными *ожиданиями* – Авт.) и поэтому используют неадекватные средства для достижения целей, “нелогически” соединяя цели и средства.** Связь средств и цели в данном случае иллюзорна и существует только в представлении действующего субъекта. Таковы,

¹ Pareto V. Trattate di sociologia generale. Milano, 1964. Vol. 1, P. 80

например, жертвоприношения и другие религиозные обряды, цель которых умилоствить божество и добиться тем самым поставленной цели. Такого рода средства не связаны с целью объективно и потому не ведут к её достижению².

С субъективной точки зрения все действия кажутся логичными тому, кто их совершает. Для объективации рассмотрения “нелогических” действий Парето предлагал **считать критерием субъективности мнения наблюдателей как “лиц, обладающих более обширными знаниями”³.**

Настаивая на нелогичности индивида, он подчёркивал, что **действия человека никогда не являются тем, чем они кажутся ему самому.** Специфически человеческое состоит не в разуме, а в способности использовать разум для маскировки своих “нелогических” действий при помощи кажущихся логическими (на основе общепринятых *ожиданий* – Авт.) теорий и аргументов, набрасывая покрывало на свои инстинкты и чувства.⁴ Соотношения чувств и разума, чувств и идеологий у Парето сводится к приоритету чувств, считая их истинными движущими силами человеческой истории. **Идеологии Парето называет “языками чувства”, считая основой динамизма социальной системы эмоции,** поскольку нелогичность человека, её черты и особенности истолковывались им независимо от социально-

² Pareto V. Трансформация демократии / В. Парето, М.: Издательский дом “Территория будущего”, 2001. С. 67

³ Pareto V. Trattate di sociologia generale. Milano, 1964. Vol. 1, P. 81

⁴ Pareto V. Trattate di sociologia generale. Milano, 1964. Vol. 2, P. 4



экономического контекста любого действия. Сам подход к обществу как к системе был правомерен, но принцип основанный на механической взаимосвязи элементов не мог удовлетворительно объяснить функционирования общества как целого, без обоснования системы **совместных взаимных ожиданий**.

1.5 М. Вебер концепция “четырёх типов социального действия”. Согласно М. Веберу, целерациональное действие — это идеальный тип, а не эмпирически общее, и в чистом виде практически не встречается. Это **наиболее важный тип социального действия, образец, с которым соотносятся все остальные типы действия.** Их Вебер перечисляет в следующем порядке: “Для социологии существуют следующие типы действия: 1) более или менее приближённо достигнутый правильный тип (Richtigkeitsstypus); 2) (субъективно) целерационально ориентированный тип; 3) действие, более или менее сознательно и более или менее однозначно целерационально ориентированное; 4) действие, ориентированное не целерационально, но понятное по своему смыслу; 5) действие, по своему смыслу более или менее понятно мотивированное, однако нарушаемое — более или менее сильно — вторжением непонятных элементов и, наконец, 6) действие, в котором совершенно непонятные психические или физические факты связаны “с” человеком или “в” человеке незаметными переходами”¹.

Очевидно, что в основе вышеуказанной шкалы лежат сравнения

потенциально целерационального действия индивида с правильно-рациональным действием. Наиболее очевидным является **целерациональное действие** и именно оно **более всего достойно научного изучения** с точки зрения М. Вебера. По мере убывания рациональности действие становится все менее социально понятным - иррациональным, хотя **“часть всякого социологически релевантного действия (особенно в традиционном обществе) стоит на грани того и другого”**², рассматривая другие виды человеческого поведения как отклонение от целерационального типа.

Но с точки зрения социологии, которая даёт понимающее истолкование действия, эти образования суть только процессы и связи специфических действий отдельных людей, так как только последние являются понятными для нас носителями действий, имеющих смысловую ориентацию”³.

“Действием следует... называть человеческое поведение (безразлично, внешнее или внутреннее деяние, не деяние или претерпевание), если и поскольку действующий или действующие связывают с ним некоторый субъективный смысл. Но **“социальным действием”** следует называть такое, **которое по своему смыслу, подразумеваемому действующим или действующими, отнесено к поведению других и этим ориентировано в своём протекании”**⁴.

Таким образом, **социальное действие**, по Веберу, **подразуме-**

² Там же. S. 503

³ Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Köln; Berlin, 1964., Hlbbd. I, S. 10

⁴ Там же. S. 1

¹ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissensschaftslehre. Tübingen, 1951., S. 411



вает наличие двух составляющих: субъективной мотивации индивида или группы, без которой не может быть действия, и ориентации на другого (других), которую Вебер называет ещё и “ожиданием”, без которой действие не может рассматриваться как социальное. Вебер утверждает, что без учёта мотивов действующего индивида социология не в состоянии установить те причинные связи, которые, в конечном счёте, позволяют создать объективную картину социального процесса¹.

Вводя понятие социального действия, Вебер, по сути, даёт определение социального факта, в противовес Дюркгейму, который характеризуется у последнего наличием внешнего принуждения, прилагаемого к индивиду и независимостью от проявления личности в обществе.

Вебер пишет: “Социальное действие... может быть ориентировано на прошлое, настоящее или *ожидаемое* в будущем поведение других индивидов (месть за нападение в прошлом, оборона при нападении в настоящем, меры защиты против будущего нападения). В качестве “других” могут выступать известный индивид или неопределённо многие и совсем неизвестные (например, “деньги” означают средство обмена, которое действующий индивид принимает при обмене, так как ориентирует своё действие на *ожидание* того, что в будущем при обмене их в свою очередь примут неизвестные ему и неопределённо многие другие)”².

¹ Parsons T. The structure of social action. N.Y., 1961., P. 1

² Weber M. Указ. соч. S. 2

Введением М. Вебером в социологию принципа “ориентации на другого” есть небезуспешная попытка поиска всеобщего базиса социального при помощи внутриметодологического индивидуализма, без которого целерациональное действие остаётся непонятым “другими”.

Случаи действия, когда индивид не отдаёт себе отчёта, как в собственных, так и в социальных мотивах, попадают в категорию аффективных, и подлежат рассмотрению за пределами социологии. Так психоанализ возник из практики лечения душевнобольных, по отношению к которым врач считает себя лучше понимающим их состояние, чем они сами это понимают на основании социального признания его соответствия занимаемой должности при помощи владения набором общепринятых признаков (диплом, практика, должность и т.п.). Следовательно, понятие болезни более тяготеет к общесоциальной сфере нежели к сфере медицины.

Вебер считает ориентацию действующего лица на другого индивида (других индивидов) обязательным моментом социального действия. Поясняя о какой ориентации идёт речь, Вебер показывает четыре типа социального действия: целерациональное (zweckrationale), как “идеальная модель” целерационального действия, ценностно-рациональное (wertrationale), аффективное и традиционное. “Социальное действие, подобно всякому действию, может быть определено: 1) целерационально, т. е. через *ожидание* определённого поведения предметов внешнего мира и других людей и



при использовании этого *ожидания* как “условия” или как “средства” для рационально направленных и регулируемых целей (критерием рациональности является успех); 2) ценностно-рационально, т. е. через сознательную веру в этическую, эстетическую, религиозную или как-либо иначе понимаемую безусловную собственную ценность (самоценность) определённого поведения, взятого просто как таковое и независимо от успеха; 3) аффективно, особенно эмоционально — через актуальные аффекты и чувства; 4) традиционно, т. е. через привычку”¹.

Как видим, М. Вебер неоднократно подчёркивал важность *ожиданий* в совершении социального действия, но эти мысли в дальнейшем не получили должного внимания и развития со стороны многих учёных.

1.6 Д. Рисмен: Людей в обществе объединяют следующие три типа социального характера:

- Ориентация-на-традиции;
- Ориентация-на-себя;
- Ориентация-на-идеального другого.

Согласно Рисмену, “социальный характер”- это, скорее, та часть характера, которая формируется в процессе жизнедеятельности и представляет своего рода “установку”, с которой человек подходит к миру и людям”².

Касательно “социального характера” Рисмен выделяет ту часть “характера”, которая *являет-*

ся совместной для близкого окружения индивидуума, его “значимых других”, и которая формируется под влиянием социальных факторов, что позволяет ему говорить о социальном характере классов, наций, обществ и т. д., ориентируясь на потребность общества в определённом типе характера большинства его членов. Рисмен подчёркивает: “Следует иметь в виду, что речь здесь идёт не о “личности” как таковой, представляющей собой целостное “Я”, которая включает в себя темперамент, различные способности и таланты, и прочие компоненты и атрибуты психики. Это и не просто “характер”, связанный лишь с частью личности и передающийся по наследству”³.

Касательно взаимосвязи общества и социального характера, очень точно подмечено Э. Фроммом следующее: “Для того чтобы любое общество могло нормально функционировать, его члены должны иметь такой характер, который побуждал бы их действовать именно так, как они должны действовать в качестве членов данного общества... они должны хотеть делать то, что является для них объективной необходимостью. Внешняя сила заменяется внутренним побуждением и особого рода человеческой энергией, которая анализируется в черты характера”⁴.

Рисмен в своих исследованиях устанавливает взаимосвязь между различными стадиями роста насе-

¹ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1951., S. 551

² Risman D., Glaser N., Danney R. Lonely crowd. The study of American character. New York, 1950., P. 18

³ Руткевич Е.Д. Типология социального характера Д. Рисмена / Руткевич Е.Д. // Социологические исследования. 1993. № 3. С. 119

⁴ Fromm E. The Sane Society. 1955., P. 79



ления, общественными историческими этапами и следующими типами социального характера: **“ориентированный-на-традицию”**, **“ориентированный-на-себя”** и **“ориентированный-на-другого”**.

Так для индивида, **“ориентированного-на-традицию”**, характерна высокая степень конформности, приверженность традициям, связанным с семьёй, кланом, ритуалом, религией, кастой и подчинением властным структурам и в этом смысле он **“принадлежит обществу, а не является лишним”**, как зачастую происходит в современном обществе. Социальный характер в таком обществе можно назвать **матрицей самих социальных форм**. Доминирующий поведенческий мотив здесь — это страх быть опозоренным в случае несоответствия принятым в обществе нормам, **выполнения которых от него ожидают**¹.

Ориентация-на-себя, характеризуется внутренним источником мотивации индивида, со своего рода **“внутренним голосом”** или **“психическим гироскопом”**, определяющим его поведение, означающее меньший контроль семьи, клана и прочих авторитетов, т.е. здесь человек осознает, что его судьба — в его руках².

Ориентация-на-другого - тип характера, который **сочетается с возрастающим потреблением информации и образов**, в избытке предоставляемых всё более изощрёнными средствами массовой коммуникации, где источником ориентации-на-себя оказываются

примеры других людей **“группы равных”** (то есть те, кто сродни индивиду по статусу, классу, возрасту и т. п.), **которые интернализируются индивидом в раннем детстве и впоследствии оказываются руководством к действию (налицо технологичность формирования взаимных ожиданий – Авт.)**. В зависимости от характера этого руководства могут меняться его цели, интересы и т. д. — не меняется лишь эта зависимость от других³.

Исходя из вышесказанного, мы можем говорить не только об исторической взаимосвязи между этапами общественной эволюции и типами социального характера, но и определить эти **типы как ориентацию в социуме личности в зависимости от социальной зрелости последней**. Выбор перед личностью между этими тремя типами ориентаций постоянно ставится современным обществом... Выбор личности в результате воздействия СМИ и доминирования общепринятого мнения очевиден — ориентация на других - **“делай как я”!**

1.7 О. Конт: “идеи управляют (социальным) миром”, ибо социальный мир есть мир идей, а человек есть животное, созидующее царство логического бытия — новую и высшую форму мировой энергии⁴. Таким образом **“идеи управляют и переворачивают мир... весь социальный механизм покоится, в конце концов, на мнениях”**⁵.

³ Там же. Р. 28

⁴ Цит. по: *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. С. 531.

⁵ *Конт О.* Курс позитивной философии /О. Конт // Родоначальники позитивизма Вып. 1 СПб., 1912, С. 19

¹ *Risman D., Glaser N., Danney R.* Lonely crowd. The study of American character. New York, 1950.,Р. 23

² Там же. Р. 25



Попытаемся на основе непредвзятого анализа этого тезиса **через понимание себя препарировать окружающую индивида социальную действительность**. Для этого поэтапно проанализируем эволюцию индивида в обществе в течение его социальной жизни **через призму восприятия идей**. Запишем содержание указанного выше принципа “человек есть животное, создающее царство логического бытия” в виде формулы (1):

1. Животное + Интеллект = Социальное животное.

Итак, видим, что прежде чем стать человеком ребёнку необходимо пройти первую стадию – приобрести интеллектуальные навыки, т.е. из животного, у которого преобладают инстинкты, стать социальным животным – приобрести навыки и способности к социальной жизни: прежде всего, **речь, как основу социальной коммуникации и мышления, на основе развития последней**. Причём есть следующее наблюдение: если до 7 – 10 лет речевые навыки у ребёнка не будут выработаны, то он так и останется на уровне животного с зачатками интеллекта, который по отношению к воспитавшей его стае будет превосходить их, но по отношению к социализированному в детстве человеку умственно намного отставать.

Это неоднократно подтверждено антропологами и не вызывает сомнения, по причине систематически возникающих прецедентов, которые получили такой научный термин, как “Феральные люди” (“маугли”, “дети джунглей”) — люди, выросшие в изоляции от человеческого общества, среди животных, в результате чего навсегда

утратившие возможность достичь нормального психического, умственного развития. Появление таких людей ярко подтверждает социальный характер человека, огромную роль социального окружения и воспитания в процессе становления личности¹.

Далее тезис по Конту “царство логического бытия — новую и высшую форму мировой энергии” (здесь это мир идей - Авт.) представим в виде формулы (2):

2. Социальное животное + Идея = Человек.

На этом этапе человеческой эволюции, следуя логике, социальному животному необходима идея, как питательная среда, как царство логического бытия, в котором уже **став человеком, он будет это царство заново для себя воссоздавать на основе идей, полученных, опять же, из социума**. Так, например, мы, впитывая с детства общепринятые идеи о календаре² и времени¹, которые имеют

¹ **ФЕРАЛЬНЫЕ ЛЮДИ**. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Словарь по педагогике /Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. — М.: ИКЦ “МарТ”; Ростов н/Д: Изд. ц. “МарТ”, 2005. - 448 с.

² **КАЛЕНДАРЬ** (от лат. *calendarium*, букв.-долговая книга; в таких книгах указывались первые дни каждого месяца - календы, в к-рые в Др. Риме должники платили проценты), система счисления длительных промежутков времени, в основе к-рой лежат периодич. явления природы, связанные с движением небесных светил. В развитии К. находят отражение условия хоз. уклада народов. Астрономические основы календаря. В К. используются астрономич. явления: смена дня и ночи, изменение лунных фаз и смена времён года. На их основе установлены единицы измерения больших промежутков времени... Календарь // Большая Советская Энциклопедия // URL: <http://bse.sci-lib.com/article057829.html> (дата обращения: 09.08.2018)



социальные корни, но первоначально рассчитывались исходя из основных точек эклиптики, далее не задумываемся об их внеприродном, относительно индивида, происхождении и воспринимаем их как нечто совершенно “естественное”.

Можно подчеркнуть, что даже название месяцев говорит в пользу исторического применения начала календарного года в марте. Так сентябрь - седьмой (septima), октябрь - восьмой (octava), ноябрь - девятый (nona), декабрь - десятый (decima)... Соответственно сего-

¹ **ВРЕМЯ**, основная (наряду с пространством) форма существования материи, заключающаяся в

закономерной координации сменяющих друг друга явлений. Оно существует объективно и неразрывно

связано с движущейся материей (налицо явное противоречие с дальнейшим текстом энциклопедии, что говорит о его искусственном внедрении в физике - Авт.)...

С развитием хоз. деятельности человека (! - Авт.) к проблеме измерения В. стали предъявлять более высокие требования. Сейчас используются три основные системы измерения времени. В основе каждой из них конкретный периодический процесс: вращение Земли вокруг своей оси - всемирное время UT; обращение Земли вокруг Солнца - эфемеридное время ET; и излучение (или поглощение) электромагнитных волн атомами или молекулами некоторых веществ при определенных условиях - атомное время AT, определяемое с помощью высокоточных атомных часов. Появление в 17 в. механических часов привело к необходимости введения среднего солнечного времени. "Среднее (или среднее эклиптическое) солнце" - это фиктивная точка, равномерно движущаяся по небесному экватору со скоростью, равной средней за год скорости движения истинного Солнца по эклиптике. Секунда. Использование атомной секунды в качестве эталонной единицы времени было принято 12-й Международной конференцией по мерам и весам в Париже в 1964 (! - синхронизация социальных процессов - Авт.). Она определяется на основе цезиевого эталона.

Время // Большая Советская Энциклопедия // URL: <http://bse.sci-lib.com/article006993.html> (дата обращения: 09.08.2018)

дняшние январь - одиннадцатый и февраль был двенадцатым месяцем древнего календаря. Ну а первым - март!

Таким образом, **календарь и время служат не более чем инструментом синхронизации индивида с себе подобными**. Это легко выясняется даже при беглом сравнительном просмотре календарей (например, майя, ацтеков) отличных от общепринятого сегодня Григорианского. То же самое относится и к понятию “Время”.

Далее, согласно Конту (идеи управляют и переворачивают мир), представим его тезис в виде формулы (3) в зависимости от уровня воспринятых человеком идей во время процесса воссоздания царства логического бытия (независимо от его соответствия или несоответствия реальности):

“Возвышенная Идея” = Творец



3. Человек + “Низменная Идея” = Социальное животное

Итак, исходя из тезиса Конта, видно, что **идеи в любом случае воспринимаются человеком. Но именно их возвышенный или низменный уровень определяет дальнейшее развитие индивида (как Tabula Rasa Дж. Локка) в процессе построения новой и высшей формы мировой энергии - его зрелость**. Социологического, философского, литературного и других осмыслений данного феномена, а также примеров из жизни предостаточно.

Здесь как образец можно взять касто-варную систему в Индии и низшую касту “неприкасаемых”, в основе деления которой **этика индуизма и представления (т.е. идеи) о карме (дхарме) и сансаре**.



Кастовый статус живущего человека представляется как заслуженный им в прежней жизни и способный быть изменённым лишь в жизни последующей. Касты разделяются на высшие (брахманские, воинские, 8% населения), средние (торговые, землевладельческие, 22%), низшие (земледельческие и ремесленные, 39%), «неприкасаемые»¹ (около 20%); остальное население не входит в систему каст (мусульмане, христиане и пр.). В итоге внедрения и неискоренимости (об этом в следующих далее главах) этой идеи Индия получила до 20% населения (до **250 млн. человек!** т.е. чуть менее 2-х кратного населения России!), находящегося в обществе **на положении хуже такого животного, как корова**. Исторически (т.е. идея настолько

¹: «НЕПРИКАСАЕМЫЕ»- лица, принадлежащие к кастам, занимающим низшие ступени сословно-кастовой иерархии в Индии. Согласно индуистской догме, «Н.»находятся вне традиционного деления индусского общества на 4 варны (отсюда индусское название «панчама», т. е. лица 5-й варны). В средние века в Индии «Н.»— внутриобщинные рабы, крепостные и лица, занимающиеся «нечистыми» профессиями (обработка кожи, уборка нечистот, стирка, рыболовство и др.). В новое и новейшее время большинство «Н.»— закабалённые батраки, чернорабочие, прачки, кожевники, ассенизаторы. В индуизме общение с «Н.»считается оскверняющим для лиц, принадлежащих к более высоким кастам (на юге Индии ограничения в общении с «Н.»ещё более суровы, здесь «неприкасаемость»переходит в «неприближаемость»). В современной Индии «Н.»составляют около 20% всех индусов. После завоевания Индией независимости (1947) дискриминация «Н.»была запрещена законом (1955). Однако и поныне некоторые традиционные ограничения остаются — «Н.»во многих местах не могут пользоваться общими колодцами и т.д.
Неприкасаемые // Большая Советская Энциклопедия // URL: <http://bse.scilib.com/article081235.html> (дата обращения: 09.08.2018)

укоренилась и получила общепринятое распространение, что её традиционность не вызывает сомнения и догматизирована), корова всегда отождествлялась с варной брахманов (священников) и **убийство коровы рассматривалось как такое же тяжкое преступление, как убийство брахмана**. В настоящее время в Индии, где индуизм исповедует большинство населения, **корова** находится под защитой государства и **пользуется огромным уважением**.

О возвышенных идеях тоже немало исследований, но остановимся на своём обыденном опыте. Если любому человеку проанализировать собственное состояние во время какого-либо творческого акта (рукоделие, поделка, рисование, музыка и т.п.), то этот процесс творения настолько его захватывает, что порой человек забывает о своих физиологических потребностях, например, в пище. Вспомните, как в детстве мы настолько увлекались игрой, что забывали о времени. В данном контексте **мы через игру творили высшую форму мировой энергии!**

Таким образом, вышеуказанные теоретико-методологические основы концепции «Общества ожиданий» подтверждаются нашим собственным опытом и различными научными исследованиями.

В социологии тема «ожиданий» не пользуется популярностью и разрабатывается немногими исследователями. В основном данная тематика проработана в психологии и лишь частично в социальной психологии, которая является также ветвью общей социологии.

С другой стороны, по нашему мнению, разработка данной про-



блематики позволит снять множество накопившихся противоречий в современной социологии и не только в ней, т.к. большинство исследований последнего периода находятся именно на стыке различных наук. Объяснение этому простейшее: **человек сложное комплексное существо – основной элемент социальной системы**, которую мы и попытаемся препарировать в наших дальнейших исследованиях с точки зрения теории “Общества ожиданий”. Более того, только посредством комплексного изучения человека возможно исследовать данную тематическую область! Как ни странно, **ближайший из этой области объект исследования – это мы сами со всеми сложностями перипетий жизни. Научившись его познавать и анализировать, мы существенно продвинемся в изучении такой системы как общество.**

Идея создания теории “Общества ожиданий” вызрела у нас давно и постепенно, проявляясь в отдельных аспектах диссертационного исследования¹ и сопутствующих нашей научной деятельности отдельных научных изысканий по социологии, часто имеющих характер качественных исследований. В них была предпринята попытка найти базовые принципы проявления и построения социальных взаимоотношений и поставить их во главу угла теории «Общества ожиданий», отражающей, исходя из

¹ Стоянов А.С. Сущность и структура социального управления в основных сферах жизнедеятельности современного российского общества (динамика изменения и перспективы развития): диссертация канд. социол. наук. / А.С. Стоянов. - М.: МГУ, 2005. – 153 с.

определения, основу построения взаимосвязей в обществе – **создания взаимных ожиданий**², независимо от уровня их проявления: индивидуального, группового или социального. Ибо без социальных взаимоотношений, читай взаимосвязей-ожиданий, отсутствует и общество как таковое.

Термин “Общество ожиданий” не устоялся и требует дальнейшей тщательной теоретической и практической проработки, возможно, способной вызвать намного больше вопросов, чем ответов на поставленные в исследовании проблемы...

Вышеуказанные результаты нашей работы предполагают дальнейшее уточнение и анализ социальной системы с позиций теории “Общества ожиданий”. Данная работа - пробный камень в построении фундамента новой теории общества, возможно, нового направления социологии - **“социологии ожиданий”, призванной по-новому осмыслить роль “ожиданий” в обществе, группе и личности посредством данной теории.**

Литература

1. Durkheim E. Sociologie et philosophie. P., 1924.
2. Fromm E. The Sane Society. N. Y., 1955.
3. Pareto V. Trattate di sociologia generale. Milano, 1964. Vol. 1-2
4. Parsons T. The structure of social action. N.Y., 1961.
5. Risman D., Glaser N., Danney R. Lonely crowd. The study of American character. New York, 1950.

² Стоянов А.С. Общество ожиданий: введение в концептуальные основы теории. Элективный спецкурс. / А.С. Стоянов. - М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 336 с.



6. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1951.
7. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Köln; Berlin, 1964.
8. Время // Большая Советская Энциклопедия // URL: [http://bse.sci-lib.com/article006993.html_\(дата обращения: 09.08.2018\)](http://bse.sci-lib.com/article006993.html_(дата_обращения: 09.08.2018))
9. Всемирная энциклопедия афоризмов: собр. мудрости всех народов и времен / авт.-сост. Е. Агеева. - М.: АСТ, Астрель, 2009.
10. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. — 2-е изд. — М.: Академический Проект, 2005.
11. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010.
12. Дюркгейм Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия. / Э. Дюркгейм // Социологическое Обозрение. Т. 12. №2. 2013.
13. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. / Э. Дюркгейм. СПб., 1912.
14. Зиновьев А.А. Запад. / А.А. Зиновьев – М: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2007.
15. Календарь // Большая Советская Энциклопедия // URL: [http://bse.sci-lib.com/article057829.html_\(дата обращения: 09.08.2018\)](http://bse.sci-lib.com/article057829.html_(дата_обращения: 09.08.2018))
16. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Словарь по педагогике / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. — М.: ИКЦ "МарТ"; Ростов н/Д: Изд. ц. "МарТ", 2005.
17. Конт О. Курс позитивной философии / О. Конт // Родоначальники позитивизма Вып. 1. СПб., 1912.
18. Лаплас П. Изложение системы мира. / П. Лаплас. т. 1. - СПб., 1861.
19. Митрохин Л.Н. О феномене А.А. Зиновьева / Л.Н. Митрохин // Вопросы философии, № 4, 2007.
20. Неприкасаемые // Большая Советская Энциклопедия // URL: [http://bse.sci-lib.com/article081235.html_\(дата обращения: 09.08.2018\)](http://bse.sci-lib.com/article081235.html_(дата_обращения: 09.08.2018))
21. Парето В. Трансформация демократии / В. Парето, М.: Издательский дом "Территория будущего", 2001.
22. Простоты принцип // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. — М.: Мысль, 2000—2001. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH2120954aaecac8b1b76221?p.s=TextQuery> (accessed: 09.08.2018).
23. Руткевич Е.Д. Типология социального характера Д. Рисмена / Руткевич Е.Д. // Социологические исследования. 1993. № 3.
24. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992.
25. Стоянов А.С. Общество ожиданий: введение в концептуальные основы теории. Элективный спецкурс. / А.С. Стоянов. - М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.
26. Стоянов А.С. Сущность и структура социального управления в основных сферах жизнедеятельности современного российского общества (динамика изменения и перспективы развития): диссертация канд. социол. наук. / А.С. Стоянов. - М.: МГУ, 2005.

Theoretical and methodological foundations of the sociological concept "Society of expectations"
Stoyanov A.S.



Transnistrian State University named after T.G. Shevchenko

The search for new sociological paradigms and concepts in modern science is conditioned by the need for accurate social forecasts based on an understanding of society, by analyzing the social life of the everyday practical plane. The article summarizes the author's and established classical theoretical and methodological approaches to the study of society as a system with a bias toward the analysis of expectations in the context of the theory of the "Society of Expectations", their brief characteristics are given. A brief assessment of the relevance of the "social expectations" and "expectations" in the theoretical basis of the socium and the systemic nature of its constituent elements from the positions of O. Cont, E. Durkheim, M. Weber, V. Pareto, D. Risman and others is proposed. "Expectations" for understanding the interdependence of society and the individual, the basis of which lies the formation of "mutual expectations". On its basis new terms are proposed: "Society of expectations", "mutual expectations", the theory of "Society of Expectations", the sociology of expectations.

Key words: social expectations, expectations, mutual expectations, Society of expectations, sociology of expectations.

References

1. Durkheim E. Sociologie et philosophie. P., 1924.
2. Fromm E. The Sane Society. N. Y., 1955.
3. Pareto V. Trattate di sociologia generale. Milano, 1964. Vol. 1-2
4. Parsons T. The structure of social action. N.Y., 1961.
5. Risman D., Glaser N., Danney R. Lonely crowd. The study of American character. New York, 1950.
6. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1951.
7. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Köln; Berlin, 1964.
8. Time // Big Soviet Encyclopedia // URL: <http://bse.sci-lib.com/article006993.html> (accessed: 08.09.2018)
9. World Encyclopedia of Aphorisms: Sobr. wisdom of all peoples and times / ed. comp. E. Ageeva. M.: AST, Astrel, 2009.
10. Giddens E. Organization of society: Essay on the theory of structure. - 2nd ed. - M.: Academic Project, 2005.
11. Gorts A. Intangible. Knowledge, value and capital. M., 2010.
12. Durkheim E. The dualism of human nature and its social conditions. / E. Durkheim // Sociological Review. T. 12. No. 2. 2013.
13. Durkheim E. Suicide. Sociological study. / E. Durkheim. SPb., 1912.
14. Zinoviev A.A. West./A.A. Zinoviev - M: Algorithm Publishing House, Eksmo Publishing House, 2007.
15. Calendar // Great Soviet Encyclopedia // URL: <http://bse.sci-lib.com/article057829.html> (accessed: 08/09/2018)
16. Kodzhaspirova G. M., Kodzhaspirov A. Yu. Dictionary of pedagogy / G. M. Kojaspirova, A. Yu. Kojaspirov. - M.: ICC "Mart"; Rostov n / a: Publ. c. "Mart", 2005.
17. Comte O. The course of positive philosophy / O. Comte // The founders of positivism Vol. 1. St. Petersburg., 1912.
18. Laplace P. Statement of the world. / P. Laplace. T. 1.- SPb., 1861.
19. Mitrokhin L.N. About the phenomenon of A.A. Zinoviev / L.N. Mitrokhin // Questions of Philosophy, No. 4, 2007.
20. The Untouchables // Great Soviet Encyclopedia // URL: <http://bse.sci-lib.com/article081235.html> (accessed: 08/09/2018)
21. Pareto V. Transformation of democracy / V. Pareto, M.: Publishing House "Territory of the Future", 2001.
22. The simplicity principle // New philosophical encyclopedia: in 4 vols. / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Nat social science fund; Pres scientific ed. Council V.S. Stepin. - M.: Thought, 2000-2001. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collectio n/newphilenc/document/HASH2120954aae cac8b1b76221?p.s=TextQuery> (accessed: 08/09/2018).
23. Rutkevich E.D. Typology of a social character D. Rismen / Rutkevich E.D. // Sociological studies. 1993. No. 3.
24. Sorokin P.A. Person. Civilization. Society /P.A. Sorokin; per. from English - M.: Politizdat, 1992.
25. Stoyanov A.S. The society of expectations: an introduction to the conceptual foundations of theory. Elective special course. / A.S. Stoyanov. - M.: FLINT: Science, 2016.
26. Stoyanov A.S. The essence and structure of social management in the main spheres of life of modern Russian society (dynamics of change and development prospects): Ph.D. sociol. sciences. / A.S. Stoyanov. - M.: Moscow State University, 2005.



Многодетный образ жизни в современных социально-экономических условиях

Грудина Т.Н.

В статье рассматриваются вопросы функционирования многодетной семьи в современных социально-экономических условиях. В последние десятилетия в структуре нашего общества идея многодетности не находит особенного вдохновения. Поэтому формирование социокультурной и социально-экономической среды, направленной на поддержание многодетного образа жизни, является важным аспектом в процессе реализации современной семейно-демографической политики.

Ключевые слова: социокультурная среда, кризис семьи, многодетный образ жизни, семейно-демографическая политика, благосостояние

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейнодетных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037

Тенденции модернизации общества способствовали тому, что к концу XX века в индустриальных странах мира фактически произошло разрушение расширенной многодетной семьи - наступил кризис семейной цивилизации. Разрушился аграрный тип производства и семейного функционирования общества. Машины, техника, компьютерные технологии – все это убирает человека как главное действующее лицо с арены современной цивилизации, а семью - как основной механизм воспроизводства населения. Происходит стремительный рост технологий в XXI веке: роботизация, цифровизация, репродуктивные инкубаторы, искусственный интеллект – современной культуре уже не очень сильно нужен человек.

Последствием разрушения многодетной семьи и превалированием в обществе малодетного, в основном однодетного (и уже все чаще бездетного) образа жизни стало повсеместное сокращение численности населения. Процесс депопуляции усугубляется как в России, так и во всем мире. Его пытаются объяснить по-разному: выдвигаются и социальные, и экономические причины, однако депопуляция выступает итогом и результатом глобальных общественных трансформаций, изменения места и роли семьи в обществе и, вместе с тем, постепенного угасания ее социальных функций – в первую очередь, репродуктивной и социализационной. Потребность в



нескольких детях перестает быть значимой, в качестве нормы выступает малодетность, создаются сообщества, пропагандирующие жизнь вообще без детей (движение чайлдфри¹). «Массовое распространение однодетной семьи, спад регистрируемой брачности и рост сожительства, непрерывный подъем разводимости, депривация родителей и детей, расширение неполноты семьи и псевдосупружество пар - все эти процессы продолжают пониматься большинством демографов в духе "прогрессивной рационализации" социальной структуры, якобы предлагающей семье ряд новых возможностей "рационального выбора"[2].

В глубине зародившегося факультетского кризиса лежит разрушение экономической деятельности семьи. Начался этот длительный процесс уже несколько веков назад и медленно набирал обороты. В XIX веке как среди аристократии, так и среди крестьян в семьях было по 5-7 детей, хотя рождалось больше. В XX веке все зашло в тупик. Семейный образ жизни постепенно теряет свою актуальность и привлекательность, брак и семья становятся людям неинтересны. До тех пор, пока семья была экономическо-производственным институтом и нуждалась в рабочей силе, она сама для себя эту рабочую силу рождала. Нуклеаризация семьи обусловлена девальвацией старой системы ценностей. Как пишет Георг Зиммель «рядом с идеалом либерализма, в XIX веке вырос другой, под влиянием, отчасти, Гете и романтики, отчасти под влиянием экономического разделения труда освобожденные от

исторических цепей индивиды захотели теперь отличаться друг от друга. Уже не «общечеловеческое» в личности, а, наоборот, ее качественные особенности и своеобразность определяют теперь ее значение. В борьбе между этими двумя родами определения роли субъекта в обществе и проходит вся внешняя и внутренняя история нашего времени» [8].

В теории репродуктивного поведения разработаны теоретические представления об обратном влиянии материального благосостояния на рождаемость в связи с ростом внесемейных ценностей. При повышении благосостояния и дохода, растёт уровень притязаний, который препятствует реализации потребности в детях. Не улучшение жизни как таковое вызывает падение рождаемости, а возникновение разрыва между притязаниями на престижный образ жизни и уровнем достижения. Во многом, ценностные ориентации влияют не только на потребность в детях, но и на восприятие условий её реализации: «важно именно субъективное восприятие (а не объективная характеристика тех или иных условий), так как именно из него индивид исходит в своём поведении» [5, С.43]. Так называемый парадокс обратной связи заключается в том, что при повышении уровня жизни снижается готовность реализовать имеющуюся потребность в детях в зависимости от конкуренции различных ценностей. «Тайна обратной связи между рождаемостью и доходом (образованием, социальным положением» кроется в психологических особенностях разрыва между УП (уровнем притязаний) и УД (уровнем достижений)» [1, С.172].

В качестве характеристики уровня жизни семей необходимо использо-

¹ англ. Childfree — свободный от детей, бездетный; childless by choice – добровольная бездетность.



зывать не только величину дохода, но и рассматривать степень удовлетворенности семьи своим материальным положением, благосостоянием. А это, в свою очередь, зависит не только от объективных параметров материального положения, но и от того, насколько значима для респондентов семейная сторона жизни, от уровня их притязаний. «Рост ценностных ориентации заставляет считать не только средний, а даже высокий по международным стандартам уровень жизни неприемлемым и ведет к неудовлетворенности достигнутым (уровень притязаний и уровень достижений)» [4, С.232]. Однако, «номинальная величина дохода еще не дает представления о благосостоянии семьи, без учета различий в уровне потребностей и динамики их развития» [7, С.147]. Следует подчеркнуть, что имеется в виду не ценностные ориентации индивидов, а направленность системы ценностей семьи в целом.

Материальное положение семьи и населения

Согласно данным исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) за последние десять лет материальное положение россиян в целом заметно улучшилось, среднедушевые номинальные доходы выросли в 4 раза¹. При обследовании населения регионов России², было вы-

¹Материальное положение россиян 2005-2015, <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115531> (дата обращения 19.07.2019)

²В сентябре-октябре 2014 года проведено межрегиональное социологическое исследование кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ совместно с Научно-исследовательским центром Фонда Андрея Первозванного и Институтом социологии РАН. Целью опроса стало

явлено, что доля тех, кто живет от зарплаты до зарплаты, занимает деньги на самое необходимое не так высока. Это говорит о том, что минимальные потребности сейчас могут себе позволить удовлетворить респонденты всех возрастов.

По результатам мониторинга социального самочувствия населения³ за прошедший год, в своих оценках экономической обстановки и различных ситуаций в жизни респонденты весьма пессимистичны в последнее время (оптимистичный настрой во многом сохраняется только среди молодежи). По опросам Фонда Общественное мнение, в настоящее время люди стали чаще жаловаться, что денег от зарплаты до зарплаты им не хватает⁴. Материальное положение своей семьи (диаграмма 1) в прошедшем по году граждане страны чаще стали оценивать больше как плохое (средняя кривая), нежели чем хорошее (нижняя кривая).

Оценка россиянами ситуации в стране на фоне прошлых лет вновь ухудшилась (диаграмма 2). Наиболее пессимистичны ожидания относительно дальнейшего

изучение жизненных ценностей и установок, ориентаций на семью и семейный образ жизни среди населения регионов России. См. об этом: Семья, дети жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России. Коллективная монография. Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы Москва, 270 с.

³Социальное самочувствие россиян: мониторинг. Источник: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9430>

⁴Удовлетворенность зарплатой Довольны ли люди своей зарплатой? Опасаются ли ее снижения? Источник данных: «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 27 марта 2016. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6%. <http://fom.ru/Ekonomika/12588>



роста цен. Ухудшение экономических оценок произошло на фоне восприятия высокой инфляции в стране (за два месяца с 39 до 53%).

Экономическая ситуация в стране в оценках россиян ухудшилась (с марта по ноябрь). Усили-

лись (верхняя кривая) ожидания кризисных времен (60%). Доля тех, кто считает, что «худшие времена» еще впереди выросла (+24 пп.). Средняя кривая отражает мнения тех респондентов, кто считает что худшие времена позади.

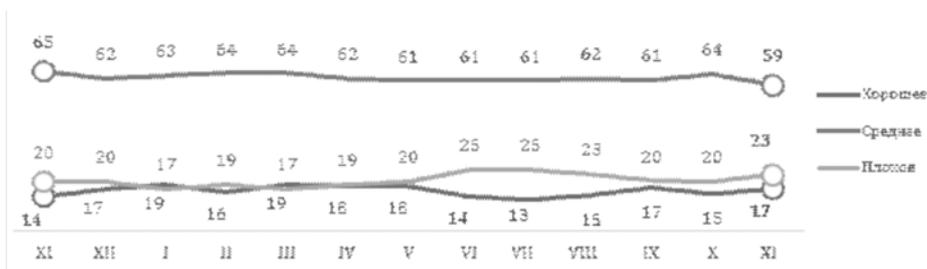


Диаграмма 1. Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи? ¹

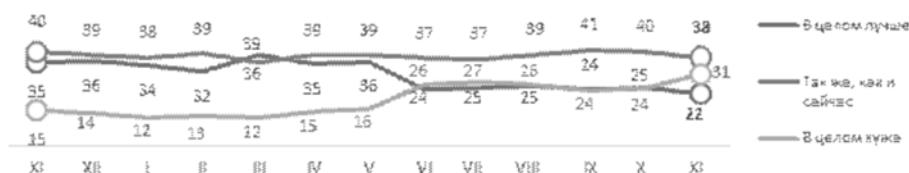


Диаграмма 2. Как Вы считаете, через год Вы (Ваша семья) будете жить лучше, хуже или так же, как сейчас? ²

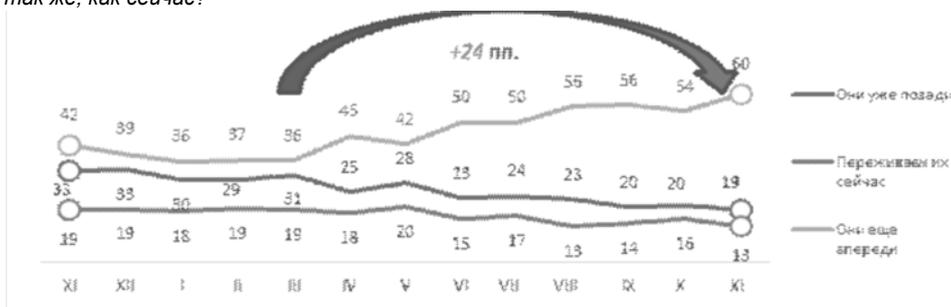


Диаграмма 3. Есть разные точки зрения по поводу экономического кризиса в нашей стране. Как Вы думаете, мы переживаем сейчас самые тяжелые времена, или они позади, или еще впереди? ³

¹Социальное самочувствие россиян: мониторинг. Источник: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9430>
²Социальное самочувствие россиян: мониторинг. Источник: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9430>
³Социальное самочувствие россиян: мониторинг. Источник: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9430>



Семейная ситуация в социально-экономической сфере

Современные исследования показывают, что семьи именно экономические факторы (материально-финансовые проблемы) называют угрозами, которые создают проблемы для их повседневной жизни (табл. 1) как в крупных городах, так и периферийных, в сельской местности.

Таблица 1.
Проблемы повседневной жизни, актуальные для семей в различных типах поселений (в % от числа ответивших)¹

Варианты ответов	Город	Малый город	Сельские поселения
Высокие цены на продукты, товары, услуги	59,3	56,4	62
Низкие заработки, неблагоприятное материальное положение семьи	53,1	53	49,1
Постоянный рост тарифов на коммунальные и транспортные услуги	50,1	46,9	49,4
Ощущение незащищенности, безразличия со стороны государства, общества	37,2	37,9	31,8
Состояние здоровья и отсутствие возможностей для хорошего лечения	34,4	25,8	25
Плохие жилищно-бытовые условия	16	13,4	11,6
Ограниченные возможности дать детям хорошее образование	15,2	23,1	20,3
Проблемы в воспитании детей	15	13,4	4,7
Сочетание работы с уходом за детьми	13,9	13,6	7,5
Проблемы на работе	11,5	10,4	7,2
Отношения в семье	9,5	13,8	7,7
Другие проблемы	1,2	1,5	1,2

¹ Мустаева Ф.А. Социальные проблемы современной семьи // Социологические исследования, № 7, Июль 2009, С. 109-113

Согласно статистическим данным, в 2018 году сохранялась тенденция сокращения числа родившихся, наметившаяся в 2015 году. По данным ежемесячного учета за январь-декабрь, в России родилось 1599 тысяч человек, что на 5,4% меньше по сравнению с аналогичными данными за 2017 год (1690 тысяч человек)². Рождаемость падает, нормы малодетности укореняются в сознании населения как основная модель поведения.

Однако семья в целом, и многодетная семья в частности продолжает борьбу за выживание и право на существование. Многодетная семья в настоящее время является наиболее активной в репродуктивном отношении частью населения, с одной стороны. А с другой, именно многодетные семьи подвержены в большей степени бедности, поскольку размеры детских пособий никак не соотносятся с уровнем жизни. Немногим семьям в настоящее время удается одновременно быть и многодетными, и социально благополучными. В наше время создание многодетной семьи есть некий процесс попадания в состояние бедности.

Что касается положения многодетных семей, на примере исследования, проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ в г. Уфа, наблюдается следующая картина по доходам на одного человека: преимущественно, семьи находятся на пороге бедности. Доля тех, чей среднемесячный доход

² Щербакова Е.М. Россия: предварительные демографические итоги 2018 года (часть I) // ДемоскопWeekly. 2019. № 801-802. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2019/0801/barom01.php> (дата обращения 19.07.2019 г.)



составляет свыше 12 000 рублей – лишь четверть[9].

Вполне закономерны данные о финансовых трудностях у многодетных семей и желание улучшить свое материальное положение. Вместе с тем, разрыв между уровнем имеющегося дохода и уровнем желаемого дохода у участников опроса не запредельный, а имеет вполне конкретное выражение (чтобы хватало на еду, одежду, обувь, коммунальные платежи, возможность платить за обучение).

Всеобщая дороговизна товаров, нехватка средств к их приобретению, а вместе с тем пренебрежительное отношение к многодетным со стороны государственных служб, чиновников, власти значительно влияет на ухудшения ее положения (диаграмма 4), не только на уровне материального обеспечения, но в статусно-престижном плане. Формируется и транслируется негативный образ многодетной семьи, что становится камнем преткновения многодетных родителей и общественности.

Г. Беккер считал, что «поскольку в процессе экономического развития растет цена человеческого времени, оно превращается, наряду с материальными, в самостоятельный фактор благосостояния семьи и личности. Вследствие этого рождение каждого ребенка объективно снижает его "предельную полезность", что и является главной причиной снижения рождаемости. Одновременно экономический прогресс предъявляет дополнительные, постоянно растущие требования к качеству социализации детей, стимулирует рост затрат. Таким образом, и на уровне общества в целом, и на уровне отдельной семьи (домохозяйства) проис-

ходит альтернативный выбор между количеством и качеством "человеческого капитала"[11].

Известно, что в семьях с низким уровнем дохода и образования итоговое число детей оказывается больше, чем в семьях с высоким уровнем дохода и образования. Этот феномен обратной связи рождаемости с уровнем благосостояния показывает роль ценностных ориентаций и степень удовлетворения потребности в детях. Конечно, для качественного воспитания детей необходимо финансовое обеспечение, жилищные условия, благосостояние. Однако, попытка преодоления демографического кризиса только экономическими средствами, без учета духовной составляющей, обречены на провал, поскольку причины демографического кризиса - не в кошельках, а в душах людей¹.

Для выявления жизненных ценностей и предпочтений многодетных родителей им предложено ответить на следующий вопрос: Все люди хотят жить хорошо, но каждый человек понимает это по-своему. А что значит "хорошо жить" для вас? Для исследования вопроса использовалось ранжирование утверждений. На первое место респондентов просили поставить ценность, которая для них выступает наиболее важной и далее по убыванию степени важности. На диаграмме 5 представлены средние значения рангов для каждой из ценностей (отметим, что чем ближе значение к единице, тем значимость выше).

¹ Патриарх Алексий: Причина кризиса семьи - не в кошельках, а в душах людей. [сайт Православие и мир]. URL: http://www.pravmir.ru/article_3071.html (дата обращения 19.07.2019)





Диаграмма 4. Что влияет на положение многодетных семей (в%)¹



Диаграмма 5. Наиболее ценные многодетными респондентами стороны жизни («ценности»), (средние ранговые значения)

¹ См. Семья, дети жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России / Е. Н. Новоселова, А. И. Антонов, Т. Н. Грудина и др. — Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы Москва, 2015. — 270 с.



Наиболее важным аспектом жизни для многодетных респондентов г. Уфы является ценность семьи, детей, заботливых близких (средний ранг – 1,93). Практически столь же важной является ценность здоровья (средний ранг – 1,99). Семья и здоровье – те ценности для многодетных матерей, которые со значительным разрывом стоят впереди по отношению ко всем остальным предложенным ценностям. (диаграмма 6). Возможность материального благополучия, достатка для семьи многодетные матери без сомнения желают, но адекватно оценивают свое положение и потому такие ценности как высокое положение в обществе, возможности путешествий, денег в неограниченном количестве, веселой полной удовольствий жизни ставят на последнее место. Многодетные здесь в своем поведении более склонны к спокойной безопасной жизни, душевному благополучию, выбирают свободу и самостоятельность в жизни, ценят уважение, благодарность других, общение, интересную работу[10].

Увеличение благосостояния не ведет к снижению прямой зависимости рождаемости от материальной базы, а наоборот: чем более обеспечены люди, тем больше их зависимость от благосостояния и тем большие накопления им требуются для рождения ребенка. Возможно такая зависимость связана с тем, что обеспеченные люди в наибольшей степени привязаны к своему состоянию, привыкли жить с определенным уровнем достатка и только накопив достаточный начальный капитал могут родить ребенка ни в чем не ущемив свои материальные потребности, не те-

ря возможности «ни в чем себе не отказывать». Однако здесь важно помнить, что рождение ребенка накладывает не только и не столько финансовые ограничения на жизнь родителей, сколько требует большой ответственности и ограничения своих нужд и потребностей для родителей. Появление ребенка в семье лишает возможности жить лишь только «для себя» независимо от того, какая материальная база у семьи. Здесь возникают трудности скорее внутреннего, духовного характера и возможно ведет к тому, что среди высокодоходной группы населения среднее число детей остается малым, несмотря на все материальные возможности[6].

По словам профессора А.И. Антонова, заведующего кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ, сокращение рождаемости происходит не столько за счет материальных ценностей, а в силу утраты веры: «Именно повальное, массовое распространение атеизма привело к сокращению рождаемости. Изменилась система ценностей в целом. И даже мусульманские страны, которые когда-то являлись образцом многодетности, сегодня подверглись давлению цивилизации» [3].

В результате опроса 2169 респондентов из 10 регионов России относительно их семейной ситуации и жизненных приоритетов, связанных брачно-семейным образом жизни, были выявлены следующие семейно-детные установки среди населения[10]. В таблице 2 представлены 16 утверждений, которые касаются рождения и воспитания разного числа детей в семье. Эти утверждения раскрывают значи-



мость бездетной жизни, важность воспитания детей в семье, где есть братья и сестры, а также выявляют те экономические затруднения, с которыми может сталкиваться семья при рождении детей.

Таблица 2
Распределение средних оценок по 16 утверждениям о ценности детей и родительства в зависимости от пола и возраста респондентов*

	Все-го	Пол		Возраст		
		Муж-ской	Жен-ский	18-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше
Ничто не приносит такого удовлетворения, как выращенный ребенок	4,5	4,4	4,6	4,4	4,6	4,6
Бездетные часто ощущают пустоту своей жизни	3,9	3,8	4,0	3,9	4,0	3,7
Быть счастливым можно и не имея детей	2,6	2,7	2,5	2,5	2,5	2,8
Родители часто бывают менее счастливы, чем те, у кого нет детей	2,4	2,5	2,4	2,4	2,4	2,5
Детей можно заводить только на определенной материальной базе	3,0	2,9	3,0	3,3	2,7	2,7
Правы те, кто, отказываясь от детей, говорит «ничего плодить нищету»	2,1	2,1	2,1	2,1	2,1	2,0
Люди заводят ребенка только тогда, когда его жизнь перспективна	2,4	2,4	2,4	2,6	2,3	2,3
Нельзя рожать детей при безысходности собственного существования	3,2	3,2	3,2	3,3	3,1	3,3
Надо выполнять заповедь: «Плодитесь и размножайтесь» и не мудрить	2,6	2,7	2,5	2,7	2,5	2,5
В нынешних условиях дай	3,0	2,9	3,0	3,0	3,0	2,9

бог одного-то вырастить, а там - видно						
Многодетные семьи не пользуются престижем в обществе	2,7	2,7	2,7	2,7	2,8	2,8
Только неразвитые люди могут рожать бесчисленное число детей	2,4	2,4	2,4	2,2	2,6	2,4
Чем меньше детей, тем меньше у семьи проблем	2,5	2,6	2,5	2,4	2,5	2,7
Только в детях можно передать себя и свойства своего рода в будущее	4,1	3,9	4,1	4,0	4,1	4,0
Настоящие люди вырастают в многодетных дружных семьях	3,3	3,3	3,4	3,3	3,3	3,4
Чем больше детей, тем дружнее и сплоченнее семья	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5

* Жирным шрифтом выделены отличия средних, значимые на 95% доверительном интервале

Исходя из представленных данных, мы видим, что у респондентов разного пола и возраста наибольшее согласие вызвали утверждения о ценности детей в целом («ничто не приносит такого удовлетворения, как выращенный ребенок», «только в детях можно передать себя и свойства своего рода в будущее»). По своему значению близки их средние оценки и превышают 4 балла по 5-ной шкале. Стоит отметить, что именно эти два суждения не вызвали сомнения у всех респондентов (самые низкие доли ответов «трудно сказать») [10]. В своем отношении к ценности детей, родительства, многодетности респонденты поддерживают в целом ценность детей, которая в большей мере выражается в ориентации на однодетность, а парадигма child-free массового одобре-



ния пока не находит среди населения. Многодетность, с одной стороны, поддерживается и является преимуществом при воспитании детей в многодетной семье. С другой стороны, определенная доля респондентов стремится к планированию деторождения и выступает против многодетного образа жизни, поскольку его связывают с весьма большими затратами на достойное воспитание и содержание детей. По-прежнему остается весьма дискуссионным вопрос о материальном обеспечении семьи при рождении детей. Если сравнить ответы респондентов разных возрастов, здесь мы увидим, что молодые люди в большей степени заботятся о достаточно высоком материальном благосостоянии для обеспечения в будущем своих детей. Они чаще соглашаются с утверждениями, что «детей можно заводить только на определенной материальной базе», «люди заводят ребенка только тогда, когда его жизнь перспективна», «нельзя рожать детей при безысходности собственного существования». Тогда как, умудренные опытом и испытавшие жизнью различные обстоятельства, респонденты из старшей возрастной группы (50 лет и более) чаще выбирают такие суждения, как «ничто не приносит такого удовлетворения, как выращенный ребенок» и «чем меньше детей, тем меньше у семьи проблем». Здесь и радости и трудности идут рука об руку, потому так полярно и распределен выбор ответов.

Актуальные меры поддержки семейно-детного образа жизни и многодетности

Институт семьи продолжает изменяться и преобразоваться. Опре-

деленное воздействие на происходящие изменения наблюдается со стороны социальных процессов. Функционально и структурно семья видоизменяется за счет общественных инноваций. Она не находится в стороне, а активно подвергается всякого рода внешним воздействиям, подвергается внутренним трансформациям. Особую актуально и значимость в данном контексте приобретает деятельность общества по проведению семейно-демографической политики.

Миграционный поток может преобразить нашу страну до неузнаваемости. Тогда как разумный выход – в повышение рождаемости. Здесь важность обретает создание привлекательного образа трех-четырёх детной семьи, которая стала бы массово популярной среди большинства населения. В своем ежегодном послании Президент Российской Федерации В.В. Путин (декабрь 2012 г.) предложил, что полная семья с тремя детьми должна стать нормой семейного образа жизни. Достижение данной цели требует особых усилий формированию среди молодежи, а также детей и подростков ценностных ориентаций на семейный образ жизни.

В основу семейно-демографической политики необходимо закладывать различные механизмы поддержки и поощрения, когда будут создаваться для населения необходимые условия как материального, так и социально-нравственного направления. Таким образом возможно обеспечить возможность свободного выбора различных моделей семьи и семейно-детного образа жизни.



Стоит отметить роль семейно-демографической политики ДНК (доходы-налоги-кредиты), главной целью которой является укрепление полной семьи с тремя детьми, когда в обозримом будущем (к середине 21 века) до 50% таких семей станут преобладающими в семейной структуре населения, в противовес господствующим ныне малодетной и многоразводной семье. Это та модель, над реализацией которой необходимо еще много потрудиться.

Многодетные семьи – это основной фактор повышения рождаемости. Необходимо приложить массу усилий для того, чтобы многодетность стала бы привлекательным явлением для населения и выступала в качестве нормы семейно-детного образа жизни, а не вымирающим видом и запугивающей всех частью общества. Здесь требуется консолидация усилий на разных уровнях власти и общественности. Задача государства заключается в том, чтобы способствовать (в том числе с помощью СМИ, киноиндустрии, литературы и искусства) приоритетному выбору населением тех семейных форм жизни, которые отвечают интересам нации по воспроизводству населения и полноценной социализации новых поколений. Необходимо задумываться о семейном образовании подрастающего поколения, осуществлении профессионального материнства и отцовства, выплат им заработной платы на уровне среднероссийской. Домашне – семейное образование и обучение детей вовлекает родителей в важную роль воспитателей, позволяет серьезно продвинуться в сторону

воссоздания семьи как актуальной лаборатории по производству семейственности, укрепления семейно – детного образа жизни, значимости семьи, родителей в системе ценностей подрастающего поколения.

Социокультурные нормы многодетности в прежнем виде исчерпали себя. Возникает необходимость в возрождении на качественно новом уровне потребности в семье и в нескольких детях. На повестке дня - социальное управление ценностными ориентациями населения, на основе укрепления материальной базы семьи с несколькими детьми.

Литература

1. Антонов А.И, Медков В.М, Синельников А.Б. Репродуктивное поведение и динамика рождаемости//Население России на рубеже XX-XXI веков: проблемы и перспективы. М, 2002,
2. Антонов А.И. Демографическое будущее России: депопуляция навсегда?Социс. 1999. № 3. С. 80 - 87.
3. Антонов А.И. Эра однодетности. Сможет ли Россия восстановить большую семью. Источник: <https://rg.ru/2008/03/05/a213109.html> (дата обращения 19.07.2019).
4. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М., 2000;
5. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М. 2006. – 399 с.
6. Архангельский В. Н. Влияние субъективной оценки уровня жизни на репродуктивное поведение // Уровень жизни населения регионов



России. — 2011. — № 8. — С. 36–41

7. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М., 1976;

8. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. Источник: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (дата обращения 19.07.2019 г.)

9. Семьецентризм: миф или реальность? / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др. — Москва: Москва, 2016. — 324 с.

10. Семья, дети жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России. Коллективная монография. Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы Москва, 270 с.

11. Becker G., Lewis G.H. On the interaction between the Quantity and Quality of Children // Journal of Political Economy. Vol 82, № 2. Part II.

Ссылки:

1. англ. Childfree — свободный от детей, бездетный; childlessbychoice — добровольная бездетность.

2. Материальное положение россиян 2005-2015, <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115531> (дата обращения 19.07.2019 г.)

3. В сентябре-октябре 2014 года проведено межрегиональное социологическое исследование кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ совместно с Научно-исследовательским центром Фондом Андрея Первозванного и Институтом социологии РАН. Целью опроса стало изучение жизненных ценностей и установок, ориентаций на семью и семейный образ жизни

среди населения регионов России. См. об этом: Семья, дети жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России. Коллективная монография. Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы Москва, 270 с.

4. Социальное самочувствие россиян: мониторинг. Источник: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9430> (дата обращения 19.07.2019 г.)

5. Удовлетворенность зарплатой Довольны ли люди своей зарплатой? Опасаются ли ее снижения? Источник данных: «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 27 марта 2016. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6%. <http://fom.ru/Ekonomika/12588> (дата обращения 19.07.2019 г.)

6. Социальное самочувствие россиян: мониторинг. Источник: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9430> (дата обращения 19.07.2019 г.)

7. Там же;

8. Там же;

9. Мустаева Ф.А. Социальные проблемы современной семьи // Социологические исследования, № 7, Июль 2009, С. 109-113;

10. Щербакова Е.М. Россия: предварительные демографические итоги 2018 года (часть I) // Демоскоп Weekly. 2019. № 801-802. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2019/0801/barom01.php> (дата обращения 19.07.2019 г.)

11. Семья, дети жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в ре-



гионах России / Е. Н. Новоселова, А. И. Антонов, Т. Н. Грудина и др. — Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы Москва, 2015. — 270 с.

12. Патриарх Алексий: Причина кризиса семьи - не в кошельках, а в душах людей. [сайт Православие и мир]. URL: http://www.pravmir.ru/article_3071.html (дата обращения 19.07. 2019 г.)

Large lifestyle in modern socio-economic conditions

Grudina T.N.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The article deals with question of large family's function in the modern socio-economic conditions. In the last decades the idea of large family doesn't find a response in our society. Therefore, formation of socio-cultural and socio-economic environment directed on support of large family's way of life is an important aspect in the process of realization of modern socio-demographic policy.

Key words: socio-cultural environment, family crisis, large family's way of life, demographic policy, welfare.

References

1. Antonov A.I., Medkov V.M., Sinelnikov A.B. Reproductive behavior and fertility dynamics // Population of Russia at the turn of the XX-XXI centuries: problems and prospects. M, 2002,

2. Antonov A.I. The demographic future of Russia: depopulation forever? Socis. 1999.No. 3.P. 80 - 87.

3. Antonov A.I. The era of one children. Will Russia be able to rebuild a large family. Source: <https://rg.ru/2008/03/05/a213109.html> (accessed July 19, 2019).

4. Antonov A.I., Sorokin S.A. The fate of the family in Russia of the XXI century. Reflections on family policy, on the possibility of counteracting family decline and depopulation. M., 2000;

5. Arkhangelsk V.N. Fertility factors. M. 2006 .-- 399 p.

6. Arkhangelsky V. N. The influence of subjective assessment of living standards on reproductive behavior // Living standards of the population of Russian regions. - 2011. - No. 8. - P. 36–41

7. Borisov V.A. Fertility prospects. M., 1976;

8. Simmel G. Big cities and spiritual life. Source: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (accessed July 19, 2019)

9. Family centrism: myth or reality? / A.I. Antonov, V.M. Karpova, S.V. Lyalikova et al. - Moscow: Moscow, 2016 .-- 324 p.

10. Family, children, life values and attitudes: the results of a sociological survey of the population in the regions of Russia. Collective monograph. Andrew the First- Called Fund and Center for National Glory Moscow, 270 p.

11. Becker G., Lewis G.H. On the interaction between the Quantity and Quality of Children // Journal of Political Economy. Vol 82, No. 2. PartII.



Гражданско-политическая субъектность: концептуальный и эмпирический анализ

Маленков В.В.

В статье предпринимается попытка концептуализации понятия «гражданско-политическая субъектность». Автор рассматривает данное понятие в соотношении с другими, отражающими гражданско-политическую реальность. Особое внимание уделено структурному описанию концепта и его отдельных элементов. Последовательно раскрывается содержание таких параметров как гражданско-политическая компетентность, гражданско-политические ориентации, гражданская идентичность и активность. Выделены эмпирические показатели гражданско-политической субъектности, которые анализируются с использованием массива данных, полученных в рамках Международной программы социологических исследований (ISSP). В качестве ключевых показателей гражданско-политических ориентаций выступают субъективная оценка своей гражданской компетентности, интерес к политике, гражданская активность.

Ключевые слова: гражданская субъектность, политическая субъектность, гражданско-политические ориентации, гражданское сознание, гражданская культура, компаративистский подход

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-011-00632 «Гражданско-политические ориентации постсоветского поколения: модели и типы». Автор благодарит Единый архив экономических и социологических данных за предоставленные массивы данных ISSP

Политическая система российского общества находится в состоянии некоторой стагнации, свойственной подобным вертикально-интегрированным структурам. Давая такой диагноз существующей структуре, обычно апеллируют к ментальности, устойчивым, сложившимся исторически моделям сознания и поведения, имеющим некий объективный характер. Все эти суждения так или иначе сводятся к констатации несостоятельности гражданско-политической субъектности жителей России, основанной на превалировании вертикальных ориентаций и моделей поведения в сфере политики и реализации своего гражданского потенциала.

В России в условиях преобладания экстрактивных политических институтов наиболее актуализированной является модель гражданско-политической субъектности этатического типа, основой которой является концентрация, консолидация вокруг власти, ошибочно приравняемой к государству. Это предполагает установку на поддержку власти, патернализм, обращенность в прошлое и отсутствие образа будущего [12]. Сравнительный анализ гражданско-политической субъектности российских граждан и жителей других стран является в этой связи актуальной задачей.



Понятие «гражданско-политическая субъектность» далеко не однозначно, требует некоторого уточнения. Под гражданско-политической субъектностью в самом общем виде понимается совокупность интериоризированных представлений, предпочтений, ожиданий, ориентаций, моделей понимания гражданско-политической реальности, являющихся основой направленности граждан в политическом пространстве общества, а также непосредственно деятельностные проявления гражданского потенциала личности. Данное понятие тесно переплетается с такими устоявшимися концептами как «политическая культура», «гражданственность», «гражданское сознание», «гражданская активность» [4, 5, 7, 15, 16].

Но вместе с тем, рассматриваемое понятие, как нам представляется, имеет более объемный характер, то есть включает, с одной стороны, включает в себя вышеперечисленные, с другой, является менее идеологически насыщенным, более нейтральным в ценностном отношении. Следует отделять понятие «агент», близкое к концепции участия, от понятия субъект. Как отмечает О. А. Мирясова, «агент» может означать проводника чьей-то воли, а «субъект», как правило, требует обязательного наличия объекта, на который он воздействует [13, С. 215]. Другой весьма распространенный термин «актор» описывает лишь деятельностную, активистскую составляющую субъектности, то есть является более узким.

В структуре гражданско-политической субъектности традиционно выделяют когнитивный элемент, ценностный, идентифика-

ционный и деятельностный. Такое понимание заложено еще в классической работе Г. Алмонда и С. Вербы, где фактически впервые системно описано понимание гражданско-политической субъектности представителей разных стран в контексте концептуализированного данными авторами понятия политической культуры [1]. Предложенная ими концептуальная схема в своей базовой части присутствует как в теоретических работах, так и практически во всех эмпирических исследованиях феномена гражданства и политики – от наиболее масштабных межстрановых (WVS, EVS, ISSP) и национальных [2, 3, 18] до замеров локального уровня [6, 10, 17].

К основным элементам гражданско-политической субъектности можно отнести гражданско-политическую компетентность (когнитивный аспект); гражданско-политические ориентации (как совокупность ценностных ориентаций); гражданскую и политическую идентичность (идентификационный аспект); гражданско-политическую активность (деятельностный аспект).

Гражданско-политическая компетентность представляет способность адекватно воспринимать информацию о происходящем в политическом пространстве общества, фильтровать ее, перерабатывать и принимать решения, касающиеся своей гражданско-политической активности, формулировать гражданскую позицию по тем или иным вопросам, проблемам. Гражданскую компетентность рядового гражданина следует отличать от компетентности экспертного, профессионального уровня.



Принципиально разделять фундаментальную и инструментальную гражданскую компетентность. Первая включает базовые знания и представления о законах функционирования социальных систем (в том числе в их гражданско-политической проекции), понимание смысла основных категорий общественного знания: государство, гражданское общество, права человека, конституция, демократия, свобода и т.д. Данный аспект гражданской компетентности отражает общую подготовленность к восприятию гражданско-политической реальности.

Следует отметить, что содержательное наполнение моделей такого рода компетенций зависит от режима функционирования политической системы в той или иной стране, сложившейся парадигмы гражданской социализации, реализуемой посредством определенной образовательной, воспитательной политики. Это касается как непосредственно образовательных программ, акцентирования на одних предметах и исключения других, использование «политически одобряемых» концептуальных подходов при содержательном наполнении таких предметов как история, обществознание и многих других, так и в целом формирования соответствующей воспитательной среды.

Показательной иллюстрацией к проблеме содержательного наполнения дисциплин, формирующих общегражданскую компетентность, является так называемая идея единого учебника. Что же касается проблематики построения адекватной среды гражданского образования, следует отметить концепции патриотического воспитания, раз-

рабатываемые рядом западных ученых, использующих для обозначения целевых показателей воспитания такие понятия как слепой патриотизм и конструктивный (критический) патриотизм [20, 21, 22].

В самом широком смысле первый ближе к парадигме вертикальной политической системы, второй – к идее горизонтальной нации. Главное различие между этими подходами, что весьма на наш взгляд значимо, не в идеологических акцентах, а в механизмах. Предполагается, что слепой патриотизм и гражданство формируются в результате создания среды без альтернатив. При этом не важно какая ценностная, идеологическая система выступает в качестве гегемонистской. Таким образом, сложившиеся ценностные ориентации являются не результатом выбора, а прививаются в результате напрочь отсутствующего представления о социально-политической реальности, ограниченного набора доступных для ее описания и понимания понятий. Критический же патриотизм и гражданственность формируются в пространстве разнообразия.

Под инструментальной гражданской компетентностью понимается совокупность знаний, навыков, рецептов и технологий поведения (действия) в социально-политическом пространстве и в конкретных ситуациях, возникающих в этом пространстве. Инструментальная гражданская компетентность – это способность выступать в роли гражданина, реализовывать свои гражданские права и исполнять обязанности, выстраивать коммуникации с властными институтами и организациями, эф-



фективно взаимодействовать с гражданскими структурами и отдельными гражданскими акторами.

Ценностный аспект гражданско-политической субъектности сконцентрирован на выстраивании значимых для личности-субъекта комплексов, конфигураций гражданских ценностей. Личностная проекция гражданских ценностей представляет совокупность «ценностных ориентаций».

Гражданско-политическая субъектность в этом контексте представляет совокупность ориентаций на различные объекты, располагаемые в гражданско-политической сфере общества. Базовыми объектами являются нация, государство – их прошлое, настоящее и будущее. В зависимости от размещения данных объектов в ценностной системе конкретного человека образуются разные модели ценностных (гражданско-политических) ориентаций. Так, например, в центре консервативной модели ориентация на прошлое, коллективизм, порядок, стабильность, лояльность власти и государству (которые часто необоснованно отождествляются). Для либеральной системы политических ценностей ключевыми являются свобода как невмешательство, индивидуализм, демократия, гражданское общество.

Идентичность – одна из базовых составляющих гражданско-политической субъектности [9]. В структуре гражданской идентичности мы выделяем четыре базовые проекции: 1) «я-гражданин концепция» как актуализация гражданской идентичности на фоне других социальных идентичностей и отождествление с какой-либо доступной моделью гражданства; 2) государ-

ственная идентичность как отождествление с государством как значимым другим и конструированием соответствующего объекта идентификации (например, сакральная или рациональная модель идентичности); 3) национальная идентичность – отождествление с нацией как макрообщностью (этническая и гражданская нация как альтернативные объекты идентификации); 4) локальная идентичность как отождествление с микросообществом и территорией (локальная гражданственность) [11, 14].

Гражданская активность представляет собой деятельностный аспект гражданско-политической субъектности и предполагает реализацию гражданского потенциала, содержащегося в гражданской компетентности, ценностных ориентациях и гражданской идентичности.

Между обозначенными компонентами субъектности существует некий промежуточный слой, который как бы активизирует гражданский потенциал личности. В качестве такового можно считать механизмы мотивации и стимулирования, опосредующие реализацию гражданских знаний, ориентаций и идентичности в конкретных действиях, поступках. Интерес к таким действиям и поступкам может быть сознательным выбором человека, но зачастую является лишь результатом внешних усилий, направленных на мобилизацию граждан на определенные действия либо на поддержание их пассивности.

Для формирования целостной картины о гражданской политическая субъектности в разных странах мы обратились к ана-



лизу данных, полученных в ходе реализации международной программы социологических исследований (International Social Survey Programme (ISSP)). Объектом анализа стали данные ISSP 2014 «Citizenship» II и ISSP 2016 «Role of Government» V. Были отобраны и проанализированы часть показателей, характеризующих гражданско-политическую субъектность. Данные сравнивались в разрезе стран и возрастных групп респондентов в этих странах.

Некоторое внимание уделено межпоколенным сравнениям, актуальным для России и других постсоветских стран. Данный подход имеет как своих адептов [19], так и критиков [8]. Были выделены группы, чтобы проверить гипотезу о влиянии поколенческого фактора на структуру гражданско-политических ориентаций. При этом мы исходили из того, что фактически сегодняшняя молодежь (до 30 лет) представляет чистое постсоветское поколение, прошедшее гражданскую социализацию, в независимости от ее качества, уже после крушения ключевых институтов политического образования и воспитания советского формата.

В ходе анализа мы выделили следующие показатели: 1) субъективная оценка своей гражданской компетентности; 2) интерес к политике; 3) гражданская активность.

Количество считающих, что они достаточно хорошо понимают, какие важные политические проблемы стоят перед их страной значительно варьируются (Рис. 1). В шестнадцати странах более половины опрошенных утвердительно ответили на этот вопрос («Полностью согласны» и «скорее соглас-

ны» с предложенным утверждением). Наименьшее значение данного показателя у Германии (50%) и Тайланда (54%), больше всего согласных в Филиппинах (70%). Следует отметить, что большинство стран, входящих в эту категорию, характеризуются как демократии, за исключением Венесуэлы, Индии, Тайланда. В России доля положительно ответивших на данный вопрос составила 38%, наименьшее значение у Японии (18%). При этом в разных странах соотношение полностью согласных и скорее согласных разное (рисунок 1).

Интерес к политике – показатель неоднозначный, хотя и используется он в опросах общественного мнения достаточно часто. С одной стороны, степень проявления интереса к политике либо его отсутствие может характеризовать систему ценностей человека в целом. В частности, заинтересованность может свидетельствовать о не безразличном отношении к своей стране, государству, нации, сопереживание проблем страны и желании участвовать либо хотя бы знать о том, как они решаются. Отсутствие же заинтересованности часто является следствием безразличного отношения к своей стране, сосредоточенности на личных проблемах. В этом контексте можно говорить о наличии либо отсутствии, а также об определенном качестве гражданско-политической субъектности.

С другой стороны, интерес к политике может расти в периоды мобилизации общественного сознания вокруг каких-то значимых социальных проблем, вызовов и угроз. В этом случае интерес к политике имеет временный характер и связан скорее не с проявлением граж-



данско-политической субъектности, а с некоторой политической, гражданской позицией, сформированной как ответ на затронутый личный интерес либо угрозу.

Интерес к политике в разных странах порой различается весьма существенно. Так в России доля интересующихся политикой в 2016 году составила 39% (рисунок 2). В целом это один из самых низких показателей среди стран, участвующих в исследовании, поэтому нашу страну мы отнесли к группе

стран с низким интересом к политике. В эту группу вошли страны, в которых данный показатель составил от 30% (Чили и Тайвань) до 49% (Южная Африка). Во второй группе данный показатель составил от 50% до 70%. В группу стран с высоким интересом к политике вошли в основном страны с демократическими режимами, за исключением Индии. Минимальный показатель – 72% у Бельгии и Исландии, максимальный – 87% у Норвегии и Филиппин.

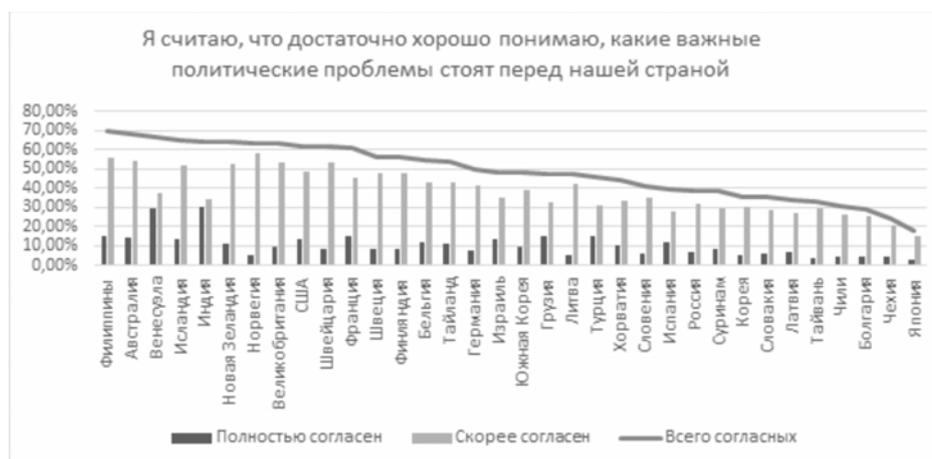


Рис. 1. Субъективная оценка своей гражданской компетентности

В качестве показателей гражданско-политической активности выступали ряд действий, которые респонденты совершили за последние 12 месяцев; совершили более 12 месяцев назад; могли бы совершить, но не сделали этого; не делали и никогда не стали бы делать. В частности, 23% респондентов в России отметили, что не подписали коллективные письма и петиции, хотя могли бы

это сделать. Еще 64% сказали, что они никогда не стали бы этого делать. По данным показателям к России близки только три страны – Болгария, Филиппины и Турция. Участвовали в написании коллективных писем и петиций всего около 13% российских участников исследования, тогда как в странах, входящих в разряд демократических, данный показатель приближается к 80%.

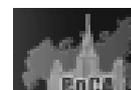
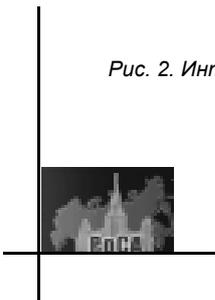




Рис. 2. Интерес к политике



Практически по всем странам, кроме Болгарии, Индии и Венесуэлы, прослеживаются статистически значимые различия в ответах разных возрастных групп. В частности, в России более категоричный отказ от данной формы гражданского действия демонстрируют старшие возрастные группы от 61 года (более 70%), чуть меньше молодежь до 30 лет и группа от 31 до 40 лет (в районе 65%), еще меньше (менее 60%) – респонденты в возрасте от 41 до 60 лет.

Аналогичное положение и по другим показателям гражданско-политической активности. Почти 69% никогда не принимали участие в демонстрациях и никогда не стали бы этого делать, а 72% не посещали и никогда бы не стали посещать митинги и шествия. Всего 6% россиян контактировали или пытались контактировать с политиком или представителем власти, чтобы выразить свои взгляды. Данный показатель значительно выше в абсолютном большинстве стран. А лидерами в этом являются Австралия (37%) и США (37%), а также Индия (33%), Великобритания (30%), Нидерланды (27%), Австрия (26%).

Относительно участия в демонстрациях возрастные различия статистически не значимы лишь в трех странах (Болгарии, Индии, Венесуэле), в вопросе участия в шествиях и митингах только в одной стране – Венесуэле. В России отказ от участия в демонстрациях больше у самой молодой возрастной группы (до 30 лет) и самой старшей (70+) – 73% и 77% соответственно, тогда как в возрастных группах от 31 года до 70 лет эта цифра варьируется от 62% до 70%. Такая же тенден-

ция прослеживается и в вопросе отказа от участия в митингах и шествиях – доля «отказников», хотя и незначительно, выше среди представителей самой молодой (до 30 лет) и самой старшей (70+) возрастной группы. По большинству демократических стран прослеживается прямо противоположная тенденция, а соответственно разрыв в молодежной группе между данными странами и Россией еще больше, нежели в целом по выборке.

Таким образом, по рассматриваемым параметрам гражданско-политическая субъектность отстает от большинства стран, включенных в выборку ISSP. Особенно очевиден разрыв между странами с признанными демократическими режимами и нашей страной. Также по результатам анализа эмпирических данных можно сделать вывод о наличии статистически значимых различий между выделенными возрастными группами по всем рассмотренным показателям, за исключением небольшого числа стран, где значимых различий не обнаружено. Однако говорить о наличии именно поколенческих различий, а не просто возрастных, нет достаточных оснований. Этот вопрос требует дополнительных исследований и анализа.

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. – М.: Мысль, 2014. – 500 с.
2. Айвазян А. А., Боронина Л. Н., Вишневецкий Ю. Р., Забокрицкая Л. Д., Нархов Д. Ю., Орешкина Т. А., Попов Д. С., Франц О. Б., Ячменева М. В. Гражданская культура



молодежи свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы. – Екатеринбург, 2017. – 224 с.

3. Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Гражданская идентичность молодежи Свердловской области // Социум и власть. 2018. №1(69). С. 31-39.

4. Долинина И. Г. Динамика развития политической культуры // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2010. №4. С. 113-118.

5. Долинина И. Г. Ценности гражданской политической культуры // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2013. №8. С. 131-136.

6. Зубок Ю. А., Сорокин О. В. Формирование политического сознания российской молодежи и обуславливающие его противоречия // Социология власти. 2010. №4. С. 6-15.

7. Князев А. М. Акмеологическая интуитивно-структурная модель гражданской ответственности как сложного интегративного качества личности // Акмеология. 2011. №2(38). С. 6-13.

8. Кравченко А. И. Кризис поколений? Или наших представлений? // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 12. №3(167). С. 61-71.

9. Кравченко Н. Ю. Трехкомпонентная модель формирования гражданской идентичности: возможности и ограничения // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. 2016. №3(35). С. 82-90.

10. Левашов В. К., Афанасьев В. А., Новоженина О. П., Шушпанова И. С. Состояние гражданского об-

щества в России. XLVII этап социологического мониторинга «Как живешь Россия?», май 2018 года / под общ. ред. В. К. Левашова. – Москва: Изд-во «Экон-Информ», 2018. – 107 с.

11. Маленков В. В. Локальная гражданственность как фактор городского развития // Теория и практика общественного развития. 2013. №12.

12. Маленков В. В. Векторы будущего в темпоральной конструкции российской нации и их отражение в сознании молодежи // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. №4. С. 64-75.

13. Мирясова О. А. Гражданская субъектность как предпосылка формирования политического поля // Политическая наука. 2018. №2. С. 214-233.

14. Полюшкевич О. А. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Управленческое консультирование. 2017. №11(107). С. 80-94

15. Резник Ю. М. Человек гражданский: проблемы идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 305-325.

16. Самсонова Т. Н. Формирование гражданской культуры в современной России // Философские науки. 2013. №1. С. 55-62.

17. Ситникова С. В. Потенциал гражданской ответственности российского населения: перспектива 2020 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2014. Т. 14. №2. С. 10-14.

18. Ткачева Н. А., Белоножко Л. Н. Влияние духовно-нравственных



ценностей молодежи на формирование гражданской культуры российского общества. – Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. № 17(2). С. 225-234.

19. Шестопал Е. Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Полития. 2005. №4. С. 48-69

20. Kahne J. 2006. Patriotism Good for Democracy? A Study of High School Seniors' Patriotic Commitments. – Phi Delta Kappan. April. Vol. 87. №8. P. 600-607.

21. Livi S., Leone L., Falgares G., Lombardo F. 2014. Values, ideological attitudes and patriotism. – Personality and Individual Differences. №64. P. 141–146.

22. Schatz R.T., Staub E., Lavine H. 1999. On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism. – Political Psychology. Vol. 20. №1. P. 151-174.

Civil and political subjectivity: a conceptual and empirical analysis

Malenkov V.V.

Tyumen State University

The article attempts to conceptualize the concept of "civil-political subjectivity". The author considers this concept in relation to others, reflecting civil-political reality. Particular attention is paid to the structural description of the concept and its individual elements. The content of such parameters as civic-political competence, civic-political orientations, civic identity and activity is subsequently revealed. Empirical indicators of civil-political subjectivity are highlighted, which are analyzed using an array of data obtained in the framework of the International Social Survey Programme (ISSP). The key indicators of civil-political orientations are the subjective assessment of their civic competence, interest in politics, and civic engagement.

Key words: civic subjectivity, political subjectivity, civic-political orientations, civic consciousness, civic culture, comparative approach

References

1. Almond G., Verba S. Civic Culture. Political attitudes and democracy in five countries. - M.: Thought, 2014. -- 500 p.
2. Ayvazyan A. A., Boronina L. N., Vishnevsky Yu. R., Zabokritskaya L. D., Narkhov D. Yu., Oreshkina T. A., Popov D. S., Franz O. B., Yachmeneva M. V. Civic culture of youth of the Sverdlovsk region: trends, problems, prospects. - Yekaterinburg, 2017. -- 224 p.
3. Vishnevsky Yu. R., Narkhov D. Yu. Civil identity of youth of the Sverdlovsk region // Socium and Power. 2018. No1 (69). S. 31-39.
4. Dolinina I. G. Dynamics of the development of political culture // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2010. No4. S. 113-118.
5. Dolinina I. G. Values of civil political culture // Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture, history, philosophy, law. 2013. No8. S. 131-136.
6. Tooth Yu. A., Sorokin O. V. The formation of political consciousness of Russian youth and the contradictions that cause it // Sociology of power. 2010. No4. S. 6-15.
7. Knyazev AM Acmeological intuitive-structural model of citizenship as a complex integrative quality of personality // Akmeology. 2011. No2 (38). S. 6-13.
8. Kravchenko A. I. The crisis of generations? Or our ideas? // Proceedings of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences. 2017.V. 12. No. 3 (167). S. 61-71.
9. Kravchenko N. Yu. Three-component model of the formation of civic identity: opportunities and limitations // Bulletin of Tomsk University. Philosophy. Sociology. Political science. 2016. No3 (35). S. 82-90.
10. Levashov V. K., Afanasyev V. A., Novozhenina O. P., Shushpanova I. S. The state of civil society in Russia. XLVII stage of sociological monitoring "How do you live in Russia?", May 2018 / under the general. ed. V.K. Levashova. - Moscow: Econ-Infom Publishing House, 2018. - 107 p.
11. Malenkov VV Local citizenship as a factor in urban development // Theory and practice of social development. 2013. No. 12.
12. Malenkov VV Vectors of the future in the temporal structure of the Russian nation and their reflection in the minds of youth // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2016.Vol. 2. No. 4. S. 64-75.
13. Miryasova O. A. Civil subjectivity as a prerequisite for the formation of a political



- field // Political Science. 2018. No2. S. 214-233.
14. Polyushkevich O. A. The symbolic construction of territorial identity (for example, the toponymics of Irkutsk) // Management Consulting. 2017. No. 11 (107). S. 80-94
 15. Reznik Yu. M. Civil man: problems of identity // Questions of social theory. 2010.V. 4.P. 305-325.
 16. Samsonova T. N. The formation of civic culture in modern Russia // Philosophical sciences. 2013. No1. S. 55-62.
 17. Sitnikova S. V. The potential of citizenship of the Russian population: the prospect of 2020 // Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: Sociology. Political science. 2014.Vol. 14. No. 2. S. 10-14.
 18. Tkacheva N. A., Belonozhko L. N. Influence of spiritual and moral values of youth on the formation of civic culture of Russian society. - Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2017. No. 17 (2). S. 225-234.
 19. Shestopal Ye. B. Political socialization and resocialization in modern Russia // Politiya. 2005. No4. S. 48-69
 20. Kahne J. 2006. Patriotism Good for Democracy? A Study of High School Seniors' Patriotic Commitments. - Phi Delta Kappan. April Vol. 87. No. 8. P. 600-607.
 21. Livi S., Leone L., Falgares G., Lombardo F. 2014. Values, ideological attitudes and patriotism. - Personality and Individual Differences. Number 64. P. 141-146.
 22. Schatz R.T., Staub E., Lavine H. 1999. On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism. - Political Psychology. Vol. 20. No. 1. P. 151-174.



Женские НКО в условиях реформ государственного управления некоммерческим сектором

Полюшкевич О.А.

В статье анализируются особенности работы женских некоммерческих организаций после введения закона об иностранных агентах в 2012 году. Анализируются условия и формы развития некоммерческого сектора в новых условиях и формы социальной адаптации к государственному управлению некоммерческим сектором в новых условиях.

Ключевые слова: женские некоммерческие организации, стратегии функционирования, сфера деятельности, условия развития, гражданское общество, некоммерческий сектор

В 2012 году был принят закон об иностранных агентах, который регулировал отношения власти и некоммерческих организаций. Те некоммерческие организации, которые занимались политической деятельностью и получали финансирование из-за рубежа, получили статус иностранных агентов. Большинство женских некоммерческих организаций России, напрямую политической деятельностью не занимаются, но они регулярно становятся организаторами или участниками акций по лоббированию интересов тех или иных ущемляемых групп, отстаивают принципы равноправия через радикальные способы воздействия (внося инициативы в изменения законодательства или устраивая митинги), тем самым влияя на политический процесс и политическое пространство страны (Якушкина, 2009). В силу того, что активная грантовая поддержка на социальные и исследовательские проекты в основном приходилась на иностранные фонды, особенно с середины 90-х годов, то очевидным является тот факт, что добрая половина женских некоммерческих организаций подпала под регулирование закона об иностранных агентах и была вынуждена свернуть свою деятельность, либо существенно модернизировать.



В то же время, органы власти расширяют возможности участия некоммерческих организаций в грантовой поддержке и иных программах помощи НКО, регулируемых Правительством РФ. Сегодня увеличивается ресурсное обеспечение некоммерческих организаций (Мерсиянова и Иванова, 2018). Но в то же время, этот процесс приведет к тому, что сформируется кластер «карманных», контролируемых НКО выполняемых социальные функции государства, с согласия последнего, в различных нишах. Независимость и самостоятельность данного блока развития институтов гражданского общества будет сведена к минимуму.

В своей работе мы постараемся показать формы и векторы адаптации женских НКО, а также изменения условий и форм государственного регулирования гражданского общества. Будет показана рассогласованность формальных и неформальных способов управления гражданским обществом, на примере женских некоммерческих организаций, а также противоречивость социальной государственной политики, которая может привести к ослаблению самого государственного управления.

Данная работа обладает следующей логикой изложения: на основе сформированной нами теоретической рамки исследования, излагается история, формы и особенности возникновения и развития женских НКО в России, затем рассматриваются стратегии адаптации и изменения условий и форм деятельности после введения закона об иностранных агентах и усиления государственного регулирования

деятельности НКО, в конце работы рассматриваются возможные последствия изменения государственного регулирования НКО в области построения гражданского общества, и форм женских НКО.

Если обратиться к исследованиям ученых, изучающих влияние введённого закона на развитие гражданского общества в России, то мы увидим достаточно ограниченный спектр затрагиваемых сфер. Ключевыми являются вопросы легитимности законопроекта (Василенко, 2014) и его воздействия на социальную среду (Трескин, 2017). Основной лейтмотив данных работ это контекст укрепления существующего режима, нарушение демократических прав и свобод, через ограничение сетевого взаимодействия некоммерческого сектора (Полюшкевич, 2018). Весьма интересной работой, близкой к нашему подходу является изучение воздействия закона на экологические НКО (Тулаева, Тысячнюк, Хенри, 2017). В целом, ученые показывают возникновение новых проблем и правовых коллизий, а также разрушение сложившейся социальной инфраструктуры некоммерческих организаций, возникающих на основе введенного закона, о позитивных эффектах никто не говорит.

Таким образом, рассмотренные работы позволяют говорить о важности государственного регулирования деятельности некоммерческих организаций. Про эффективно работающем механизме регулирования и поддержки НКО, данные организации стремятся включиться в сектор поддерживаемых организаций, при недостатке или неэффективности государственного ре-



гулирования – стараются обходить его, а при чрезмерном контроле – это приводит к формализации и уменьшению участников гражданских инициатив. Неформальные и формальные правила функционирования некоммерческого сектора России за последние двадцать восемь лет меняли траекторию своего развития.

Новый закон качественно поменял правила игры для всех некоммерческих организаций, в том числе и для женских некоммерческих организаций, выполняющих как идеологические задачи равноправия и легитимного соблюдения прав женщин и мужчин, так и социозащитные, поддержка различных социальных групп (женщин, детей, инвалидов, матерей призывников и т.д.).

Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ стал точкой перемены мотивов, форм и условий работы всех без исключения женских организаций. Для одних – он стал финальной летальной точкой, ставшей поводом для закрытия, для других – толчком для существенных изменений как структуры организации, так и ее деятельности, функций и мотивов работы ее постоянных участников и волонтеров.

Характеристика исследования

Объектом нашего исследования выступили женские некоммерческие организации, существующие от 5 до 28 лет в Российской Федерации. Введение закона об иностранных агентах повлекло за собой двойные последствия. Большинство женских некоммерческих организаций России не имеют цели непосредственного регулирования

политической деятельности, но отстаивание своих интересов, методы работы могут иметь политический характер (митинги, демонстрации, акции протеста, публичные дебаты, обращение к органам власти через СМИ, распространение результатов исследований и прочее). Это приводит к тому, что часть женских НКО признали иностранными агентами. Как впрочем, и другие неправительственные организации, использующие данные механизмы, например экологические (Тулаева и др., 2017).

Применяемая нами качественная методология позволила более глубоко обозначить существующие противоречия и проблемы, а также показать социальную динамику развития некоммерческого сектора после введения закона 2012 года. В исследовании анализируется 28 интервью руководителей или ключевых персон женских некоммерческих организаций, подвергшихся трансформации под влиянием введенного закона, четыре из них на сегодняшний день закрыты; 12 признаны иностранными агентами.

Также был проведен контент-анализ материалов сайтов женских НКО, информационных служб и сообщений в социальных сетях, отражающих материалы о деятельности и изменения условий и форм работы после введения закона.

Материалы интервью и контент-анализа были транскрибированы и проанализированы методом тематического кодирования, а также к ним применялся метод символического анализа. Также нами была проведена триангуляция данных интервью и материалов интернет-ресурсов, а также официальных данных Минюста.



Обсуждение результаты исследования

Обобщая данные, полученные в результате экспертного интервью, можно выделить несколько этапов «отношений» женских некоммерческих организаций и органов власти.

Первый этап приходится на начало 90-х годов, когда создавались женские некоммерческие организации, совмещавшие в себе функции и просветительские, и информационные, и правозащитные и любые другие. Органы власти в этот период не вмешивались в деятельность данных организаций, так как сфера их деятельности в основном была направлена на социально незащищенные слои общества. И женские НКО выполняли те функции, с которыми само государство не справлялось. Этот этап можно назвать государственно независимый.

Женские организации возникали как частные инициативы, возникающие в кругу людей, желающих поменять несправедливую систему, готовые что-либо лично сделать, чтобы было лучше. И большинство объединений, некоммерческих организаций возникало без оглядки на государство, без надежды на его поддержку, скорее наоборот – расчет был только на свои силы, ресурсы и возможности (А.А., президент женской организации с 1990 года, Иркутск).

Когда наша организация только возникла, да и многие другие – то мы и думать не думали о государстве, которое сможет нас как-то поддерживать. Возможно, это наследие СССР и желание уйти от давления партии и государства сказывалось. Но мы были свободны, счастливы, инициатив-

ны и полны энтузиазма и решимости изменить мир (О.Б., учредитель и директор женской НКО с 1993 года, Республика Бурятия).

Второй этап приходится на 1998-2011 годы – когда женские организации, наравне с другими некоммерческими организациями получают активную грантовую и спонсорскую поддержку со стороны зарубежных фондов, занимающихся вопросами гендерного равенства, защиты прав женщин на работе и в семье, женского лидерства, женского предпринимательства, защиты от семейного насилия и так далее. Многие организации уже представляли собой сложившееся сообщество, имеющее свою ресурсную базу и ценностную основу. Стал формироваться профессиональный уровень женских НКО, активно вовлеченный в международную деятельность по обмену опытом, внедрению новых технологий, по реализации инновационных стратегий помощи в сложных и адаптации в кризисных ситуациях.

В нулевые годы сложился целый пул зарубежных фондов и грантов, куда наша организация и другие некоммерческие женские организации, подавали заявки, выигрывали гранты на проведение исследований, издание книг, проведение тренингов. В год два – три гранта позволяли активно работать в регионе, транслировать не известный ранее у нас в стране опыт (Т.А., директор женской некоммерческой организации с 1998 года в Новосибирской области).

Благодаря грантовой поддержке мы проводили множество программ по обмену опытом, в том



числе с зарубежными странами. Особенно активно работали с США, Францией, Германией. Сформировали шикарную библиотеку на тот момент уникальных книг, тогда еще Интернет не так был развит и ценность книг была более значима (С.А., учредитель и директор женской некоммерческой организации с 1995 года в Хабаровском крае).

Отсутствие реального диалога с органами власти, формирование параллельного пространства социальной активности привели к тому, что многие функции власти, которые в западных странах выполняют органы местного или регионального самоуправления, стали выполнять женские организации. Например, гендерная экспертиза форм и условий труда, социальная защита различных групп населения, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и т.д.

Третий этап приходится на 2012-2018 годы, когда разрушились условия, созданные зарубежными фондами, и часть некоммерческих организаций вынуждена перестраиваться на новый формат отношений. Субъектом, с которым предстояло выстроить отношения – стали органы власти, которые до 2012 года практически не проявляли особого интереса к данному сектору экономики. Введение закона об иностранных агентах качественно изменило условия общественной активной и социальной динамики. Сейчас они выступают не только арбитрами регулирующими правомерность и легитимность реализуемых женскими НКО проектов, но и выделяющими или не выделяющими на эти проекты ресурсы, через грантовую деятельность.

Изменения в работе женских некоммерческих организаций после введения закона об иностранных агентах 2012 года – стало просто аховым для всех. Одни смогли перестроиться, но и им пришлось изменить особенности работы, направленность реализуемых проектов. По сути – изменилась их идеология. Из свободных и независимых, они стали проправительственными – иначе финансирования не получишь. Другие – нет, и они просто закрылись (М.А., руководитель женской некоммерческой организации с 1996 года, Красноярский край).

Могу сказать, что для женских НКО началась новая жизнь после закона 2012 года. Надо было поменять все – начиная от проектов, заканчивая людьми. Понятно, что все меняется, но эти перемены существенно подкосили основных игроков некоммерческого сектора не только среди женских некоммерческих организаций, но и вообще. Ломка и перестройка до сих пор идет (С.В., директор женской некоммерческой организации с 1990 года, Иркутск)

Существенная доля женских НКО потеряло поддержку из зарубежных стран, утратило возможность участия в совместных проектах, заниматься большей частью своей прошлой деятельностью. Примеров тому множество: Пермский ПГОО «Центр помощи пострадавшим от насилия и торговли людьми», РОБО «Женское достоинство» Чечня, Лига избирательниц Калининградской области и Санкт-Петербурга, Региональная общественная организация Союз «Женщины Дона», Московский центр гендерных



исследований, Фонд Доброе Дело и др. А также, организации, которые активно занимались вопросами гендерного равноправия и защиты прав различных социальных групп: **Региональная гражданская инициатива – право на жизнь и человеческое достоинство, Московский центр Карнеги, Ресурсный правозащитный центр, Горбачёв-Фонд, Фонд «Новая Евразия» и др.**

Можно выделить несколько стратегий применения закона к женским некоммерческим организациям. Первая – социально-историческая. Гендерное равенство провозглашено в СССР еще в 1917 году, вся последующая советская, а затем и российская история не отходила от декларируемых ценностей равенства, но по факту двойной занятости женщин (на работе и дома) существует негласное правило замалчивания, так как традиционное распределение ролей в семье воспринимается как норма, при этом поощряется активная женская занятость на рабочем месте. И женские некоммерческие организации, поднимающие данный вопрос на повестку дня, воспринимались как враждебные, не приемлемые для нашего общества. В современных условиях данный вопрос также отодвигается на второй план, так как есть более актуальные и насущные вопросы.

Вторая – приспособительская, которая подразумевала активное сотрудничество женских НКО с зарубежными фондами привело к тому, что их стали воспринимать как «шпионов» и «вражеских агентов», растлевающих общество через западные ценности, утрату сложившихся национально-

исторических условий жизни россиян. Деньги западных фондов, передаваемые для просветительской и образовательной деятельности оценивались как подкуп для осуществления подрывной идеологической работы и государственной измены.

Третья – инструментальная, где закон стал использоваться как рычаг давления на общественные организации, реализующие акции гражданских активистов. Угроза внесения в реестр иностранных агентов существенно трансформирует условия социальной активности и готовности активисток вовлекаться в многие общественно-значимые проекты и акции.

В любом случае, восприятие женских некоммерческих организаций в общественном сознании становится все более неоднозначным. Возникают сомнения в «истинности» и «правильности» их деятельности и в оценке реальной помощи данных организаций конкретным людям, событиям и процессам.

Зарубежное финансирование – это половина условий для внесения организации в реестр иностранных агентов. Вторая половина – это участие в политической деятельности, под которой понимается участие в организации публичного мероприятия и влияние на общественное мнение. По этому критерию, любая некоммерческая организация может считаться иностранным агентом, так как для большинства из них именно привлечение общественного внимания через социальные акции и инициативы, митинги и демонстрации, участие в семинарах и конференциях, публичное обсуждение проблем в СМИ и публикация эксперт-



ных оценок и интервью в СМИ, обращение к органам власти с инициативами и вопросами, требующими их внимания – является условием успешной деятельности и по новому закону – подтверждением их политической деятельности, что при необходимости может стать поводом для внесения в реестр иностранных агентов и несет множество социальных и экономических санкций, что делает практически невозможной былую деятельность на территории РФ и ведет к закрытию организации.

В этих жестких условиях, часть женских некоммерческих организаций стала адаптироваться к изменившимся условиям.

Первая группа – «Буква закона – есть правила и есть их выполнение» – формальность условий и критериев работы. Женские НКО выбирают четкое следование критериям и условиям работы в новых условиях, определяют для себя новый спектр форм взаимоотношений с государством и с конечными потребителями их услуг. Введение закона привело к увеличению административных, финансовых и человеческих издержек НКО.

Без принятия новых правил игры мы просто обречены. Поэтому их надо знать, изучать и применять к своей деятельности (И.А., ведущий специалист женской некоммерческой организации с 2012 года, Иркутск).

Качественная работа, независимая экспертиза, социальные проекты, реализуемые женскими НКО в регионе давно уже стали обязательными атрибутами гражданского общества. Поэтому, необходимо развиваться и подстраиваться под новые прави-

ла и дальше трудиться на благо общества (О.О., ведущий специалист женской некоммерческой организации с 2009 года, Красноярский край).

Вторая группа – «Выживает тот, кто ищет варианты альтернативных путей» – «есть правила, но есть и варианты их обхода» – неформальный пересмотр правил игры. Это может иметь вид ребрендинга организации (со схожим названием, но новой историей). Регистрацией коммерческой организации, работающей со счетами зарубежных грантов.

Изменить работу прежней женской НКО было очень трудно. Мы пошли иным путем – создали новую организацию с чистого листа. База, клиенты, связи – у нас есть, только «новое лицо» можно преподнести качественно в ином свете (Г.Д., директор женской некоммерческой организации с 1999 года, Омск).

Мы сделали просто ребрендинг старой некоммерческой организации, закрыли несколько проектов в одних сферах и переориентировались на проекты в других. На данном этапе получили два гранта Президента для НКО, на реализацию новых проектов (А.В., директор женской некоммерческой организации с 2010 года, Новосибирск).

Третья группа – «Не можешь играть по правилам и их обойти, создай свои правила» – уход от государственного регулирования, не формальность работы, предполагает уход официальной регистрации некоммерческих организаций в форму отношений гражданских инициатив, по которой, как



правило, ранее уже работали. В данную группу входят некоммерческие организации, которые стали известными по своей прежней деятельности могут использовать свой социальный и символический капитал без юридического подтверждения своего статуса.

Я не смогла изменить работу своих сотрудников по новым правилам. Поэтому мы закрылись, но продолжаем активную работу как группа гражданских активистов. Для нас такой период уже был. Не знаю, навсегда это или временное явление, но пока это так (Е.Н., руководитель женской некоммерческой организации с 1995 года, закрывшейся в 2013 году, Иваново).

Стало сложно работать по новым условиям, так как наша работа и сводится к обсуждению в СМИ, Интернете тех социальных проблем, которые нельзя решить в одиночку – это насилие в семье, сексуальные домогательства на рабочем месте, равные возможности в политической карьере и так далее. Наша постоянная работа на протяжении многих лет – теперь стала пониматься как «происки капитализма». Поэтому мы сделали самороспуск, но проекты, которыми мы занимались более 10-15 лет – до сих пор реализуем, вот уже третий год после закрытия. Что будет дальше – неизвестно, но не просто выживать и адаптироваться – это однозначно (И.А., руководитель женской некоммерческой организации с 2002 года и закрывшейся в 2013 году, Республика Бурятия).

Женским некоммерческим организациям, признанным иностранными агентами, в результате про-

курорских проверок инкриминировалось: проведение публичных консультаций по вопросам прав женщин и детей, обращение в органы власти по вопросам несоблюдения прав человека, критика решений органов власти или обсуждение некомпетентности отдельных представителей власти по тому или иному вопросу в СМИ, участие в конференциях, семинарах и публичных дискуссионных площадках, нашедших свое отражение в материалах СМИ и социальных сетях, участие в митингах и прочее.

Формально, под действие закона попадает любая некоммерческая женская организация. И только изменение стратегий управления и функционирования, пересмотр ориентиров деятельности позволяет не попасть в список иностранных агентов и получить дополнительные источники финансирования, адаптироваться к новым правилам, установленным государством. Практически все некоммерческие организации после 2012 года занимаются поддержанием более позитивного имиджа, раскрывающего региональные, патриотические цели развития и деятельности своей организации. Также изменились социальные сети женских некоммерческих организаций, помогающих и поддерживающих проекты друг друга в одном городе, регионе или в целом стране, проекты с зарубежными партнерами практически у всех приостановлены или закрыты.

Введение закона об иностранных агентах повлекло за собой большее сплочение женских некоммерческих организаций, вынужденных решать свои задачи сообща. Что в целом, является положи-



тельным моментом, несмотря на то, что часть организаций просто прекратили свою работу.

Таким образом, усиление государственной вертикали власти стало не однозначным явлением в функционировании всего некоммерческого сектора в России. Среди женских некоммерческих организаций наблюдается две тенденции: изменений условий для функционирования женских НКО и изменение методов и стратегий управления самой НКО под влиянием закона о иностранных агентах 2012 года. В целом это меняет саму социальную ткань развития институтов гражданского общества и условий социального развития межсекторного взаимодействия женских некоммерческих организаций, ведет к увеличению неформальных практик и ресурсов взаимодействия. Формализация социального взаимодействия, для многих стала непосильным бременем. Применяемые правовые механизмы далеко не всегда позитивно и эффективно влияют на социальное воспроизводство, что мы и можем наблюдать в работе женских некоммерческих организаций.

Литература

1. Василенко, А.И. Принятие закона «Об иностранных агентах» как первый этап на пути к правовому регулированию лоббистской деятельности в России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. №3 (25), 44-58.

2. Мерсиянова, И.В., Иванова, Н.В. Партнерство государства и благотворительных фондов как стратегия повышения ресурсной обеспеченности некоммерческих организаций // Вопросы государ-

ственного и муниципального управления. 2018. №1, 29-46.

3. Полюшкевич, О.А. Оценка социального капитала и перспективы консолидации: гендерные аспекты // Женщина в российском обществе. 2013. №1, 60-71.

4. Полюшкевич, О.А. Межсекторное взаимодействие женских некоммерческих организаций Сибирского федерального округа // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. №70, 246-263.

5. Трескин, П. А. Общественные организации как социальный капитал региона // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. №64, 263-277.

6. Тулаева, С., Тысячнюк, М., Хенри, А. Л. Стратегии экологических НПО в контексте принятия закона об иностранных агентах: игры с формальностью // *Laboratorium*. 2017. №9(3), 18-43

7. Федеральный закон от 20.07.2012 N 121-ФЗ (ред. от 04.06.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». Просмотрено 18 октября 2019 г. (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132900).

8. Якушкина, Е.И. Деятельность региональных женских организаций в контексте современного российского женского движения // Научные ведомости. 2009. №9(64), 205-212.

Women's NGOs in the context of public administration reforms in the non-profit sector
Polyushkevich O.A.
 Irkutsk State University



The article analyzes the features of the work of women's non-profit organizations after the introduction of the law on foreign agents in 2012. The conditions and forms of development of the nonprofit sector in the new conditions and the forms of social adaptation to public administration of the nonprofit sector in the new conditions are analyzed.

Key words: women's non-profit organizations, functioning strategies, field of activity, development conditions, civil society, non-profit sector

References

1. Vasilenko, A.I. Adoption of the law "On Foreign Agents" as the first stage on the way to legal regulation of lobbying activities in Russia // Perm University Herald. Jurisprudence. 2014. No. 3 (25), 44-58.
2. Mersyanova, I.V., Ivanova, N.V. Partnership of the state and charitable foundations as a strategy to increase the resource provision of non-profit organizations // Issues of state and municipal management. 2018. No. 1, 29-46.
3. Polyushkevich, O.A. Assessment of social capital and the prospects for consolidation: gender aspects // Woman in Russian society. 2013. No. 1, 60-71.
4. Polyushkevich, O.A. Intersectoral interaction of women's non-profit organizations of the Siberian Federal District // Public Administration. Electronic bulletin. 2018. No. 70, 246-263.
5. Treskin, P. A. Public organizations as the social capital of the region // Public Administration. Electronic bulletin. 2017. No. 64, 263-277.
6. Tulaeva, S., Tsyachnyuk, M., Henry, A. L. Environmental NGO strategies in the context of the adoption of the law on foreign agents: games with formality // Laboratorium. 2017. No9 (3), 18-43
7. Federal Law of 20.07.2012 N 121-Ф3 (as amended on 06/04/2014) "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Regulation of the Activities of Non-Profit Organizations Performing the Functions of a Foreign Agent". Viewed October 18, 2019 (http://www.consultant.ru/document/cons_d oc_LAW_132900).
8. Yakushkina, E.I. The activities of regional women's organizations in the context of the modern Russian women's movement // Scientific Sheets. 2009. No. 9 (64), 205-212.



Айтрекинг в маркетинговых и социологических исследованиях

Фарахутдинов Ш.Ф., Панова А.В.

Статья посвящена использованию айтрекингу – методу, популярность которого в маркетинговых и социальных исследованиях в последние годы возрастает. Рассматривается история метода, его сущность, связанная с особенностями зрительного восприятия человека. Дается краткая техническая характеристика существующего на сегодняшний день оборудования. Описывается процесс исследования и получаемые результаты. Рассматриваются подходы к формированию выборки в айтрекинг-исследованиях. Приводятся сведения о наиболее распространенных сферах применения метода в маркетинге и социальных науках. Перечисляются плюсы и минусы, а также сложности и ограничения айтрекинга. Ключевые слова: айтрекинг, окулография, нейромаркетинг, маркетинговые исследования.

Для человека зрение является самым важным источником информации об окружающем мире. Около 80% информации, которую обрабатывает мозг, поступает из зрительной системы. Именно поэтому попытки исследования работы глаз, как одного из важнейших органов, возникли очень давно, а механизм их движения в своих трудах описывал ещё Аристотель. Научный подход к особенностям зрительного восприятия человека, его связи с мыслительными процессами возник относительно недавно, в конце 19 века. До этого времени глаза и зрение изучались исключительно с точки зрения патологии и физиологии.

Методика айтрекинга (или окулографии) ставит перед собой задачи сбора и анализа данных о движении глаз. В науке айтрекинг используется для самых разнообразных целей: в диагностике неврологических заболеваний, для исследования абстрактного мышления и когнитивных процессов человека, в маркетинговых исследованиях, при изучении механизмов внимания и порождения языка и многое другое.

История метода связана с открытием, которое показало, что движение глаз характеризуется не плавными движениями, а чередой движений с короткими остановками (фиксации) и резкими передвижениями (саккады). Первые экспери-



менты в этом направлении осуществлял Луи Эмиль Жаваль, который наблюдал за движением глаз человека, читающего текст. С развитием науки и техники стали появляться первые технические приспособления по наблюдению за движением глаз и фиксации координат взора.

В 1901 году американские исследователи Р. Додж и Т. С. Кляйн создали относительно точный айтрекер, который представлял собой громоздкий фотоаппарат с большой выдержкой. В дальнейшем исследователи Д. Макалистер и Стил его усовершенствовали, добавив возможность видеозаписи. Это позволило фиксировать движение глаза не только в горизонтальной плоскости, но и в вертикальной. В 1935 году было доказано, что каждый человек воспринимает один и тот же визуальный стимул по-разному. Появилось такое понятие, как «зона интереса», которое означает, что при изучении одного и того же изображения последовательность перемещения внимания на его различные зоны у разных людей отличается [4].

В 70-х годах прошлого столетия советский учёный-физиолог А. Ярбус, экспериментально доказал, что в зависимости от поставленной задачи, движения глаз человека относительно одного и того же изображения, кардинально меняются. Также, он определил, что, изучая лицо другого человека, взгляд фиксируется в основном на глазах и области между носом и ртом [8]. При этом в своих экспериментах Ярбус использовал самостоятельно спроектированную установку.

С появлением и распространением персональных компьютеров,

которые существенно упростили процесс сбора и анализа информации, началось бурное развитие метода. Развитие технологий позволило использовать высокоскоростные видеокамеры. За каждую секунду съёмки глаза учёные сегодня получают до 2000 кадров для дальнейшего анализа. Это позволяет изучать движения глаз на микроуровне, так как каждую секунду человеческий глаз совершает порядка 3-4 фиксации, соединённых саккадами. Айтрекинг стал активно использоваться в науке и практике, методом заинтересовались маркетологи.

Для понимания механизма работы айтрекинга в маркетинговых исследованиях рассмотрим **особенности зрительного восприятия человека**. Движение глаз можно разделить на несколько типов.

1. Фиксационные движения подразделяются на два подтипа. Первый – тремор, представляет собой маленькие физиологические подергивания глаза, происходящие во время фиксации. Глаза здорового человека постоянно находятся в движении, даже когда он смотрит в одну точку. Подергивания глаза (тремор) происходят за счет легкой стимуляции глазных мышц, и без специальной аппаратуры дрожание глаза заметить невозможно. Второй – дрейф. Периодически глаз «уплывает» от точки фиксации (точки, на которой он фокусируется) в различных направлениях - это явление называется глазным, или окулярным, дрейфом. Дрейф может свидетельствовать об абстрактных мыслительных процессах человека. Например, при чтении испытуемым позитивных слов окулярный дрейф уходил вправо и вверх, а



при чтении негативных - влево и вниз [5].

2. Стационарные движения глаз. К этим движениям относятся фиксации, взгляд и саккады:

- фиксации представляют собой остановку глаз на одной точке;

- взгляд соединяет несколько фиксаций;

- саккады - быстрые движения двух глаз в одном направлении - соединяют между собой фиксации. Скорость является показателем того, насколько быстро человек способен переключаться с одного объекта на другой. Во время инициации саккады человек не может повлиять на траекторию движения глаза и его конечную остановку (фиксацию). Особенность саккад заключается в том, что до её старта и непосредственно во время иницирования визуальное восприятие человека полностью отключается. Фактически на протяжении примерно 150 миллисекунд человеческий глаз ничего не видит. Это время необходимо для обработки мозгом информации. Во время саккады зрение подавляется, а новая информация поступает только со следующей фиксацией. Однако этот сложный механизм и временную слепоту из-за огромных скоростей человек не способен заметить.

3. Взглядосмещающие движения. Отвечают за быстрые передвижения взора, возникающие при зрительной фиксации объекта (стимула).

4. Расширение зрачков. Методика измерения диаметра зрачка используется в некоторых айтрекерах в качестве точки отсчёта положения глаза. Расширение зрачка коррелирует с увеличением трудности задачи, он хорошо реагирует на интерес, волнение, возбуждение.

Зрачок реагирует с рождения и его расширение является неконтролируемой активностью человека.

5. Прослеживающие движения глаз. Представляют собой умение глаз двигаться не скачками, а плавно, словно следя за объектом. Прослеживающие движения важны для поддержания внимания. Если у человека возникает необходимость проследить цель, гораздо проще это сделать при помощи плавных движений, чем постоянно фиксировать и анализировать новую информацию. Прослеживающие движения возникают только при наличии движущегося объекта, и здесь реализуются совсем другие механизмы, чем при саккадах и фиксациях. Считается, что это умение человек приобрёл вследствие эволюции, когда появилась необходимость охотиться на дичь. Возможно, поэтому у людей более развиты горизонтальные и нисходящие, чем вертикальные и восходящие прослеживающие движения глаз [2].

Оборудование. Современные окулографы с точки зрения принципа работы можно разделить на два типа: электроокулографы и оптические окулографы. Первые используются в основном в медицинских исследованиях для диагностирования различных заболеваний. Они собирают глазодвигательные данные о соотношении электрических потенциалов с электродов, которые размещаются на коже вокруг глаз. Диапазон применения очень широкий, но точность плохая, так как сложно определить направления взгляда испытуемого во время демонстрации стимула.

В маркетинговой среде окулографы чаще называют айтрекерами, а в исследованиях используют



ся в основном оптические версии, которые записывают движения глаз на камеру. При этом существуют разные методы фиксации: одни регистрируют положения зрачка, другие – отражение инфракрасного света от роговицы.

На рынке представлено множество разновидностей айтрекеров. Они используются не только в маркетинговых и UX-исследованиях, но и для управления взглядом в играх, для коммуникации людей с ограниченными возможностями и даже для тренировки спортсменов. С точки зрения форм-фактора есть носимые айтрекеры (чаще всего это очки), дистанционные или стационарные. Носимые используются для исследований среды, терминалов, мерчандайзинга, иногда для тестирования мобильных устройств. Дистанционные применяются для тестирования разнообразных цифровых продуктов. Они могут быть прикреплены к монитору или встроены в него, а также используются в рамках стендов для тестирования на смартфонах или планшетах.

Беспроводные очки-айтрекеры позволяют проводить исследования в любой среде. Удобство в использовании и лёгкий дизайн оказывают минимальное воздействие на пользователя, приближая его к естественному состоянию. Функция беспроводной передачи данных позволяет получить результаты в режиме реального времени, а интегрированное программное обеспечение даёт возможность оперативно проанализировать получаемые данные.

Мониторный айтрекер представляет собой устройство, которое крепится к нижней части экрана

любого устройства. Регистрация движений зрачков пользователей происходит через инфракрасную камеру с подсветкой [6].

Процесс исследования. Рассмотрим, как протекает процесс исследования на примере стационарного айтрекера.

После того, как испытуемый размещается перед окулографом, осуществляется его настройка и калибровка. Настройка позволяет установить различные режимы камеры в зависимости от целей исследования. Это скорость и качество записи, количество получаемой информации, настройка параметров тестов и др. Калибровка необходима по причине физических различий строения лица разных людей: у всех разная глубина и ширина посадки глаз. Программному обеспечению айтрекера необходимо зафиксировать координаты зрачков, поэтому испытуемым предлагается поочерёдно взглянуть на различные точки монитора. Эти данные необходимы для дальнейшего сопоставления полученных данных со стимульным материалом, который будет демонстрироваться на экране.

В процессе айтрекингового исследования испытуемым предлагается стимульный материал, который может быть представлен рекламным изображением, каким-либо текстом, видеороликом, страницей сайта и т.д. Если речь идёт о портативных айтрекерах, то взгляд направлен на экран мобильного телефона, сайт, полку в магазине и т.д.

Результаты исследования. Основные материалы, получаемые на выходе из исследования с айтрекером – это видеозапись, визуализации и статистика.



На видеозаписи показывается то, что происходило на исследовании, а специальный маркер указывает движения взгляда человека по исследуемому объекту или среде. Видеозапись позволяет детально проанализировать поведение респондента.

Визуализации используются в основном для того, чтобы проиллюстрировать найденные проблемы и особенности поведения. Наиболее популярные визуализации - это тепловые карты и графики движения взгляда (рис. 1).

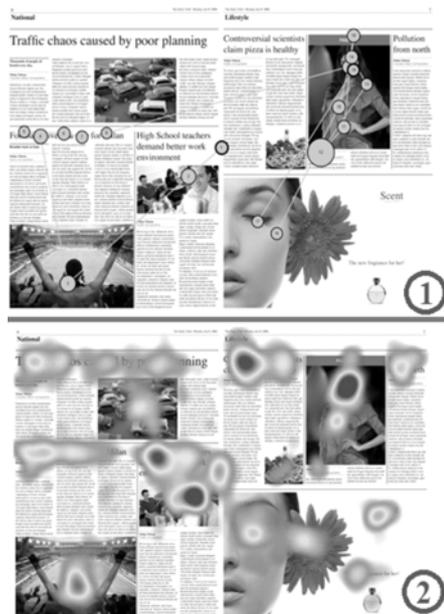


Рис. 1 Визуализации результатов айтрекинга (1. График движения взгляда. 2. Тепловая карта)

На карте тёплые цвета соответствуют местам, в которые смотрели часто (или редко, но долго). Строятся карты чаще всего по группе респондентов и отражают общие результаты. График движения взгляда показывает порядок, в ко-

тором человек изучал страницу. Графики обычно используются для отражения поведения одного респондента, так как объединение нескольких человек на одном изображении делает картинку плохо читаемой.

Статистика собирается и анализируется посредством множества метрик:

- общее число фиксаций;
- число фиксаций в секунду;
- точные координаты фиксации взгляда;
- последовательность фиксаций;
- длительность фиксаций, а также средние и медианные значения длительности фиксаций;
- скорость саккад (движений глаз между фиксациями);
- длина саккад, а также средние значения длин саккад;
- скорость просмотра (путь, пройденный глазами за время просмотра);
- диаметр зрачка (каждого глаза по отдельности) в момент каждой фиксации.

Также в ходе исследования появляется возможность выделения границ любого из объектов как до начала просмотра, так и после подсчета активности фиксаций и саккад в пределах выделенной зоны и сравнения с другими зонами. Таких зон может быть выделено неограниченное количество для подсчёта различных данных в этой зоне и сравнительного анализа между зонами [3].

Выборка. Распространено мнение, что для применения айтрекинга в исследовании необходимы большие выборки респондентов. Например, Якоб Нильсен советует для стабильных тепловых карт



привлекать не менее 39 человек [9]. Наталия Спрогис, руководитель направления UX-исследований в Mail.Ru Group считает, что такие большие выборки неоправданно увеличивают сроки и бюджеты проектов.

Она указывает, что на практике количество респондентов зависит от многих факторов. Если айтрекер используется в качественном исследовании, цель которого найти проблемные места продукта, то потребуется ненамного больше пользователей, чем для классического тестирования (6 - 12 человек). Здесь айтрекер просто помогает лучше понять причины проблем, возникших у каждого респондента.

Большие выборки нужны в двух случаях. Во-первых, если предполагается сравнительный анализ. Во-вторых, если необходимо сделать статистические выводы о паттернах поведения людей, то есть когда нужно осуществить количественный анализ результатов. Чтобы определиться с количеством респондентов, можно воспользоваться специальными калькуляторами, например, от компании Blink [10]. Он хорошо иллюстрирует, от каких параметров зависит размер выборки.

Цели использования. Айтрекинг-маркетинговые исследования используются в самых различных целях. Рассмотрим наиболее распространённые сферы применения этого метода:

Тестирование рекламы позволяет осуществить посекундный анализ показателей вовлечения респондентов в рекламные ролики и выявить наиболее интересные зоны баннерного изображения.

Сжатие рекламы. Учитывая, что стоимость проката рекламных роликов может быть достаточно высокой, маркетологи стараются сделать её короткой, не потеряв при этом эффективность. Метод айтрекинга позволяет сделать это быстро и качественно.

Тестирование упаковки. Упаковка – это лицо товара. Чем презентабельнее и привлекательнее для клиента она будет выглядеть, тем больше вероятность, что он купит этот товар. Очень часто потребитель покупает именно упаковку, а не товар внутри неё. Айтрекинг-исследования позволяют создать эффективную упаковку, выяснив, какие из её элементов находят наибольший отклик у потребителей.

Тестирование в магазинах позволяет оптимизировать стратегии размещения продукции в магазинах, что способствует увеличению объёмов продаж.

Сущность бренда. Интерес к брендингу как к способу получения устойчивого конкурентного преимущества существует в маркетинговой среде уже давно. Рынки становятся более сложными, возрастают конкуренция и требования потребителей к товарам и услугам. Выявление подсознательных ассоциаций потребителей с брендом компании может способствовать существенному улучшению его имиджа на рынке.

Комплексный анализ потребительского опыта взаимодействия с продуктом. Вкус, прикосновение, настроение, время – все это составляющие процесса взаимодействия потребителя с продуктом. Определение ключевых аспектов вовлечения потребителя в процесс



такого взаимодействия способно сделать этот опыт более ценным для клиентов.

Юзабилити-тестирования (UX-исследования) и эргономическая оценка веб-страниц и программных продуктов направлены на изучение реальных сценариев работы пользователей. Предметом исследования является компоновка информации и её соответствие информационным потребностям пользователя. Сегодня такие исследования являются одной из главных сфер применения рассматриваемого метода.

В психологии, социологии и других социальных науках исследования с помощью айтрекинга проводятся для изучения когнитивных процессов, методов обработки информации и механизмов принятия решения. В отечественной научной литературе можно обнаружить такие примеры использования метода, как отслеживание взгляда при разработке систем объективации экспертного опыта, диагностика мотивации личности, изучение визуального восприятия социальной рекламы, диагностика зависимости от компьютерных игр и др. [1]

Плюсы и минусы айтрекинга.

Помимо решения конкретных задач, связанных с поиском проблем, выявлением особенностей аудитории и сравнением решений, у айтрекинга есть ряд преимуществ. Даже если метод не поможет найти новые проблемы и инсайты, его применение способно улучшить качество всего исследования.

1. Наглядность. Статистика и визуализация позволяют очень наглядно показать найденные проблемы.

2. Отсутствие влияния модератора. Айтрекинг позволяет комму-

ницировать с респондентом практически без посредников.

3. Наблюдение за ходом исследования. Наблюдение команды проекта за тестированием может быть более ценным, чем итоговый отчёт. Ведь главная задача любого исследователя - донести знания о проблемах и потребностях до заинтересованных лиц. Именно в наблюдательной комнате заказчик исследования с большей вероятностью проявит эмпатию к пользователям и начнёт больше доверять результатам исследования.

4. Доступ к бессознательному. Айтрекинг позволяет работать с неосознаваемым пластом поведения. Человек не контролирует, как именно перемещается его взгляд, и не в состоянии рассказать вам честно, куда и как он смотрел. Поэтому, например, если респонденты не находят на изучаемом объекте целевой элемент, без айтрекинга трудно ответить на вопрос, по какой причине это произошло: не заметил респондент этот элемент или не понял, что это такое? Кроме того, существует фактор социально одобряемого поведения, которого можно избежать с использованием данного метода [7].

Ограничения и сложности.

Существует ряд ограничений, которые в каждом конкретном случае ставят под вопрос необходимость применения айтрекинга.

1. Высокая стоимость оборудования и программного обеспечения делает айтрекинг доступным лишь для лабораторий крупных компаний или успешных маркетинговых агентств. Появление в последние годы относительно бюджетных моделей в линейках крупных производителей даёт надежду на то, что



в скором времени технология станет более доступной. Но сейчас бюджетные модели сильно отстают от дорогих по возможностям и мощности ПО.

2. Сложность анализа. Анализ движений взгляда - это длительный и сложный процесс. Поэтому применение айтрекинга значительно увеличивает время обработки результатов исследования, даже если при этом не были получены значительные результаты.

3. Проблемы калибровки возникают у 10 - 20 % респондентов. Иногда они выражаются в неточности фиксаций, а в ряде случаев калибровка в принципе невозможна. Может, например, помешать обильный макияж, причёска или физические особенности потенциальных респондентов. Часто проблемы возникают с людьми с плохим зрением.

4. Ограничения методологии. При планировании исследования необходимо подстраивать сценарий тестирования под использование айтрекинга. Если в рамках теста респондент общается с модератором, всё время общения необходимо удалять из анализа айтрекинга, поскольку на экране появляются «мусорные» фиксации. Это довольно трудоёмкая задача, особенно если исследуется много респондентов. Также сомнительным становится применение метода «Мысли вслух». Существуют примеры того, насколько сильно отличается то, как респонденты смотрят на экран, когда комментируют свои действия и когда молчат. Некоторые исследователи вместо «Мысли вслух» предлагают использовать метод «Ретроспектива», когда респондент сначала молча выполня-

ет задания, а потом пересматривает видеозапись и комментирует её. Однако этот процесс почти в два раза увеличивает время самого тестирования.

5. Квалификация исследователя. Чтобы выбрать правильный метод, не вносящий предвзятость, обработать нужные статистики, подкрепить их показательными визуализациями и, самое главное, не ввести заказчика в заблуждение, исследователь должен быть высококвалифицированным. На обучение сотрудников либо найм специалистов требуются дополнительные ресурсы.

Существует также ряд проблем, связанных с интерпретацией айтрекинговых исследований. Для правильной интерпретации данных требуется большой опыт. Приведём несколько примеров, подтверждающих сказанное.

Обилие фиксаций может говорить как об интересе, так и о сложности (например, попытке респондента разобраться в непонятном). Фиксация на каком-то блоке даже не означает, что респондент действительно видел и понимал, что это такое. Взгляд мог скользнуть по блоку при выполнении другой задачи, и мозг не стал обрабатывать эту информацию. Всё это приводит к тому, что сам по себе айтрекинг не может давать выводы без сопутствующего анализа видеозаписи, поведения респондента и его комментариев.

Выводы по тепловым картам. Тепловые карты могут быть построены на основании разных статистик. Это может привести к тому, что поведение очень «медленных» людей, которые долго смотрели на экран, будет иметь больший вес.



Также не всегда однозначно можно интерпретировать количество фиксаций. Блок, который получит 10 фиксаций от одного респондента, и блок, которому досталось по одной фиксации от 10 человек, могут стать одинаково «горячими». Эти виды поведения настолько различаются, что ведут к совершенно разным выводам о продукте. Именно поэтому тепловые карты не могут быть основанием для каких-то решений сами по себе, а способны лишь проиллюстрировать выводы, сделанные на основании полных данных [7].

В заключение необходимо отметить, что айтрекинг действительно может улучшить качество исследований, наглядно подтвердить исследовательские находки. Однако, как показывает существующий опыт, он практически никогда не работает в отрыве от классических методов: наблюдения за деятельностью респондента и общения с ним.

Литература

1. Айтрекинг в психологической науке и практике [Текст] / отв. ред. В. А. Барабанщиков. – Москва: Когито-Центр, 2015. – 410 с.

2. Айтрекинг: научный взгляд в глаза (видеозапись публичной лекции Михаила Походая) [Электронный ресурс] // Видеохостинг YouTube. - URL : <https://www.youtube.com/watch?v=UvT1dpCXuFM>.

3. Емельянов Андрей. Окулографические исследования: что может рассказать взгляд [Электронный ресурс] / А. Емельянов // Коллективный блог «Хабрахабр». - URL : <https://habrahabr.ru/company/alee/blog/118398/>

4. История айтрекинга в лицах и картинках [Электронный ресурс] // Сайт компании «Нейроиконика-Нейромеханика». - URL : <https://usabilityin.ru/eye-tracking-history/>

5. Походай Михаил. Восприятие мира: скачками и точками [Электронный ресурс] / М. Походай // Сайт НИУ «Высшая школа экономики». - URL : <https://www.hse.ru/news/communication/181116160.html>.

6. Продажа Айтрекеров в России [Электронный ресурс] // Сайт компании «Нейроиконика-Нейромеханика». - URL : <https://usabilityin.ru/eyetrackers/>

7. Спрогис Наталия. Айтрекинг в UX-исследованиях [Электронный ресурс] / Н. Спрогис // Коллективный блог «Хабрахабр». - URL : <https://habrahabr.ru/company/mailru/blog/322324/>

8. Ярбус А. Л. Роль движений глаз в процессе зрения [Текст] / А. Л. Ярбус. - Москва: Наука, 1965. - 173 с.

9. Nielsen Jakob. How Many Test Users in a Usability Study? [Electronic resource] / J. Nielsen // Сайт компании «Nielsen Norman Group». - URL : <https://www.nngroup.com/articles/how-many-test-users/>

10. Usability Sample Size Calculator [Электронный ресурс] // Сайт компании «Blink». - URL : <http://blinkux.com/usability-sample-size/>

Eye tracking in marketing and sociological researches

Farakhutdinov Sh.F., Panova A.V.

Tyumen Industrial University

The article is devoted to the use of eye-tracking method, the popularity of which is increasing in marketing and social research in recent years. The history of the method,



its essence associated with the peculiarities of human visual perception is considered. A brief technical description of the existing equipment is given here. The research process and the obtained results are described. The approaches to sampling in eye-tracking research are discussed. The article provides information about the most common areas of the method application in marketing and social sciences. The pros and cons, as well as the complexities and limitations of eye-tracking are given.

Key words: eye tracking, oculography, neuromarketing, marketing research.

References

1. Aitracking in psychological science and practice [Text] / resp. ed. V. A. Drummers. - Moscow: Kogito-Center, 2015. -- 410 p.
2. Aitracking: a scientific look in the eye (video of a public lecture by Mikhail Pokhodai) [Electronic resource] // YouTube video hosting. - URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UvT1dpCXuFM>.
3. Emelyanov Andrey. Oculographic studies: what the gaze can tell [Electronic resource] / A. Emelyanov // Collective blog "Habrahabr". - URL: <https://habrahabr.ru/company/alee/blog/118398/>
4. The history of IT tracking in faces and pictures [Electronic resource] // Website of the company "Neuroonic-Neuromechanics". - URL: <https://usabilityin.ru/eye-tracking-history/>
5. Walk around Michael. Perception of the world: jumps and dots [Electronic resource] / M. Walk around // Website of the Higher School of Economics NRU. - URL: <https://www.hse.ru/news/communication/181116160.html>.
6. Sale of Aitrekres in Russia [Electronic resource] // Website of the company "Neuroonic-Neuromechanics". - URL: <https://usabilityin.ru/eyetrackers/>
7. Sprogis Natalia. Aitracking in UX-research [Electronic resource] / N. Sprogis // Collective blog "Habrahabr". - URL: <https://habrahabr.ru/company/mailru/blog/322324/>
8. Yarbus A. L. The role of eye movements in the process of vision [Text] / A. L. Yarbus. Moscow: Nauka, 1965. 173 s.
9. Nielsen Jakob. How Many Test Users in a Usability Study? [Electronic resource] / J. Nielsen // Website of the Nielsen Norman Group company. - URL: <https://www.nngroup.com/articles/how-many-test-users/>
10. Usability Sample Size Calculator [Electronic resource] // Blink company website. - URL: <http://blinkux.com/usability-sample-size/>



В авангарде университетской социологии

Кравченко А.И.

Статья продолжает редакционную юбилейную рубрику, первые материалы которой были опубликованы во втором номере нашего журнала за этот год. На этот раз помещены не документальные материалы, а содержательный анализ трех юбилейных событий.: 15-летний юбилей журнала «Социология» совпал с 30-летием социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и 80-летием его первого декана и учредителя Владимира Ивановича Добренкова – главного редактора нашего журнала с момента его основания.

Ключевые слова: социология, университет, факультет, юбилей В.И. Добренков.

Любая наука представляет собой сложный комплекс когнитивных и социальных показателей. **Институционализация социологии** — такой механизм развития, который предполагает ее вхождение в систему высшего образования в виде специальных кафедр и факультетов, создание системы научно-исследовательских центров, подготовку и переподготовку квалифицированных кадров, издание периодических печатных органов (журналов), научных монографий и сборников, проведение конференций и семинаров для общения ученых и преподавателей, обмена передовым опытом и технологиями, обсуждение новых результатов и открытий. При этом социологи, изучающие дисциплинарную структуру науки, стремятся не только раскрыть особенности системы научных публикаций, коммуникаций между учеными, но и перейти от статических моделей к динамическим, которые основываются на изучении смены когорт ученых по годам и возрасту, на ранжировании университетов и кафедр, на стратификации выборок, продуктивности ученых, их научных карьер и т.д.

Учреждение **социологического факультета** МГУ им. М.В. Ломоносова – очередной и очень важный этап институционализации социологии в стране. Университетский факультет выполняет три базовые функции: хранителя фундаментальных ценностей, научно-исследовательского центра, кузницы научно-педагогических кадров



для высшего образования и генератора идей в области организации образования. По мысли К. Ясперса, идея университета предполагает реализацию четырех функций. Первая – исследование, преподавание и обучение специальным профессиям; вторая – образование и воспитание; третья – духовная коммуникация; четвертая – университет должен представлять «вселенную» наук.

Преподаватель не способен сохранить высокий уровень квалификации, не участвуя в научных изысканиях и приращении новых знаний. Основная функция института преподавания — сохранение достигнутых знаний и культурных образцов с помощью подготовки высококомпетентных специалистов. У исследования функция прямо противоположная — изменение культурной традиции, поиск новых путей приращению знаний.

Социологический факультет призван решать стратегические задачи науки и образования:

- подготовка специалистов высочайшей квалификации в области социологии, менеджмента, маркетинга и работы с молодежью;
- обеспечение равных возможностей для всех желающих учиться и уже учащихся на факультете;
- воспитание чувства гражданской ответственности, патриотизма и высокой социальной ответственности в наших выпускниках;
- формирование уникальной университетской атмосферы доброжелательности, присущей учебным заведениям с богатейшей историей;
- объединение и координацию усилий социологического сообще-

ства по укреплению и развитию принципов фундаментальности и актуальности современного образования.

К специальным признакам научной дисциплины И. Шпигель-Резинг относит социальную структуру дисциплины (наличие научных школ, групп власти, конфликтующих исследовательских групп), совокупность образцов взаимодействия, способ рекрутирования и социализации последователей, техническое обеспечение и оснащение, формы отношений к другим дисциплинам, а к когнитивным — специфические способы расчленения предмета исследования, принимаемые теоретические принципы, дисциплинарные критерии оценки теоретических положений, источники новой постановки вопросов, используемые методы, степень методической специализации, вспомогательные аналитические и технические методики и другие признаки¹.

Институционализация является важным механизмом, обеспечивающим воспроизводство членов научного сообщества, социализацию ими признанных норм и ценностей, интеграцию дисциплинарного сообщества и формирование ценностной «дисциплинарной» ориентации ученых. Выражение «институционализация социологии» предполагает, что научная деятельность, в том числе социологическая, строится на основе, при контроле или с помощью ряда институтов и институций, которые есть только в науке и нигде более. Например, институт обязательной

¹ Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки: Ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988. С. 241.



рассылки книг, институт научной экспертизы, институт журнальной публикации, институт академической свободы (выражение Т. Парсонса).

Первые отделения прикладной социологии появились в 1984 г. в Московском университете на философском факультете и в Ленинградском университете на экономическом факультете. В 1989 г. состоялся первый выпуск профессиональных социологов. 25 человек было выпущено Московским университетом и 25 — Ленинградским. Это были первые выпускники, у которых в дипломе специальность «прикладная социология». В 1989 г. учреждены социологические факультеты в Московском и Ленинградском университетах, а с 1992 г. социология стала обязательным предметом во всех вузах страны. К 2002 г. в России уже 81 высшее учебное заведение осуществляет подготовку социологов.

Днем рождения социологического факультета МГУ можно считать 6 июня 1989 г., когда ректор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, академик А.А. Логунов подписал приказ № 500 «Об организации социологического факультета в Московском государственном университете». Первым деканом социологического факультета стал в то время заведующий отделением социологии профессор В.И. Добренков.

Еще в 1960 г. на философском факультете МГУ была создана социологическая лаборатория, которой в разные годы руководили В.И. Разин, Р.И. Косолапов, А.И. Демидова, Ю.В. Арутюнян, В.Я. Нечаев. Научные сотрудники лаборатории

обучали сотни студентов и аспирантов методике и технике конкретных социологических исследований, ежегодно организовывали социологическую практику студентов, руководили курсовыми и дипломными работами, читали спецкурсы и проводили спецсеминары для студентов. В 1967 г. на философском факультете И.М. Слепенков помимо лаборатории создал социологическую группу по исследованию проблем сельской молодежи. Группа провела 16 социологических студенческих экспедиций (Московская, Калужская, Калининская, Тульская области, Краснодарский и Ставропольский края) и осуществила всесоюзные исследования сельской молодежи, на базе которых были опубликованы две монографии, несколько брошюр, десятки статей.

Важной вехой в становлении и развитии социологии в МГУ стало открытие в 1968 г. кафедры методики конкретных социальных исследований. Первой ее заведующей была видный специалист по социальной психологии профессор Г.М. Андреева. Основным направлением деятельности кафедры являлась специализация студентов по социологии. Лекции на разных этапах ее развития читали профессора и доценты: Г.М. Андреева, В.И. Добренков, В.Г. Гречихин, Л.А. Петровская, Д.Ф. Козлов, А.П. Куприян. Социологию преподавали не только философам, но и юристам, журналистам. Для них были разработаны специальные программы, учитывающие специфику факультетов. Сотрудники кафедры подготовили и издали одно из первых в стране учебных пособий по социологии. В нем было представлено современное для того времени



состояние социологической науки. На кафедре выступали с лекциями ведущие ученые Москвы и других городов России. Перспективы дальнейшего развития социологии выдвигали задачу создания на базе кафедры и социологической лаборатории отделения социологии, и вскоре оно было открыто на философском факультете. Заведующим отделением был назначен профессор Б.В. Князев.

В 1977 г. на философском факультете, на отделении научного коммунизма, была введена специальность «прикладная социология», а в 1984 году - открыто отделение прикладной социологии (организатор и заведующий отделением - профессор Б.В. Князев). Институционализация социологического факультета МГУ включала в себя четыре этапа: социологическая лаборатория ⇒ социологическая кафедра ⇒ социологическое отделение ⇒ социологический факультет. На это потребовалось почти 30 лет. Первые шаги в становлении социологии в Московском университете были сделаны в 1960 г.: на философском факультете была открыта социологическая лаборатория. Организация в 1989 г. социологического факультета МГУ создала благоприятные условия для развития социологии, повышения качественного уровня фундаментальной подготовки специалистов-социологов высокого уровня. Первые шаги в становлении факультета были трудными: вначале студентов насчитывалось несколько десятков, а кафедр специализации было всего две; практического опыта организации социологического образования в стране тогда не было. Преодолевая материальные, организационные, научно-методические и администра-

тивные трудности социологический факультет МГУ за короткий срок превратился в ведущий научно-образовательный центр подготовки социологических кадров и развития социологии в России. В 2014 году деканом социологического факультета выбрана доктор социологических наук, профессор Осипова Надежда Геннадьевна, известный отечественный социолог, проработавшая в системе социологической науки и образования свыше 33 лет.

В настоящее время в структуру социологического факультета входят 10 кафедр, охватывающих важнейшие предметные области классической и современной, фундаментальной и прикладной социологии: кафедра истории и теории социологии; кафедра современной социологии; кафедра методологии социологических исследований; кафедра социологии коммуникативных систем; кафедра социологии международных отношений; кафедра политологии и социологии политических процессов; кафедра социологии государственного управления; кафедра экономической социологии и менеджмента; кафедра социологии семьи и демографии; кафедра социальных технологий. На социологическом факультете проходят обучение граждане стран СНГ, а также Китая, Кореи, Германии, Франции. Образовательный процесс обеспечивают около 100 преподавателей – докторов и кандидатов наук, подавляющее большинство из которых имеют ученые звания доцента или профессора. Учеными факультета постоянно ведутся исследования по грантам РГНФ и других научных фондов в рамках двусторонних договоров с зарубежными партнерами. В 2002 г. учреждены премии Питирима Соро-



кина и Николая Ивановича Кареева. На факультете функционирует ежегодная научная конференция «Ломоносовские чтения», ежегодная Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения». Направления дальнейшего развития деятельности социологического факультета обозначены в «Программе развития социологического факультета на 2015 – 2020 годы». Согласно этой программе стратегией развития социологического факультета является создание одного из наиболее авторитетных в мире современных научно-образовательных комплексов социологического профиля, служащего процветанию Российского государства и общества.

В информационном поле науки **академические журналы** занимают центральное место. В отличие от монографий, ежегодников и сборников они дают читателю свежую и разностороннюю информацию. Разнообразие рубрик и жанров, охватывающих все содержательное поле текущей науки, снижает монотонность восприятия, дает более многомерную и разнообразную когнитивную панораму научной мысли. Они выступают наиважнейшим способом оповещения общественности о проделанной учеными работе, получения общественной оценки своего труда, одним из критериев материального вознаграждения. Журнальные статьи, наряду с учебниками, монографиями, словарями и энциклопедиями, выступают важнейшим фактором институционализации науки. Без них она не может развиваться полноправно и полноценно. В журнальной статье автор делает

какое-либо важное открытие, претендует на самостоятельный подход, новое направление, предлагает не существовавший до той поры теоретический подход или раскрывает читателю уникальные эмпирические факты. Иными словами, журнальная статья выступает средством, механизмом или каналом приращения научных знаний.

Журнал выступает свободной трибуной обмена мнениями ученых по фундаментальным и прикладным вопросам науки. Журнальные статьи и монографии составляют передний край любой науки. Это означает, что знание здесь функционирует иным образом, чем там, где речь идет о передаче полученных результатов последующим поколениям, т. е. в учебно-справочной литературе. На переднем крае науки ядром когнитивной организации является проблема, а не решение, вопрос, а не ответ, деятельность, а не изложение уже найденного решения в готовых формах. Одним словом, передний край науки организован проблемно.

Научные журналы осуществляют важную, можно сказать незаменимую функцию, в становлении профессионального сообщества. Он предоставляет трибуну для лучших публикаций, с которых берет пример подрастающее поколение, которые цитируют и используют в своих диссертациях и исследованиях, с которыми спорят или критикуют, которые служат авторитетом. Публикую академические статьи из года в год, журнал способствует аккумуляции и приращению научных знаний. Старые подшивки журналов профессионалы редко когда выбрасывают, к ним обращаются вновь и вновь по прошествии времени. В отличие от газетных публикаций фундамен-



тальные статьи не теряют своей актуальности и через многие десятилетия, помогая тем, кто занимается историей науки или прослеживает внутреннюю логику становления научной мысли.

На факультете работают редакционные коллегии научных журналов **«Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология»** (орган Московского университета; главный редактор – проф. В.И. Добренков, с 2014 г. – проф. Н.Г. Осипова) и **«Социология»** (орган Московского университета и Российской социологической ассоциации; главный редактор – проф. В.И. Добренков). «Вестник» является научным изданием социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, публикующим материалы, посвященные научному анализу основных трендов современного социального развития и изменения, методологическим и теоретическим проблемам современной социологии и политологии, конкретных областей социологического и политологического анализа, а также результатов широкого спектра эмпирических исследований. В журнале освещаются проблемы и специфика современного общества и институционального порядка, политические процессы, вопросы социальной и государственной политики, социального и организационного менеджмента, специфики современных социальных процессов. В журнале также публикуются обзоры и рецензии на новейшие работы в области социологии и политологии, лекционные и методические материалы, а также информация и аналитические отчеты о проведенных конференциях. Журнал содержит раздел «Научная жизнь», освещающий научную и ор-

ганизационную жизнь социологического и политологического сообщества.

Журнал «Социология», инициатором которого назад выступил В.В. Добренков, ставший главным редактором, начал выходить 15 лет в ситуации, когда в стране уже функционировали многочисленные издания социологического профиля. С начала 1990-х годов стали появляться новые социологические журналы и альманахи. В 1989 г. начал издаваться журнал «Философская и социологическая мысль» (на украинском и русском языках в Киеве). С 1991 г. выходит нерегулярно журнал «Социология», учредители — Институт социологии РАН и ЦЭМИ РАН. С 1992 г. выходят «Вопросы социологии», с мая 1993 г. - «Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения» (ВЦИОМ), с 1994 г. — «Социологический журнал», учредителем которого является Институт социологии РАН. Кроме них выходит множество других журналов, освещающих социологическую проблематику, в частности, «Социологические исследования», «Социология: 4М», «Социологический журнал», «Мир России: Социология, этнология», «Социо-Логос», «Вопросы социологии» (непериодический журнал, выпускавшийся Российско-французским центром социологии и философии при ИС РАН в 1992-1996 годах¹), «THESIS»: теория и история экономических и социальных институтов и систем» (выпускался с 1992 по 1995 гг.), «Рубеж: Альманах социальных исследований» (Сыктывкар),

¹ Принцип издания состоял в публикации переводов новаторских работ Западных авторов и оригинальных российских исследований. На страницах журнала впервые появились на русском языке статьи таких признанных Западных исследователей, как Р.Понтон, М.Пэнсон, М.Пэнсон-Шарло, П.Томпсон, К.Шарль, Дж.Урри.



"Журнал социологии и социальной антропологии" (С.-Петербургский университет), "Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев" (факультет социологии СПбГУ), "Социология. Вестник СПбГУ", Поволжский журнал по философии и социологии (Самарский госуниверситет), Поволжский социологический вестник (Самарский госуниверситет), научно-практический журнал "Личность. Культура. Общество", "Вестник МГУ. Социология и политология", "Социологическое обозрение", "Образование и социальное развитие региона" (Алтай) и др. Тем не менее, общероссийского журнала, объединяющего интеллектуальный потенциал Российской социологической ассоциации, до сих пор не было. Его так и хотели назвать - журнал «Российская социология». Однако прижилось другое наименование, то, под которым он сегодня выходит.

Публикация в ведущем периодическом издании по социологии является показателем общественного признания труда специалиста и служит профессиональной оценкой его конечных результатов. «В социологии и в других общественных науках не существует авторских свидетельств на изобретения, открытия и, если не считать отчетов и аналитических записок, публикация выступает пока единственной формой внедрения научных идей. Можно эффективно использовать социологические разработки в рамках отдельного предприятия или региона, но достижениями они признаются лишь тогда, когда войдут в систему научных коммуникаций, т. е. будут опубликованы»¹.

Доктор философских наук, профессор, декан — основатель перво-

го в России социологического факультета при МГУ им. М.В. Ломоносова, главный редактор двух ведущих университетских журналов **Владимир Иванович Добренков** родился 4.02.1939 в г. Сталинграде. В 1961-1966 г. учился на философском факультете МГУ, а затем в аспирантуре и защитил кандидатскую диссертацию «Неофрейдистская социологическая концепция Э. Фромма». В 1979 г. по результатам научной стажировки в США успешно защитил докторскую диссертацию «Современный протестантский теологический модернизм в США». С 1980 г. доктор философских наук, с 1982 г. профессор.

Самого В.И. Добренкова, и также профессорско-преподавательский состав социологического факультета МГУ первого поколения – Г.М. Андрееву, Б.В. Князеву, И.М. Слепенкова, Р.И. Косолапову, А.И. Демидову, Ю.В. Арутюняна, В.Я. Нечаева В.Г. Гречихина, Д.Ф. Козлова, Н.С. Федоркина, А.И. Антонова – можно отнести к знаменитому поколению **шестидесятников**, которое стояло у истоков научного и культурного возрождения страны в период хрущевской «оттепели». Шестидесятые годы XX века - не только хронологическое понятие, но и историческое. Хрущевскую оттепель считают также второй перестройкой: первая – период нэпа, а третья – правление М.С. Горбачева. Многие историки делят правление Н.С. Хрущева на две части: первую пятилетку – с 1953 по 1958 г., и вторую пятилетку – с 1959 по 1964 г. Десятилетие, отведенное на поколение шестидесятников, также можно условно разделить на две части: период надежд и период разочарований.

¹ Автор — редакция — читатель // Социол. исслед., 1984, № 3. с.38.



Поколение – совокупность людей, связанных общим периодом рождения, историческим опытом, жизненной судьбой, ценностями и мировоззрением. Шестидесятников объединяет активная жизненная позиция, романтический настрой на созидание и победу, исторический оптимизм, уверенность в своих силах и беззаветная преданность Родине. Поколение исторических оптимистов входило в эру своей зрелости подготовленными к великим свершениям. «С ликующим криком ворвались подростки войны, мечтатели, идеалисты, правдолюбцы, искатели, экспериментаторы...»¹. Сфера применения освобожденной молодой энергии оказалась необычайно широкой и во многом совпадала с направлением, которое указывали партия и правительство. А начиналось еще с 1954 г., с целины, где главной силой была молодежь. На долю шестидесятников выпали грандиозные «стройки коммунизма», покорение космоса и северных рек, освоение целины и создание первых студотрядов.

Знаковыми фигурами поколения шестидесятников, которые впервые в истории России осознали себя именно как поколение, являлись Булат Окуджава и Эрнст Неизвестный, Евгений Евтушенко и Александр Солженицын, Роберт Рождественский и Владимир Высоцкий, Андрей Вознесенский и Андрей Тарковский, Иосиф Бродский и Андрей Битов. А кроме них были еще физики-термоядерщики, романтики великих строек, геологи-первопроходцы, космонавты, герои

труда, творцы художественных шедевров, основатели научных школ и новых направлений. Год рождения В.И. Добренкова пришелся на период сталинских репрессий – 1939; молодость – на период хрущевской «оттепели», период трудовой деятельности – на годы «брежневского застоя» (который сегодня называют «золотым веком» СССР), горбачевской «перестройки», затем «шоковой терапии» Б.Н. Ельцина и, наконец, путинской стабилизации. По существу в этой биографии отразилась вся история нашей страны чуть ли не за сто последних лет.

Почти 60 лет В.И. Добренков проработал в МГУ им. М.В. Ломоносова, из них 14 лет в ректорате: 3 года – зам. проректора и 11 лет проректором; 25 лет возглавлял социологический факультет, воспитав плеяду блестящих ученых и педагогов. С 1989 по 2014 г. декан социологического факультета. С 1989 г. по настоящее время заведующий кафедрой Истории и теории социологии. Из-под его пера увидели свет более 250 научных публикаций объемом свыше 2500 п. л., среди которых 61 монография и 17 учебников. Книги переведены на английский, немецкий, португальский, китайский и сербский языки. Будучи деканом, возглавлял Совет по социологии, социальной антропологии и работе с молодежью учебно-методологического объединения по классическому университетскому образованию в вузах России. Создал Российскую социологическую Ассоциацию, был избран её президентом.

Многочисленные научные и общественные связи В.В. Добренкова с зарубежными университетами

¹ Аннинский Л. Пред волею и бедой // Новый мир. 1988. N 2. С. 237.



и учёными из Китая, Кореи, Франции, Польши, Чехословакии, Италии, Сербии, Черногории, США имели большое значение для развития и укрепления авторитета российской социологии. Педагог и организатор принимал активное участие в работе международных социологических конгрессов (Швеция, Китай, Индия, Испания, Япония, Южно-Африканская республика, Австрия). Неоднократно выступал с лекциями в Римском, Белградском, Черногорском, Пекинском, Шанхайском, Нанкинском, Карловом университетах, выступал с докладами на Международных конференциях, проводимых Академией общественных наук КНР. Принимал участие во всех Всероссийских социологических конгрессах, в региональных научных конференциях (Саратов, Ростов-на-Дону, Краснодар, Саранск, Самара, Санкт-Петербург, Казань). Был организатором, как Президент РоСА, научных конференций «Сорокинские чтения». Ежегодно организовывал и участвовал в международной научной конференции в рамках МГУ «Ломоносов». Много лет был членом Учёного Совета МГУ, председателем Учёного совета социологического факультета, Председателем диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций при МГУ, членом Президиума Российской Академии социальных наук, главным редактором реферативного журнала РАН «Социология», главным редактором журнала «Вестник МГУ», серия «Социология и политология».

За время работы в университете он читал базовые лекционные курсы - «Методика и техника конкретных социоло-

гических исследований», «Социальная психология». «История социологии», «Общая социология», «Введение в специальность». «Социология религии», а также специальные курсы - «Методология и методы научной работы», «Психоаналитическая социология», «Социология глобализации», «Интегральная социология П. Сорокина», «Социальная структура и социальные процессы в современной России». Осуществляет научное руководство, студентов, магистрантов, аспирантов, рецензирование учебных и научных работ, оппонирование кандидатских и докторских диссертаций, руководит общефакультетскими и кафедральными научно - методологическими семинарами, им подготовлено 120 кандидатств наук, 2 докторов наук.

Владимир Иванович имеет правительственные награды: орден Дружбы народов (1980), орден Трудового Красного Знамени (1986), орден Почёта (1998), орден Дружбы (2003), медали. Он заслуженный профессор Московского университета (1998 г.), лауреат Ломоносовской премии (2012), лауреат премии им. П. Сорокина заслуженный работник высшей школы РФ (2011), почётный профессор Шанхайского университета. Почётный работник высшего профессионального образования России (1998). В настоящее время Президент Российской социологической Ассоциации, главный редактор журнала РоСА «Социология», член диссертационного совета при Институте социально-политических исследований РАН.



Литература

1. Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки: Ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988
2. Аннинский Л. Пред волею и бедой // Новый мир. 1988. N 2. С. 237

At the forefront of University sociology

Kravchenko A.I.

Moscow State University M.V. Lomonosov

The article continues the editorial anniversary column, the first materials of which were published in the second issue of our magazine for this year. This time, not documentary materials are placed, but a meaningful analysis of the three anniversary events.: The 15th anniversary of the journal "Sociology" coincided with the 30th anniversary of the faculty of sociology of Moscow state University. M. V. Lomonosov and the 80th anniversary of its first Dean and founder Vladimir Ivanovich Dobrenkov-editor-in-chief of our magazine since its Foundation.

Key words: sociology, University, faculty, jubilee V. I. Dobrenkov.

References

1. Ogurtsov A.P. Disciplinary structure of science: Its genesis and rationale. M.: Nauka, 1988
2. Anninsky L. Before will and misfortune // New World. 1988. N 2. P. 237



Социологическая наука и образование в Беларуси: история и повестка дня на завтра

Данилов А.Н.

Статья посвящена развитию социологической науки и образования в Беларуси, где обобщается история возникновения, особенности развития и этапы институционализации социологии. Раскрывается роль Белорусского государственного университета в процессе ее развития, подготовке профессиональных кадров-социологов. Отмечается, что открытие социологического отделения и кафедры социологии в БГУ в 1989 г. позволило завершить институционализацию социологического образования. Социология в территории Беларуси долгое время развивалась вместе с Россией. Предысторией развития социологии в Беларуси послужили достижения национальной культуры, всей социально-политической мысли, истоки которой восходят к деятельности Ефросиньи Полоцкой, Франциска Скорины, Симеона Полоцкого и многих других религиозных и общественных деятелей Беларуси. Выделяется три этапа развития социологии в Беларуси: 1) 20-х гг. XX в., связан с открытием БГУ. 30-е и последующие годы, отмеченные в истории репрессиями, разрушительными последствиями Второй мировой войны, послевоенным восстановлением, надолго задержали развитие социологической науки; 2) 1960-1990 гг. – возрождение и признание социологии как науки; 3) 1991 г. по н.в. – развитие социологии в суверенной Беларуси.

Доказывается, что БГУ стал колыбелью социологии в Беларуси, где уже в 1921 г. была создана кафедра социологии и первобытной культуры и студентам читались лекции социологической направленности. Масштабы научно-исследовательской работы в области социальной проблематики значительно расширились после открытия Института белорусской культуры (1922) и АН БССР (1928). Важную роль в развитии социально-экономических исследований сыграла система статистической информации. Отмечается роль Г.П. Давидюка и Е.М. Бабосова в возрождении социологической науки в Беларуси. В 1967 г. в Белорусском государственном университете создается Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований. Сегодня дело которой успешно продолжает Центр социологических и политических исследований (Д.Г. Ротман). В 1989 году в БГУ было открыто отделение социологии на новом философско-экономическом факультете и кафедра социологии (А.Н. Елсуков), в Академии наук – Институт социологии (Е.М. Бабосов). Социологическая наука и образование в Беларуси выходит на новые рубежи, расширяется тематика исследований, международные контакты, подготовка студентов по социологическим специальностям.

Ключевые слова: институционализация, социология, Беларусь, социологическая наука и образование, кафедра социологии, Белорусский государственный университет.

Введение

Открытие 30 лет назад в Белорусском государственном университете социологического отделения и кафедры социологии позволило в 1989 г. завершить институционализацию социологического образования. Последующее развитие кафедры позволило сплотить вокруг нее лучшие профессиональные кадры республики, которые внесли свой весомый вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов в области социологии и в развитие социологической науки в Беларуси в постсоветскую эпоху.

Социология в Беларусь пришла из Европы через Россию. Этот путь не был простым и быстрым. Социология воспринималась как наука обновления, наука демократии, наука революции. Ее традиционно воспринимали как науку, направленную на ниспровержение устоявшихся традиций, государственных устоев, действующей власти. Русский ученый М.М.Ковалевский в своей статье «Социология на Западе и в России», которую он опубликовал в начале прошлого века в сборнике «Новое в социологии», описывает курьезный случай, свидетелем чему он был сам: «... Мне припомнились слова жандармского полковника на границе, допрашивавшего меня: «нет ли у вас книг по социологии? Вы понимаете... в Россию – это не возможно», вспомнилось мне сожжение книги весьма консервативного американ-



ского писателя Уорда под заглавием: «Динамическая социология». Автор ее до сих пор уверен в том, что поводом к сожжению послужило смешение «динамизма» с динамитом¹. Поэтому не удивительно, что только по прошествии XIX в., социология стала признанной научной дисциплиной в России, чуть позже на территории Беларуси, входившей в то время в состав Российской империи, а позже – в состав Союза ССР. Поэтому, говоря о развитии белорусской науки и, в частности, общественно-политической мысли, невозможно абстрагироваться от ее социокультурного (прежде всего русского) окружения. Все это позволяет утверждать, что рассмотрение вопроса о развитии социологической мысли в Беларуси невозможно оторвать от общего развития социологии в советской и дореволюционной России.

Особенности и этапы развития социологии в Беларуси

Социологическая наука и образования в Беларуси сформировались в XX столетии. Сам процесс выбора пути развития, принятия новой науки сопровождался как периодами интенсивной работы ученых, востребованностью результатов их усилий обществом и властью, так и периодами полного запрета, преследования ученых за право иметь свою точку зрения по фундаментальным вопросам развития общества². Говоря о развитии социологии Беларуси, необхо-

димо учитывать ряд обстоятельств. **Первое** из них заключается в том, что Беларусь, как самостоятельный этнический регион, располагаясь в центре Европы, постоянно находилась как бы в зоне политической тектоники между Востоком и Западом, между странами севера и юга. Здесь, в зоне белорусского этноса, сталкивались политические интересы Киевской Руси, Литвы, Польши и России. **Второе** обстоятельство связано с тем, что, находясь в центре Европы, Беларусь постоянно оказывалась транзитной территорией, по которой прокатывались волны военных действий. **Третье** обстоятельство – невозможность отделить историю Беларуси от истории ее соседей. Беларусь долгое время входила в состав Российской империи, а позже – СССР. Реальную государственность Беларусь обрела лишь в советский период, получив все ее атрибуты (территория, граница, столица, правительство), свидетельством чему является ее участие в качестве самостоятельного государства при учреждении ООН³. С распадом Советского Союза в 1991 году Беларусь обрела суверенный статус и стала самостоятельно проводить свою внутреннюю и внешнюю политику.

Следует сразу отметить, что предысторией развития социологии в Беларуси послужили достижения национальной культуры, всей социально-политической мысли, истоки которой восходят к деятельности Ефросиньи Полоцкой, Франциска Скорины, Симеона Полоцкого и многих других религиозных и

¹ Ковалевский М.М. Социология на Западе и в России // Новое в социологии. Сб. 1.- СПб., 1913. – С.1-10.

² Данилов А.Н. Социология // Наука Беларуси в XX столетии. – Минск: «Белорусская наука», 2001. – С.190-202.

³ Елсуков А.Н. Философско-экономический бриколаж. – Минск: Книжный дом, 2011. – С.195-206.



общественных деятелей Беларуси¹. Мы обычно выделяем три этапа развития социологии в Беларуси. **Первый этап**, берущий начало в 20-х гг. XX в., связан с открытием Белорусского государственного университета. 30-е и последующие годы, отмеченные в истории репрессиями, разрушительными последствиями Второй мировой войны, послевоенным восстановлением, надолго задержали развитие социологической науки. **Второй этап** (1960-1990 гг.) – возрождение и признание социологии как науки, необходимости ее развития. И, наконец, **третий этап** (1991 г. по настоящее время) – развитие социологии в суверенной Беларуси.

Социологическая мысль в дореволюционный период, несмотря на явное противодействие властей, развивалась в общем русле мировой социологии, постепенно приобретая все признаки самостоятельной научной дисциплины, значение которой постоянно возрастало. По инерции это развитие продолжалось и в первые годы после Октябрьской революции 1917 года. Переводились на русский язык книги многих западных специалистов (например, Г. Тарда, З. Фрейда), работали крупные ученые и общественные деятели, такие как Н.А. Бердяев, А.А. Богданов, С.Н. Булгаков, Г.В. Вернадский, П.А. Кропоткин, С.Г. Струмилин и многие другие, которые отстаивали свои оригинальные концепции общественного развития. В 1918 г. был открыт Социобиблиографический институт, главной целью которого стала популяризация социологиче-

ских знаний, создание своеобразной базы социальных данных и главное – проведение в стране конкретных социологических исследований. В 1920 г. в Петроградском университете на факультете общественных наук была открыта кафедра социологии, которую возглавил П.А. Сорокин, где студентам в качестве обязательных курсов читались лекции по системе социологии (П.А. Сорокин), генетической социологии (К.М. Тахтарев), истории социологических учений (В.В. Святловский). В 20-е гг. XX в. создается целая серия учебной литературы по социологии. Наконец, в 1921 г. был образован «Кружок объективного изучения – поведения людей», объединивший усилия биологов и социологов, занимавшихся исследованием действий и поступков человека. Почетным председателем кружка стал Нобелевский лауреат, академик И.П. Павлов, а председателем П.А. Сорокин.

Белорусский государственный университет – колыбель социологии в Беларуси

В первые послереволюционные годы новая власть, будучи занятой неотложными военнo-хозяйственными делами, отдала вопросы вузовского образования в руки старой дореволюционной профессуры, которая хотя и пыталась осмыслить суть происходящих событий, однако в основном не разделяла слишком радикальные преобразования общества. Сохранялись и некоторые старые формы управления вузами. Так, еще в 1922 г. вузами руководили коллегии профессоров. В этих условиях

¹ Елсуков А.Н., Данилов А.Н. Предыстория социологии. – Минск, 2009.



по всей стране стали создаваться новые вузы с четко обозначенной прокоммунистической программой обучения. Именно в этот период в Беларуси создается ряд новых научных центров, в том числе Белорусский государственный университет (1921 г.), первым ректором которого стал молодой ученый В.И. Пичета. Сразу же в университете создается кафедра социологии и первобытной культуры (1921 г.), которую возглавлял С.З. Каценбоген (понятие кафедры в то время отличалось от современного и означало предмет и того лектора, который этот предмет вел).¹ Студентам читались лекции по общей социологии, проблемам труда, экономике, праву, истории культуры, социологии семьи и брака. Все это говорит о тесной связи отечественной социологии с западной теоретической традицией. Правда, сама теоретическая мысль этого периода отличалась большим плюрализмом и крайней абстрактностью. В частности, одновременно развивались такие течения, как «социальный дарвинизм», «фрейдизм», «эмпириомонизм», «физиологическая социология», «социальный энергитизм» и ряд других².

В первые годы советской власти ученые ориентировались на проведения конкретно-социологических исследований. Предполагалось, что такие исследования могут стать основой научного подхода новой власти к государственному управ-

лению. Многие экономические, демографические, историко-политические исследования включали в себя социологические мотивы. Масштабы научно-исследовательской работы в области социальной проблематики значительно расширились после открытия в 1922 г. Института белорусской культуры (Инбелкульт)³, который возглавил В.М. Игнатовский. В этот период были организованы систематические исследования в области социально-экономических и социально-культурных проблем развития белорусской нации (Е.Ф. Карский, С.М. Некрашевич), динамики социальной структуры белорусского общества (В.М. Игнатовский, М.В. Довнар-Запольский), социологии семьи и религии (С.Я. Вольфсон, Б.Э. Быховский), образования и воспитания (С.М. Василейский, А.А. Гаваровский, С.М. Риверс)⁴.

Важную роль в развитии социально-экономических исследований сыграла система статистической информации. В Беларуси формирование органов государственной статистики завершилось в 1922 г. Многие статистические обследования по предмету и характеру представляли собой тип прикладных социологических исследований. Статистика и конкретная социология взаимно дополняли друг друга. Появляется все больше социологических работ, построенных на статистических данных или

¹ Максимчик А.Н. Малоизвестные страницы биографии и деятельности профессора С. З. Каценбогена (1889–1946) // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 2. С. 65-73.

² Каценбоген С.З. Белорусский государственный университет за 1922-23 академ. год (итоги и перспективы) // Труды БГУ. – 1923. – № 4,5.

³ Институт белоруской культуры. 1922-1928 : дакументы і матэрыялы / В.У.Скалабан, М.У. Токараў. – Мінск : Беларус. Навука, 2011. – 257 с.

⁴ Бабосов Е.М. Формирование и развитие социологии в Беларуси // Социология. Ч. 1. Общая социологическая теория. – Минск, 1998. – С.92-103.



данных, полученных специальными эмпирическими методами.

В 1927 г. в Минске вышла коллективная монография «Рабочая молодежь в Беларуси. Численность, состав, быт, условия труда и физическое состояние», подготовленная коллективом преподавателей кафедры социальной гигиены БГУ во главе со Б.Я. Смулевичем, вполне соответствовавшая стандартам прикладного социологического исследования. В этом же году под руководством С.М. Василейского было проведено выборочное исследование ценностных ориентаций и уровней культурного развития отдельных групп молодежи Беларуси. В его книге «Введение в теорию и технику психологических, педагогических и психикотехнических исследований» впервые в отечественной науке был дан систематический анализ основных методов конкретного социологического исследования. Под руководством П.Я. Панкевича осуществлено исследование образа жизни, состояния нравственного сознания и быта белорусского студенчества. Интерес также представляет работа С.Я. Вольфсона «Социология брака и семьи», вышедшая в Минске в 1929 г., и ряд других публикаций. Таким образом, социология в Беларуси развивалась в общем русле мировой социологической мысли, постепенно приобретая все признаки самостоятельной научной дисциплины.

Так, после Октябрьской революции 1917 г. социология, казалось, обрела все признаки важной и социально значимой науки, однако результаты исследований социологов все больше и больше входили в противоречие с основ-

ными теоретическими положениями и идеологическими установками новой власти. Этот конфликт стал ощущаться, когда конкретно-социологические исследования начали расходиться с теми утопическими проектами, которые были обещаны новой властью рабочим и крестьянам. Стали закрываться ранее созданные кафедры, научные общества и исследовательские центры социологии; лишаться званий и степеней старых работников вузов; увольнять многих из них с работы; наконец, арест ортодоксальных приверженцев старого мировоззрения или высылку их за границу. Так, в 1922 г. большая группа ученых (до 160 человек), в основном философов, обществоведов и деятелей культуры, была выслана из страны. Там оказались такие светила русской науки и культуры, как С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, С.Л. Франк, И.А. Ильин и многие другие. Именно в этой группе оказался и один из основоположников российской социологии П.А. Сорокин, внесший после высылки значительный вклад в развитие американской и мировой социологической науки.

В 1920-е гг. на арену политической и идеологической борьбы в коммунистической России вышло новое поколение марксистов-управленцев, которое попыталось по-новому осмыслить соотношение марксистской философии и социологии, что фактически привело к отождествлению исторического материализма с социологией. В этой «мясорубке» пострадали и белорусские обществоведы. В 1929 г. был смещен со своего поста первый ректор БГУ – В. И. Пичета. Кафедра социологии и первобытной



культуры в БГУ была закрыта, из учебных планов исключены все курсы социологии. Постепенно в научных кругах за социологией закрепляется ярлык «буржуазной лженауки» и она на долгие годы, вплоть до конца 1950-х гг., исключается из цикла общественных наук, упоминаясь лишь в критических исследованиях трудов западных теоретиков. Современные исследования показывают, что официальных документов о запрете социологии в СССР не существовало. В реальной политике и научной практике социология продолжала свое существование в большинстве случаев в латентном виде или в официальной роли как марксистско-ленинская теория в 1930-е гг., позднее, в 1950-1970-е гг. как исторический материализм.¹

И все же возрождение...

Только с середины 1960-х гг. начинается активный период возрождения социологической науки. Почему это стало возможным? Тому были причины, как политического, так и социально-экономического характера. В стране ощущалась потребность в новых знаниях, реально отражающих социальные процессы и противоречия, новые теории прогнозирования и управления обществом в новых исторических условиях. К тому же необходимо было выходить из международной изоляции, активно влиять на ход мировых событий. В истории этот период получил название «хрущевской оттепели».

Социология в Беларуси быстро встала на ноги, в полном смысле слова возродилась. Сформировалось активное ядро исследователей, было восстановлено социологическое наследие – не только труды социологов 1920-1930 гг., но и социологические идеи выдающихся дореволюционных философов, писателей, статистиков, юристов, демографов и др.; создавались новые подразделения, готовились кадры, возникла заводская социология – должности социологов были впервые введены в штатное расписание крупных предприятий, отраслевых институтов и органов управления. За пределами республики стали говорить о белорусской школе социологии. Серьезным достижением социологической науки стала разработка планов социального развития коллективов, регионов и республики в целом. План города Минска был отмечен золотой медалью ВДНХ, что в то время было высоким признанием. Заложенные в тот период традиции позволяют столице Беларуси сохранять высокий уровень не только в экономике, но и в социальной сфере, благоустройстве, развитии инфраструктуры и т. д. Большую роль в возрождении социологической науки в Беларуси сыграли профессор Г.П. Давидюк и академик Е.М. Бабосов².

В 1967 г. в Белорусском государственном университете создается Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований (ПНИЛСИ)³, которая по праву стала

¹ Козлова Л.А. Послереволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 105-113.

² Данилов А.Н. Слово о современниках: эссе, интервью. – Минск: Беларус. навука, 2013.

³ Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований



колыбелью социологической науки и образования в республике. Именно в ее структурах сформировалась плеяда ныне хорошо известных в стране и далеко за ее пределами ученых на плечи которых легла непростая задача по подготовке профессиональных кадров ученых-социологов, исследовать актуальные проблемы социальной жизни страны. С первых дней существования лаборатории здесь стали изучаться проблемы эффективности идеологической работы, с начала 1970-х гг. – проблемы студенческой молодежи, затем проблемы семьи, трудовых коллективов и социального управления. С самого начала научно-исследовательская деятельность лаборатории стали реализовывать крупные исследовательские проекты, разрабатывающиеся на долгосрочной основе. К примеру: «Формирование профессиональных ценностных ориентаций студентов в учебно-исследовательской системе вуза», «Проблемы воспитания старшеклассников в городской семье», «Изменение характера и содержания труда при социализме», «Эффективность функционирования республиканских средств массовой информации и пропаганды».¹ В таких проектах, как правило, применялся целый комплекс взаимосвязанных исследовательских процедур: интервью с экспертами, наблюдение, контент-анализ разнообразных документов

ний Белорусского государственного университета (ПНИЛСИ БГУ): к 50-летию создания. – Минск: Изд. центр БГУ, 2017. – 99 с.

¹ Социологические исследования. Аннотированный указатель печатных работ, выпущенных в Проблемной НИЛ социологических исследований БГУ им. В. И. Ленина. 1968 – 1987 гг. Минск. 1988. С. 4.

(например, сообщений газет, радио и телевидения, редакционной почты), различные виды анкетного опроса (раздаточный, почтовый, пресловый), социальный эксперимент. При обработке эмпирических результатов на ЭВМ в этих случаях, помимо одномерного и корреляционного анализа, использовались различные виды регрессионного, дискриминантного, факторного и кластерного анализа (по адаптированному в Вычислительном Центре БГУ пакету программ).

Сегодня дело социологов ПНИЛСИ успешно продолжает Центр социологических и политических исследований (директор – профессор Д.Г. Ротман). Ученые центра сотрудничают с Представительством ООН в Беларуси, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, Постоянным комитетом Союзного государства России и Беларуси, Всемирным банком реконструкции и развития, министерствами и ведомствами Республики Беларусь.

Обобщение теоретических поисков и прикладных исследований стало основой для создания «Словаря прикладной социологии»², вышедшего в свет в 1984 г. (отв. ред. Г.П. Давидюк, сост. К. В. Шульга), ставшего первым не только в Беларуси, но и в СССР. Словарь пользовался большой популярностью среди социологов, управленцев разного уровня, а также студентов и преподавателей вузов страны (в 1991 г. книга переиздана в дополненном и переработанном виде под названием «Социологический словарь» – примеч. авт.).

² Словарь прикладной социологии / [Сост. К.В. Шульга; Редкол.: Г.П. Давидюк (отв. ред.) и др.]. – Мн.: Изд-во «Университетское», 1984. – 317 с.



Вторым социологическим подразделением, созданным в Беларуси (1968 г.) стал вначале сектор, а затем отдел социальных исследований (Г.П. Давидюк) Института философии и права АН БССР (директор – К.П. Буслов). Новые социологические подразделения были малочисленны, испытывали острую нехватку квалифицированных кадров, организационные трудности начального периода. И, тем не менее, вскоре появились первые коллективные работы, изданные академическими социологами. К.П. Буслов, Г.П. Давидюк, Е.М. Бабосов, Е.Х. Капелян и их сотрудники подготовили и выпустили монографии, в которых раскрываются основные тенденции развития социальной структуры общества применительно к проблемам Беларуси: «Социальные изменения рабочего класса Белоруссии» (1964), «Структура советской интеллигенции (по материалам БССР)» (1970), «Научно-технический прогресс и социальные изменения на селе (по материалам БССР)» (1972), «Баптизм и баптисты: Социологический очерк» (1966).

На протяжении 1970-1980-х гг. социология в Академии наук БССР получила значительное развитие по многим направлениям. Большое внимание стало уделяться теоретическому анализу методологических проблем социологического знания, уточнения объекта, предмета, методов социологического исследования, построения концептуальных социологических систем. В БГУ больше внимания стали уделять подготовке профессиональных социологов, выполнению многочисленных заказов от пред-

приятий и организаций по исследованию социальных проблем в конкретном трудовом коллективе для предупреждения возможных конфликтов, выявления резервов повышения трудовой активности, определения эффективности принимаемых администрацией решений, совершенствования стиля работы руководителей всех уровней, оптимизации в подборе и расстановке управленческих кадров.

По примеру Белорусского государственного университета социологические структуры стали создаваться во всех ведущих вузах республики. Начинают формироваться отраслевые направления социологии – труда, организаций, семьи, образования, религии, личности, молодежи, девиантного поведения. В этот период в стране активно нарастает процесс освоения и критического осмысливания опыта развития мировой социологической мысли, большое внимание уделяется теоретическому анализу методологических проблем социологического знания, изучению социальной структуры общества, ее динамики, социальных перемещений. В учебниках «Введение в прикладную социологию» (1975) и «Прикладная социология» (1979), подготовленных профессором Г.П. Давидюком, выражаются современные представления о функциях социологии, ее основных категориях. Эти книги стали первой попыткой раскрыть историю становления и развития социологической науки в 1960-1970-е гг. и сформулировать практические предложения по учебному процессу.

В сентябре 1976 г. учреждается Белорусское отделение советской социологической ассоциации, глав-



ной задачей которого было объединение усилий социологов республики для поддержания и повышения профессионального уровня, распространение социологических знаний и широкое использование результатов исследований на практике, создание основ для становления целостной системы социологического образования в стране.

Вместе с тем ситуация в отечественной социологии 1970-1980-х гг. оставалась противоречивой. С одной стороны, были достигнуты значительные результаты в области эмпирических и прикладных исследований, организации преподавания социологических дисциплин, подготовки кадров высшей квалификации, появился ряд значительных работ в области использования математических методов в социологии. В этот период были достигнуты серьезные результаты в изучении проблем труда, промышленного и сельскохозяйственного производства, социальной структуры общества (рабочего класса, интеллигенции, села). Получили развития исследования в области образования, культуры, молодежи, рабочего и свободного времени, образа жизни, общественного мнения, средств массовой информации, личности, советской семьи и др. С другой стороны, в научном сообществе нарастала обеспокоенность усилением социологического мифотворчества, снижением уровня востребованности как теоретической, так и эмпирической социологии. Социологии по-прежнему отводилась роль источника лишь прикладного знания, функционировавшая в узких рамках дозволенных партией границ, в трудную минуту оказалась неспо-

собной спрогнозировать последствия надвигающегося катастрофы.

Чрезмерный эмпиризм сыграл с отечественной социологией злую шутку. Никто из представителей белорусской, как и советской академической социологии, не смог поставить правильный «социологический диагноз» состоянию советского общества и предвидеть последующее драматическое развитие событий. А ведь именно в этом и состояла первоначальная и основная цель институционализации социологии в СССР в 1960-1980-х годы, ее прогностическая функция. Очевидно, что успешный процесс институционализации социологии не упредил близкий распад Союза ССР. Жаль, что и сегодня былой опыт ничему не учит. Излишняя институциональная регламентация социологической науки, как и науки вообще, так же опасна, как и отсутствие или кризис соответствующих научных институтов.

Заканчивались 1980-е годы... Страна выходила на новые рубежи. Перестроечное напряжение нарастало с каждым днем, вокруг только и говорили о переменах, после которых всем станет легче жить. Именно в такие переломные этапы сама жизнь востребует социологию – точную науку об обществе. Вновь правящей элите понадобилась наука революций, наука действия, наука управления массами, наука, изучающая настоящее и прогнозирующая будущее. Именно наука об обществе реальном, в котором живет, мыслит, совершает поступки человек со своими проблемами и радостями. В 1988 г. с большим опозданием правящая коммунистическая партия принимает постановление «О повышении роли



марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества». Это решение не изменит положения в стране, но даст уникальный шанс в полном объеме реабилитировать социологическую науку и образование в Советском Союзе и тем самым, хоть в какой-то степени, покаяться перед социологами за трагическое прошлое этой науки в нашем отечестве.

В соответствии с постановлением, предстояло вывести социологию в СССР на качественно новую ступень развития, существенно повысить теоретический, методологический и методический уровни научных разработок и коренным образом улучшить их использование в управлении и прогнозировании общественных процессов, углублении демократизации и гласности. Необходимо было осуществить систему мер, направленных на обеспечение комплексности и результативности социологических исследований, развитие сети социологических институтов и центров, повышение роли служб социального развития на предприятиях и в организациях, коренное улучшение социологического образования и подготовки кадров социологов, создание научно обоснованной системы изучения общественного мнения, расширение информационной базы социологии, увеличение выпуска и повышение качества социологической литературы, улучшение материально-технического и финансового обеспечения научных разработок¹.

¹ Кафедре социологии БГУ – 20 лет: сб. науч. тр. / под науч. ред. А.Н. Данилова, А.Н. Елсукова, Д.К. Безнюка; Белгосуниверситет. – Минск: Право и экономика, 2009. – С.7-22.

Как правило, в эти годы многие принятые постановления уже не выполнялись. Тем не менее, буквально в считанные месяцы в структурах Академии наук СССР стали открываться научные учреждения и подразделения социологического профиля. Институт социологических исследований АН СССР был преобразован в Институт социологии, в регионах по мере необходимости и при наличии соответствующих кадров поэтапно стали создаваться подобные научные структуры. Кардинально менялась ситуация в сфере социологического образования, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров. В двенадцати крупнейших университетах СССР открываются социологические факультеты и отделения, социологические лаборатории, создаются аспирантуры, докторантуры, формируется система советов по защите диссертаций по социологическим наукам, существенно увеличивается количество периодических изданий, научной, методической и учебной литературы по социологии. Основой методологической и методической базы учебного плана новой дисциплины послужили немногочисленные изданные монографии, даже конспекты лекций высокопрофессиональных отечественных кадров социологов, а также переводные книги.

В 1989 году в БГУ было открыто отделение социологии на новом философско-экономическом факультете и кафедра социологии (декан и зав. кафедрой профессор А.Н. Елсуков²), в Академии наук –

² Память и слава: Альберт Николаевич Елсуков. К 80-летию со дня рождения / ред.



Институт социологии (директор академик Е.М. Бабосов¹), на всех факультетах в вузах Беларуси стал читаться курс по общей социологии. Заново были подготовлены учебные программы, курсы лекций, учебники, стала активно издаваться научная и учебная литература социологического профиля. За прошедшие тридцать лет произошли большие перемены: сформировалась эффективная, адекватная времени система подготовки специалистов, о чем свидетельствуют достижения наших бывших студентов, которые работают в Беларуси, в странах ближнего и дальнего зарубежья. Эстафету руководителя кафедрой социологии после А.Н. Елсукова принял профессор Давид Генрихович Ротман² (2003-2005), с 2005 года кафедру возглавляет Александр Николаевич Данилов.

Системный кризис конца 1980-х гг. предъявил новые требования к социологической науке, резко усилился интерес к исследованию социальных трансформаций белорусского общества, ценностных ориентаций различных социальных групп населения, к проблемам роста политической активности населения, изучению стратификации и демографических характеристик меняющегося общества под воздействием социальных, экономических и социально-психологических факторов. Особое

внимание социологи Беларуси сосредоточили на разработке различных аспектов анализа социального развития молодежи.

Перестройка породила новые возможности для развития социологической науки. С одной стороны, демократизация и гласность востребовали новые формы организации политической работы, когда многое в социальной жизни необходимо было упреждать, а значит изучать и прогнозировать последствия принимаемых решений. С другой стороны, начался период активной коммерциализации эмпирических исследований, значительно сократились ассигнования на развитие академической науки. Но коммерциализация создавала лишь моду на социологию, что зачастую вело ее к искаженному развитию.

Траектория социологии суверенной Беларуси

С 1991 года, когда Республика Беларусь стала независимой, траектория развития белорусской социологии стало меняться, больше пришлось рассчитывать на собственные силы. Образовательный процесс на кафедре социологии строился на основе лучших традиций советской высшей школы, главной особенностью которой был акцент на подготовку студентов в области фундаментальных дисциплин. Была введена специализация немногочисленного преподавательского состава по направлениям: методология социологического познания, социологическая теория в классической и постклассической версии, история социологии и методы эмпирических социологических исследований. Подготовка

кол.: А.Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2016. – 279 с.

¹ Евгений Михайлович Бабосов к 85-летию со дня рождения / Нац. академ. наук Беларуси, Отд-ние гуманитар. наук и искусств, Центр. науч. б-ка им. Якуба Коласа; сост.: А.Н. Данилов [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2016. – 270 с.

² Ротман Д.Г. Избранное. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2009.



студентов подкреплялась основательными курсами лекций по философии, экономической теории и высшей математике. Математика была введена в качестве профилирующего предмета при вступительных экзаменах по специальности социология, что позволило повысить качество отбора студентов. Как оказалось, хорошее знание школьной математики вполне коррелировало со способностями молодых людей к общественным дисциплинам.

В этот период открывается Совет по защите диссертаций по социологическим наукам. Ежегодно на конкурсной основе формируется аспирантура по специальностям: 22.00.01 – теория, методология и история социологии и 22.00.08 – социология управления, 2/3 выпускников аспирантуры защищаются досрочно или в срок. В целом, основные процессы институционализации белорусской социологии в суверенной Беларуси были завершены к середине 1990-х годов прошлого века. После некоторого периода растерянности (на рубеже 1990-х гг.), ухода части социологов в коммерческие структуры, белорусская социология все более активно вовлекается в исследование актуальных проблем жизни нового белорусского общества.

Получила новое развитие проблемы системной трансформации постсоветских стран, образовавшихся после распада СССР, новое дыхание получила политическая социология (Д.Г. Ротман, Л.А. Соглаева, А.П. Лимаренко, Ж.М. Грищенко, В.Л. Абушенко). Многие правительственные и неправительственные организации заинтересованы в изучении рейтинга по-

литических лидеров и партий, оценки важных политических событий и государственных решений, общественного мнения о стратегических направлениях развития, векторах международной политики и интеграции, вопросов отношения к тем или иным теле- и радиопередачам, печатным изданиям и т. д. Все это – важная часть социологической работы, и от ее качественного выполнения зависит степень самопознания обществом самого себя, а значит, и социального настроения людей. Наши ведущие социологи (Е.М. Бабосов, С.А. Шавель, Д.Г. Ротман, Л.Г. Титаренко, А.В. Рубанов, Р.А. Смирнова, Д.К. Безнюк, Е.А. Кечина, Е.Е. Кучко, О.В. Кобяк и др.) в своих исследованиях анализируют противоречивые процессы, обозначившиеся в XX в. и определившие проблемное поле социологической науки начала XXI в.

Системный кризис, породивший процесс глубоких социальных изменений, усилил интерес социологов к исследованию главного объекта и субъекта социологической науки – человека. Ученые БГУ значительно расширили объем исследований ценностных ориентаций различных социальных групп населения республики, особенности их социализации и идентификации. В начале 1990-х гг. в экономической социологии и социологии труда произошел резкий тематический сдвиг исследований. Среди новых проблем, которые активно изучаются социологами, – трудовые конфликты и забастовочное движение рабочих, экономическая преступность и ее социальные последствия, многообразие форм собственности на производстве,



проблемы занятости и безработицы, переход к рыночным отношениям, предпринимательство, приватизация. По-прежнему актуальны вопросы оплаты труда и материального стимулирования, участия работников в управлении, организация и условия труда, стабилизация коллектива и социально-психологический климат в нем. В Беларуси сформировалась научная школа Г.Н. Соколовой по экономической социологии, которую сегодня успешно продолжает ученик Галины Николаевны профессор О.В. Кобяк.

Проблематика экономической социологии и социологии труда взаимодействует с социальной экологией, социологией катастроф и экстремальных ситуаций, что особенно важно для Республики Беларусь, более других пострадавшей от аварии на Чернобыльской АЭС. Переход к рыночным отношениям не только обнажил прежние, но и обусловил возникновение новых проблем социологии семьи и демографии, рост с начала 1990-х годов интереса к гендерной проблематике в социологии.

Исследования в области социологии науки, начатые в 1970-е гг., позволили определить методологические принципы исследования научной деятельности, ее социальные характеристики, особенности познавательной деятельности с системой отношений в рамках института науки вообще. К концу XX в. в рамках научной школы профессора Г.А. Несветайлова разработаны трансформационные характеристики функционирования науки в контексте глобальных социальных и социокультурных изменений, развития новой инноваци-

онной системы, обеспечивающей технологический прогресс, ее непосредственная зависимость от состояния экономики, создания рынка новых технологий, кадрового потенциала; внедрена система мониторинга миграции научных кадров страны.

В области социологии культуры – традиционном для Беларуси научном направлении – рассмотрены проблемы развития белорусской нации; социодинамика культуры в ее национальных традициях и особенностях в контексте взаимодействия со становлением и проявлениями специфики белорусского менталитета и национального своеобразия; национального самосознания белорусского народа как в прошлые эпохи, так и в современный период. В начале XXI в. социологи Беларуси изучают проблемы национальной идентичности, составляющие культурного кода белорусского народа, его традиций и ценностей. Стали больше изучаться проблемы межнациональные отношения в условиях становления суверенитета, проблемы региональной политики, развития местного самоуправления. Новое развитие получили исследования проблем условий жизни, образа жизни и здоровья населения.

С 1997 г. в Белорусском государственном университете выходит первый профессиональный научно-теоретический журнал «Социология»¹. В 2003 г. одновременно выходят первые отечественные социологические энциклопедии

¹ Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований БГУ – 30 лет. Круглый стол // Социология. – 1998. – № 1.



(под общей редакцией А.Н. Данилова и А.А. Грицанова)¹, содержание которых в полной мере отвечало современному уровню социально-гуманитарного знания и основным задачам социологического образования. В изданиях давалось изложение содержания основных социологических теорий, раскрывается методология и история развития социологического знания, отражаются сведения по теоретической и прикладной социологии, специальным социологическим теориям. Значительное место отводится проблемам методологии и методики социологических исследований с учетом новых информационных технологий. Биографические статьи включают основные факты, характеризующие творческую сторону деятельности известных ученых-социологов.

В 2000 г. по инициативе социологов БГУ был созван Учредительный съезд социологов Республики Беларусь, который создал Белорусское общественное объединение «Социологическое общество»².

Повестка дня на завтра

Социологическая наука и образование в Беларуси выходит на новые рубежи, стремиться соответствовать современным вызовам времени. Она располагает высоким научным потенциалом, обеспечивается преемственностью специалистов разных поколений. Только на

кафедре социологии БГУ сегодня работают семь докторов социологических наук: А.Н. Данилов, Л.Г. Титаренко, А.В. Рубанов, Д.К. Безнюк, Е.А. Кечина, Е.Е. Кучко, О.В. Кобяк. Все сотрудники кафедры участвуют в работе научно-исследовательской работе, где осуществляется 7 крупных научных проектов по линии БРФФИ, Министерства образования Республики Беларусь, по программе ЕС «Горизонт 2020», в исследовательских проектах UNICEF. Успешно формируется формирует новое поколение научной интеллигенции, современной генерации профессиональных ученых-социологов. За этот период выпущено более 1,5 тыс. высококвалифицированных специалистов.

Из года в год расширяется подготовка студентов по социологическим специальностям. В настоящее время профессиональных социологов готовят помимо БГУ, в Белорусском государственном экономическом университете, Могилевском государственном университете им. А. Кулешова, Гродненском государственном университете им. Я. Купалы и др. университетах страны. Основные специализации обучения: теоретическая социология, методология и методы социологического исследования и социология управления, политическая социология. На отделении социологии студенты овладевают целым комплексом научных дисциплин социологического профиля. Они изучают теорию и историю социологии, осваивают навыки компьютерной обработки информации, большое внимание уделяется изучению дисциплин математического цикла. Ведущие ученые страны читают

¹ Социологическая энциклопедия (под общ. ред. А.Н. Данилова). – Минск, 2003; Социология. Энциклопедия (под ред. А.А. Грицанова). – Минск, 2003.

² Данилов А.Н. Социология в Белорусском государственном университете: история, факты, документы / А.Н. Данилов, А.Н. Елсуков, Д.Г. Ротман. – Минск: БГУ, 2006.



специальные курсы и ведут методологические семинары, посвященные изучению актуальных проблем современного общества. Выпускники отделения социологии получают квалификацию «Социолог. Преподаватель социологии и социально-политических дисциплин» и успешно работают в социологических и маркетинговых службах, рекламных агентствах, структурах по связям с общественностью в государственных и негосударственных организациях, научно-исследовательских центрах, в органах государственного и муниципального управления, в вузах, а также в качестве консультантов-аналитиков в общественных организациях и объединениях страны. Некоторые выпускники отделения социологии стали докторами и кандидатами социологических наук и успешно занимаются научной и преподавательской деятельностью в исследовательских центрах, вузах Республики Беларусь и других стран¹.

С целью расширения тематики научно-исследовательской работы, совершенствования методики преподавания курсов и спецкурсов кафедра постоянно стремится наращивать масштабы международного сотрудничества, которое осуществляется по многим направлениям. Многие ученые и преподаватели вузов Беларуси являются участниками международных проектов и членами международных социологических организаций.

Социология сегодня стала одним из главных источников получе-

ния социального знания о современном обществе, процессах протекающих в нем, о человеке, его социальном самочувствии. В социологическую науку включается прекрасно образованная и высококвалифицированная молодежь, происходит закономерная смена поколений. Уровень подготовки современных специалистов-социологов, кандидатов и докторов социологических наук, адекватен самым высоким международным требованиям. Социологи активно включились в решение социальных и социально-политических проблем суверенной Республики Беларусь, научно обосновывая ее социальные приоритеты и национальные интересы.

Все возрастающая значимость социологии – в ее способности увидеть будущее. Сегодня мы живем как раз в такое время, когда обществу необходимы новые социальные теории, концепции, идеи. Именно в такой период социология становится максимально востребованной. Нельзя ничего получить в готовом виде извне, все должно вырасти внутри национального социума. Современная социология стоит на плечах гигантов прошлого. Но, справедливо признавая этот факт, социология утратила бы свое значение, если бы, опираясь только на наследие прошлого, не связывала бы свою теорию, свой понятийный и исследовательский аппарат с учетом новых научно-технических, экономических и социальных реалий, сложившихся на рубеже XX -XXI веков. Новые социальные реалии порождают потребность в новых социальных понятиях, новых социальных теориях и концепциях.

¹ Кафедра социологии БГУ: история и современность. К 25-летию создания / А.Н. Данилов [и др.]; под ред. А.Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2014.



Естественно, человечество в своем историческом развитии находится в постоянном поиске, гармонизируя свои возможности и устремления с историко-культурными и социально-экономическими условиями. По существу стоит глобальная проблема – раскрыть культурный код жизни человека. Как завещание сегодня звучат слова академика В.С. Степина «Особая роль генетических (биологических) программ в жизни человека обстоятельно исследована современной наукой. Мне представляется перспективным осмысление второго типа программ – надбиологических, регулирующих социальную жизнь, деятельность, поведение и общение людей. С этих позиций культура может быть рассмотрена как сложноорганизованная, исторически развивающаяся система надбиологических программ человеческой жизнедеятельности».¹

Цивилизация вступает в фазу повышенных рисков. В современном социологическом знании, явно обозначились тенденции его радикального обновления, естественно возникла теоретико-методологическая неопределенность, осложняющаяся происходящими в современном научном знании сменами научной картины мира и способов его познания. Продолжается поиск таких парадигмальных ориентаций в научном познании и практической деятельности, которые бы органично сочетались с антропологическим измерением глобального социального развития, а также с человеком в

его единстве с социумом и природой. Именно поэтому человеческий фактор в настоящее время рассматривается как один из определяющих векторов осознания необходимости устойчивого развития².

Социологическая наука всегда молода и современна. На ее долю выпало сложное и исключительно ответственное дело – говорить правду; правду о человеческом взаимодействии, развитии, о настроениях и прогнозировать будущее, созидать общество для жизни людей. Делать это трудно, но на то и наука, чтобы, преодолевая трудности совершенствовать себя и окружающую тебя действительность. Все это имеет непосредственное отношение к развитию социологического образования и науки, определяет особенности и потенциальные возможности их дальнейшего развития.

Литература

1. Ковалевский М.М. Социология на Западе и в России // Новое в социологии. Сб. 1.- СПб., 1913.
2. Данилов А.Н. Социология // Наука Беларуси в XX столетии. – Минск: «Белорусская наука», 2001.
3. Елсуков А.Н. Философско-экономический бриколаж. – Минск: Книжный дом, 2011.
4. Елсуков А.Н., Данилов А.Н. Предыстория социологии. – Минск, 2009.
5. Максимчик А.Н. Малоизвестные страницы биографии и деятельности профессора С. З. Каценбогена (1889–1946) // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 2.

¹ Степин В.С. Человек. Деятельность. Культура. – СПб : СПбГУП, 2018.

² Шавель С.А. Высокая общественная миссия социологической науки // Социология. – 2006. - № 1.



6. Каценбоген С.З. Белорусский государственный университет за 1922-23 академ. год (итоги и перспективы) // Труды БГУ. – 1923. – № 4,5.
7. Институт белоруской культуры. 1922-1928 : документы і матэрыялы / В.У.Скалабан, М.У.Токараў. – Мінск : Беларус. Навука, 2011.
8. Бабосов Е.М. Формирование и развитие социологии в Беларуси // Социология. Ч. 1. Общая социологическая теория. – Минск, 1998.
9. Козлова Л.А. Послереволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 105-113.
10. Данилов А.Н. Слово о современниках: эссе, интервью. – Минск: Беларус. навука, 2013.
11. Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований Белорусского государственного университета (ПНИЛСИ БГУ): к 50-летию создания / редкол.: А.Н. Данилов (пред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2017.
12. Социологические исследования. Аннотированный указатель печатных работ, выполненных в Проблемной НИЛ социологических исследований БГУ им. В. И. Ленина. 1968 – 1987 гг. Минск. 1988.
13. Словарь прикладной социологии / [Сост. К.В. Шульга; Редкол.: Г.П. Давидюк (отв. ред.) и др.]. – Мн.: Изд-во «Университетское», 1984.
14. Кафедре социологии БГУ – 20 лет: сб. науч. тр. / под науч. ред. А.Н. Данилова, А.Н. Елсукова, Д.К. Безнюка; Белгосуниверситет. – Минск: Право и экономика, 2009.
15. Память и слава: Альберт Николаевич Елсуков. К 80-летию со дня рождения / редкол.: А.Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2016.
16. Евгений Михайлович Бабосов к 85-летию со дня рождения / Нац. академ. наук Беларуси, Отд-ние гуманитар. наук и искусств, Центр. науч. б-ка им. Якуба Коласа; сост: А.Н. Данилов [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2016.
17. Ротман Д.Г. Избранное. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2009.
18. Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований БГУ – 30 лет. Круглый стол // Социология. – 1998. - № 1.
19. Социологическая энциклопедия (под общ. ред. А.Н. Данилова). – Минск, 2003; Социология. Энциклопедия (под ред. А.А. Грицанова). – Минск, 2003.
20. Данилов А.Н. Социология в Белорусском государственном университете: история, факты, документы / А.Н. Данилов, А.Н. Елсуков, Д.Г. Ротман. – Минск: БГУ, 2006.
21. Кафедра социологии БГУ: история и современность. К 25-летию создания / А.Н. Данилов [и др.]; под ред. А.Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2014.
22. Степин В.С. Человек. Деятельность. Культура. – СПб : СПбГУП, 2018.
23. Шавель С.А. Высокая общественная миссия социологической науки // Социология. – 2006. - № 1.

Science and education in Belarus: history and agenda for tomorrow

Danilov A.N.

Belarusian State University

The article is devoted to the development of sociological science and education in Belarus. It summarizes the history of occurrence, features of development and stages of the institutionalizing sociology. The role of the



Belarusian State University in the process of its development, the preparation of professional personnel-sociologists is revealed. It is noted that the opening of the sociological department in BSU in 1989 made it possible to complete the institutionalization of sociological education. Sociology on the territory of Belarus has developed with Russia for a long time. The background of the sociology development in Belarus is the achievement of national culture, all social and political thought, which origins are in the activities of Euphrosyne Polotskaya, Francisk Skaryna, Simeon Polotski and many other religious and public figures of Belarus. There are three stages in the development of sociology in Belarus: 1) the 20s of the twentieth century are associated with the BSU opening. The 30th and subsequent years marked by the history of repression, the devastating effects of the Second World War, post-war reconstruction, delayed the development of sociological science for a long time; 2) 1960-1990 – the revival and recognition of sociology as a science; 3) 1991 till the present – the development of sociology in sovereign Belarus

It is proved that BSU became the cradle of sociology in Belarus. The Department of Sociology and Primitive Culture was already created in 1921, and students were given lectures of a sociological orientation. The research work in the field of significant social issues expanded after opening the Institute of Belarusian Culture (1922) and the Academy of Sciences of the BSSR (1928). An important role in the development of social and economic research was played by a statistical information system. The role of G.P. Davidyuk and E.M. Babosov was significant in the revival of sociological science in Belarus. The Problem Laboratory of Sociological Research was created at the Belarusian State University in 1967. Today its business is successfully continued by the Center for Sociological and Political Research (Director - Professor D.G. Rotman). In 1989 the Sociology Department (A.N. Elsukov) was opened at the new Faculty of Philosophy and Economics in BSU, and the Sociology Institute (E.M. Babosov) was opened at the Academy of Sciences. Sociological science and education in Belarus is going to new frontiers; research topics, international contacts, and the training of students in sociological specialties are expanding.

Key words: institutionalization, sociology, Belarus, sociological science and education, department of sociology, Belarusian State University.

References

1. Kovalevsky M.M. Sociology in the West and in Russia // *New in sociology*. Sat 1.- SPb., 1913.
2. Danilov A.N. *Sociology // Science of Belarus in the twentieth century*. - Minsk: Belarusian Science, 2001.
3. Elsukov A.N. *Philosophical and economic bricolage*. - Minsk: Book House, 2011.
4. Elsukov A.N., Danilov A.N. *Background to sociology*. - Minsk, 2009.
5. Maksimchik A.N. Little-known pages of the biography and activities of Professor C. Z. Katsenbogen (1889–1946) // *BSU Journal. Sociology*. 2017. No. 2.
6. Katsenbogen S.Z. Belarusian State University for the 1922-23 academic. year (results and prospects) // *Transactions of BSU*. - 1923. - No. 4,5.
7. Institute of Belarusian culture. 1922-1928: documents and materials / V.U. Skalaban, M.U. Tokaray. - Minsk: Belarus. Navuka, 2011.
8. Babosov E.M. *The formation and development of sociology in Belarus // Sociology. Part 1. General sociological theory*. - Minsk, 1998.
9. Kozlova L.A. Post-revolutionary Russian sociology: a failed attempt at Sovietization // *Sociological Studies*. 2016. No. 12. P. 105-113.
10. Danilov A.N. *A word about contemporaries: essays, interviews*. - Minsk: Belarus. Navuka, 2013.
11. Problematic research laboratory of sociological research of the Belarusian State University (PNILSI BSU): to the 50th anniversary of creation / editorial. : A.N. Danilov (previous) [and others]. - Minsk: Publ. BSU Center, 2017.
12. *Sociological studies. Annotated index of printed works performed in the Problem Research Laboratory of Sociological Studies of BSU named after V.I. Lenin. 1968 - 1987* Minsk. 1988.
13. *Dictionary of Applied Sociology / [Comp. K.V. Shulga; Editorial: G.P. Davidyuk (ed. Ed.) And others.]*. - Mn. : Publishing house "University", 1984.
14. Department of Sociology, BSU - 20 years: Sat. scientific tr / under the scientific. ed. A.N. Danilova, A.N. Elsukova, D.K. Bezniuk; Belgosuniversitet. - Minsk: Law and Economics, 2009.



15. Memory and glory: Albert Nikolaevich Yelsukov. On the occasion of the 80th birthday / editorial: A.N. Danilov (ed. Ed.) [Et al.]. - Minsk: BSU, 2016.
16. Evgeny Mikhailovich Babosov on the 85th anniversary of his birth / Nat. Academic Sciences of Belarus, Separate Humanities. Arts and Sciences, Center. scientific bk them. Yakub Kolas; sost: A.N. Danilov [et al.]. - Minsk: Belarus. Navuka, 2016.
17. Rotman D.G. Favorites. - Minsk: GIUST BSU, 2009.
18. Problem research laboratory of sociological research at BSU - 30 years. Round table // Sociology. - 1998. - No. 1.
19. Sociological Encyclopedia (under the general editorship of AN Danilov). - Minsk, 2003; Sociology. Encyclopedia (edited by A.A. Gritsanov. - Minsk, 2003.
20. Danilov A.N. Sociology at the Belarusian State University: history, facts, documents / A.N. Danilov, A.N. Elsukov, D.G. Rothman. - Minsk: BSU, 2006.
21. Department of Sociology, BSU: history and modernity. To the 25th anniversary of creation / A.N. Danilov [et al.]; under the editorship of A.N. Danilova. - Minsk: BSU, 2014.
22. Stepin V.S. Person. Activity. The culture. - SPb: SPbGUP, 2018.
23. Shavel S.A. High public mission of sociological science // Sociology. - 2006. - No. 1.



Наши авторы

Андреенкова Анна Владимировна - кандидат политических наук, директор Центра социальных и политических исследований Института сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), anna.andreenkova@cessi.ru

Балакирева Софья Юрьевна - соискатель, директор ООО «Лингва Про», Balakirevas@mail.ru

Бородин Петр Владимирович - кандидат педагогических наук, доцент, кафедра физического воспитания и здоровья, Дальневосточный государственный медицинский университет, Vorodinpetr@mail.ru

Васецкий Николай Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, NAVASECKIY@yandex.ru

Водолазова Жанна Михайловна - начальник отдела по связям с общественностью, МБУ «Спортивно-досуговый центр «Щукинец», vodolazova@mail.ru

Грудина Татьяна Николаевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории социологии, социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. grudina-tatyana@yandex.ru

Гусарова Злата Валерьевна - аспирант, МГУ имени М. В. Ломоносова, zgusarova1993@mail.ru

Данилов Александр Николаевич - член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета. a.danilov@tut.by

Демидова Татьяна Евгеньевна - доктор исторических наук, профессор, кафедра социальной работы, Российский государственный социальный университет, ted-05@list.ru

Ерохин Евгений Григорьевич - адъюнкт, ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации, кафедра социологии, eegnics@gmail.com

Клименко Василий Александрович - кандидат педагогических наук, доцент, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, кафедра физического воспитания и спорта, itps_klimenko@mail.ru

Кравченко Альберт Иванович – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, kravchenkoai@mail.ru

Лагутин Юрий Викторович - аспирант кафедры социологии коммуникативных систем, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», lagutinyury@gmail.com

Мавлянова Тамилла Бахриллоевна - соискатель кафедры русской и зарубежной литературы, Самаркандский государственный университет, aziza_sh@mail.ru

Максимов Владимир Валерьевич - аспирант, Департамент социологии, истории и философии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, tiz8283@mail.ru

Маленков Вячеслав Викторович – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и бизнеса Тюменского государственного университета. vvmalencov@gmail.com

Нурисламов Рустам Радикович - аспирант кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры, Greenlife5@mail.ru

Панова Александра Викторовна – переводчик 1 категории кафедры иностранных языков, Тюменский индустриальный университет, panovaav@tyuiu.ru



Полюшкевич Оксана Александровна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления института социальных наук Иркутского государственного университета

Смирнов Кирилл Игоревич - аспирант, Северо-Западный институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, k.i.smirnov@gmail.com

Стоянов Александр Сергеевич - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, старший преподаватель кафедры «Рекламы и связей с общественностью» ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России», stoianoff@mail.ru

Тертешникова Наталья Демьяновна - старший преподаватель кафедры менеджмента, Забайкальский государственный университет, terteshnikovan@mail.ru

Тимчак Ксения Николаевна - аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, TimchakKN@sra.msu.ru

Фарахутдинов Шамиль Фаритович – кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, fshamil@mail.ru

Чернышев Виктор Петрович - кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физической культуры и спорта, Тихоокеанский государственный университет, shernyshov_vp@mail.ru

Чернышева Лариса Георгиевна - кандидат педагогических наук, доцент, кафедра физической культуры и медико-биологических дисциплин, Армавирский государственный педагогический университет, tschern@yandex.ru

Шелест Дмитрий Александрович - заместитель директора Экспертно-аналитического центра ДВФУ, shelest.da@dvmfu.ru

